

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

научное издание

Выходит ежеквартально с октября 1994 года

Учредитель: Казахстанский институт
стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан

**Шеф-
редактор:** М.С. Ашимбаев,
Директор Института

**Адрес
редакции:** Республика Казахстан, 480100, Алматы,
проспект Достык 87-б, Казахстанский
институт стратегических исследований при
Президенте Республики Казахстан
Телефон: (3272) 64-34-04. Факс: (3272) 64-49-95
E-mail: office@kisi.kz

**Ответственный
за выпуск:** Утешев Д.А., Биржанова Ж.

Корректор: Шестакова Н.И.
Верстка: Жумагалиева А.А..

Журнал зарегистрирован Национальным агентством
по делам печати и массовой информации Республики
Казахстан 8 сентября 1997 г.
Регистрационное свидетельство №644.

При перепечатке, микрофильмировании и других
формах копирования статей ссылка на журнал
обязательна.

Мнение редакционной коллегии журнала может не
совпадать с точкой зрения авторов статей.

Тираж 500 экз.
Отпечатано в типографии ТОО «ФинЭк».
г. Алматы, ул. Карасай батыра, 191а.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашимбаев М.С.
Ертысбаев Е.К.
Илеуова Г.Т.
Косиченко А.Г.
Нурмухамедов Б.Ж.
Султанов Б.К.
Сыроежкин К.Л.
Умбеталиева Т.Б.

© КАЗАХСТАН-СПЕКТР, 2002 Г.

КАЗАХСТАН-СПЕКТР

№1 (19), 2002 г.

Содержание номера

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Ашимбаев М.С. К вопросу о теориях демократии	3
Касымбеков М.Б. Демократизация и политическая культура в условиях политической модернизации: теоретический аспект	12
Кульжанова Г.К. Язык политики как социолингвистический феномен	15
Смирнов С.Л. Радикализм в исламе: истоки и угрозы	19
Альжани Ж.К. Некоторые подходы к определению понятий «децентрализация» и «местное самоуправление»	31
Казкенов К.М., Нуkenов А.Н. Проблемы децентрализации власти в контексте политического развития Казахстана	37
Серажиева С.Х. К вопросу о понятиях «этнополитика» и «национальная политика»	42

ЭКОНОМИКА

Абишев А.А. Концепция технологического способа производства и приоритеты социально-экономического реформирования в Республике Казахстан	49
Кажмуратова А.К. Стимулирование экспортного потенциала и изменения в отраслевой структуре мирового хозяйства	54
Куанова Г.А. Стратегия формирования депозитной политики в коммерческих банках	59
Пахрутдинов Р.И. Определение коэффициента эффективности комплексного использования нефтегазового сырья	65
Тулелбаев К.М. Пенсионные фонды усиливают свое инвестиционное влияние	67

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА

Касымова А.К. Особенности преодоления последствий тоталитарной этносоциальной политики в Республике Казахстан	73
Машан Б.С. Специфика политического процесса и особенности его регламентации в посттоталитарный период	78

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

Галямова В.Ф. Коммунистическая партия Китая, сегодня и завтра	87
---	----

ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ РЕГИОН

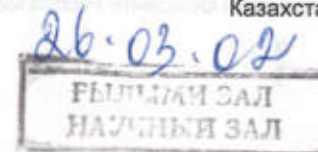
Сейдин Н.Б. Делимитация казахстанско-узбекской границы: проблемы и решения	93
Эсеналиева В.Е. К концепции развития автомобильных пассажирских перевозок в Кыргызской Республике	97

РЕЦЕНЗИИ

Лаумулин М.Т. Рецензия на работу «Казахстан: 1993–2000» Л.Хоффманна, П.Бофингера, Х.Флассбека и А.Штайнгера	101
--	-----

SUMMARY	104
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	107
---------------------------	-----



THEORETICAL PAPERS

<i>Ashimbayev M.S.</i> Democracy theories	3
<i>Kasymbekov M.B.</i> Democratization and political culture in political modernization conditions: theoretical aspect	12
<i>Kulshanova G.K.</i> Language of politics as a socio-linguistic phenomenon	15
<i>Smirnov S.L.</i> Islamic radicalism: sources and threat	19
<i>Alzhani Zh. K.</i> Some Approaches in Defining «Decentralization» and «Local Governance» Notions	31
<i>Kazkenov K.M., Nukenov A.N.</i> Power decentralization problems in the context of political development of Kazakhstan	37
<i>Serazhieva S.H.</i> Concepts of 'ethnopolitics' and 'national policies'	42

ECONOMY

<i>Abishev A.A.</i> The conception of technological means of Production and the priority of social and economic reforming in the Republic of Kazakhstan	49
<i>Kazhymuratova A.K.</i> Export potential stimulation and changes in branch structure of world economy	54
<i>Kuanova G.A.</i> Deposit policy making strategy in commercial banks	59
<i>Pahrutdinov R.I.</i> Definition of oil and gas raw material complex utilization efficiency coefficient	65
<i>Tulebayev K.M.</i> Pension funds intensify their investment resources	67

INTERNAL POLITICS

<i>Kasymova A.K.</i> The main features in overcoming totalitarian ethnosocial policy consequences in Kazakhstan	73
<i>Mashan B.S.</i> Specific features of political process and its regulation in post totalitarian period	78

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Galyamova V.F.</i> Communist party of China, today and tomorrow	87
--	----

CENTRAL ASIAN REGION

<i>Seydin N.B.</i> Delimitation of Kazakhstan – Uzbekistan state border: problems and salvation	93
<i>Esenaliev V.E.</i> The concept of automobile passenger transport development in Kyrgyzstan	97

REVIEW

<i>Laumulin M.T.</i> Hoffmann L., Bofinger P., Flassbeck H., Steinherr A. Kazakstan 1993–2000. Independent Advisors and the IMF	101
--	-----

SUMMARY

.....	104
-------	-----

CONTRIBUTORS

.....	107
-------	-----

К ВОПРОСУ О ТЕОРИЯХ ДЕМОКРАТИИ

Ашимбаев М.С.

Во второй половине XX в. в политической науке утвердилось представление о том, что демократия является относительно наилучшей формой политического устройства общества, которая должна достигаться в процессе политического транзита.

В современных политологических кругах практически отсутствуют споры о плюсах и минусах демократии, а лишь обсуждается проблема определения «степени демократичности» демократии в той или иной стране и идеала «настоящей» демократии. Однако, как отмечает американский политолог Р.Гастил, которому принадлежит авторство в разработке методологии определения степени демократичности политических режимов, для оценки перспектив демократического режима необходимо уточнить смысловое содержание понятия «демократия» [1].

В теоретической и эмпирической литературе по демократии имеет место такой концептуальный разнобой мнений по этому вопросу, что американские исследователи Д.Колльер и Ст.Левицки смогли обнаружить более 550 «подвидов» демократии. При этом некоторые из подобных условных «подвидов» просто указывают на особые институциональные черты или типы полной демократии, но многие обозначают «урезанные» формы демократии, которые по своему содержанию частично переплетаются друг с другом самым разнообразным образом [2]. Как отмечает Л.Даймонд, «сегодня (в отличие, например, от 1960–70-х гг.) большинство исследователей видят в демократии систему политической власти и не обуславливают ее наличием каких бы то ни было социальных или экономических характеристик. В чем они до сих пор расходятся фундаментально, так это в вопросе о диапазоне и масштабах политических атрибутов демократии» [3].

Как признает один из известных исследователей в области теории демократии Р.Даль, «за двадцать пять веков, в течение которых демократия обсуждалась, оспаривалась, поддерживалась, атаквалась, игнорировалась, утверждалась, реализовывалась,

разрушалась и затем иногда вновь восстанавливалась, согласия относительно некоторых фундаментальных вопросов, относящихся к сути понятия демократия, судя по всему, так и не возникло» [4].

В самом деле, как показывает исследовательский опыт, понятие демократии относится к числу тех, которые с большим трудом поддаются однозначному толкованию. В свое время Дж.Оруэлл заметил: «Когда речь идет о таком понятии, как демократия, то обнаруживается не только отсутствие его общепринятого определения; любые попытки дать такое определение встречают сопротивление со всех сторон... Сторонники любого политического режима провозглашают его демократией и боятся утратить возможность пользоваться этим словом в том случае, если за ним будет закреплено какое-то одно значение» [5].

Как и в случае с общей концепцией политического транзита, единства мнений по поводу содержания демократии среди политологов до сих пор не существует. Как заметил еще в начале 1950-х гг. Р.Даль, «нет единой теории демократии – есть только теории демократии» [6]. Отчасти это обусловлено тем, что провозглашение демократии в качестве цели любой политической трансформации настолько расширило значение этого термина, что почти лишило его реального содержания. Тем не менее, несмотря на то, что понятие демократии относится к числу тех, которые с большим трудом поддаются однозначной трактовке, исследователей многочисленных современных определений демократии условно можно разделить на две основные группы.

К первой относятся те, кто вслед за Й.Шумпетером, единственным критерием демократии считают выборы. В шумпетеровской концепции «соревновательного элитизма» единственным критерием демократии, по сути, оказывается замещение правительственных должностей через свободные и справедливые выборы [7]. Из современных исследователей-транзитологов эта позиция

близка, например, С.Хантингтону и А.Пешевскому [8].

Другая группа авторов полагает, что демократию нельзя определять исключительно с помощью критерия выборов. Данная концепция нашла свое воплощение в плюралистической модели «полиархии» Р.Даля, в рамках которой главными измерениями политического режима являются «состязательность» и «участие» [9], а основными индикаторами демократии – набор гражданских и политических прав и свобод. Среди исследователей, относящихся к этой группе, в свою очередь, есть две основных точки зрения. Некоторые включают в определение демократии принципы политического либерализма, утверждая, что подлинно демократическое общество характеризуется не только выборами, но и широко трактуемым плюрализмом; тем самым демократия фактически отождествляется с ее либеральной моделью [10]. Другие добавляют к указанным основаниям еще и социальную либо экономическую демократию, т.е. гарантии социального равенства или, по крайней мере, определенной степени социальной справедливости [11].

Подход Й.Шумпетера положил начало возникновению минималистских (процедурных) определений демократии, которые в различных вариациях проводят тезис об электоральном соперничестве как о сущности демократии. Со временем привлекавшая своей краткостью шумпетеровская формулировка стала требовать все новых и новых дополнений с целью вывести за рамки понятия случаи, не соответствовавшие его подразумеваемому значению.

Р.Даль со своей концепцией «полиархии» выступил родоначальником «максималистских» (содержательных) определений демократии, которые предполагают не только широкую политическую конкуренцию и участие, но и высокие уровни свободы слова, печати и плюрализма, позволяющие людям вырабатывать и выражать свои политические предпочтения значимым образом [12].

Ряд исследователей проводят также дополнительное различие между «минималистским» (процедурным) и «максималистским» (содержательным) наполнениями демократии и фиксирует внимание на уровне консолидации новых демократий [13].

В теоретической политологии дискуссии на тему наиболее всеохватного и адекватного определения феномена демократии продолжают и затрагивают очень широкий спектр проблем. Однако в сфере практичес-

кой политики, безусловно, широкое распространение получил минималистский подход в определении демократичности той или иной политической системы. Как отмечает один из российских исследователей В.М.Сергеев, «честные и свободные выборы» являются на сегодняшний день одним из тех главных сверхупрощенных критериев, которые используются различными международными организациями для оценки степени демократичности того или иного политического режима [14].

Во многих случаях минималистский подход дает возможность причислить значительное количество государств мира к демократическим, т.к. сегодня выборы проводятся в большинстве стран. Иными словами, с данной точки зрения число демократических режимов в мире растет, что в свое время дало повод С.Хантингтону высказать идею о широкомасштабном наступлении «третьей волны» демократизации. Вместе с тем все больше исследователей в последнее время замечают, что во многих из тех стран, где с недавних пор проводятся выборы, они не привели к становлению демократии с такими ее характеристиками, как верховенство закона, разделение властей, гарантированные права и свободы граждан, включая свободу прессы, собраний, совести и т.п. Более того, как показывает практика, иногда выборы приводят даже к обратным результатам, т.е. реанимации в некоторых транзитных обществах элементов авторитаризма.

Анализ подобных и других явлений стал основанием для выдвижения ряда определений демократии, в которых выборы и либерализм рассматриваются раздельно или, более того, сама демократия отграничивается от либерализма. Политическую систему, в которой проводятся регулярные, более или менее свободные выборы, но по остальным параметрам не соответствующую меркам демократии, стали называть «электоральной» или «делегативной» демократией [15].

Сторонники такого рода определений демократии исходят из того, что при довольно быстром росте в мире числа демократий тем не менее очень немногие из них становятся либеральными демократиями западного типа. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что формальный электоральный метод оценки не дает возможности понять более глубокие основания политической системы. Например, по мнению Л.Даймонда, «современные минималистские концепции

демократии... обычно признают потребность в некоем наборе гражданских свобод, необходимых, чтобы состязательность и участие имели реальный смысл. Вместе с тем, как правило, они не уделяют большого внимания предполагаемым базовым свободам и не пытаются включить их в число реальных критериев демократии [16].

Л.Даймонд утверждает, что минималистские концепции демократии могут служить примером того, что Т.Карл назвала «электористским заблуждением». Подверженные ему люди ставят электоральное соперничество над другими измерениями демократии, игнорируя тот факт, что многопартийные выборы (даже если они воистину состязательны) способны лишить большие группы населения возможности конкурировать за власть или добиваться и защищать свои интересы, равно как и вывести значительные сферы принятия решений из-под контроля выборных должностных лиц [17].

По всей видимости, с целью исключения из категории демократических тех режимов, где значительные сферы принятия решений находятся вне рамок подотчетности выборным должностным лицам, в последние годы минималистские определения демократии подверглись существенной доработке. Однако даже такие усовершенствованные определения демократии далеко не всегда способны выявить те псевдodemократические режимы, при которых с точки зрения участия в принятии политических решений значительные части населения находятся в маргинальном положении. В этой связи Л.Даймонд отмечает, что «даже если концептуальное «уточнение» оказывается конструктивным, оно оставляет за рамками хаотическую массу т.н. расширенных процедурных концепций, которые занимают различного рода промежуточные позиции в континууме между электоральной и либеральной демократиями» [18].

Если согласно минималистскому определению демократии некоторые транзитные страны можно отнести к демократиям, то при использовании более жестких критериев, предполагаемых концепцией либеральной демократии, ситуация меняется. Довольно существенные ограничения политических прав и гражданских свобод в этих странах оказываются достаточными для того, чтобы они не были включены в категорию «свободных». Наличие подобной содержательной разницы между электоральной и либераль-

ной демократией, ставшее одной из наиболее показательных черт «третьей волны демократизации», вносит существенные коррективы как в теорию, так и в практику политического транзита.

Так, Л.Даймонд сводит требования, предъявляемые к политической системе концепцией либеральной демократии, которые превосходят показатели, установленные в минималистских и промежуточных концепциях, к следующему. «Во-первых, помимо регулярной, свободной и честной электоральной конкуренции и всеобщего избирательного права, для либеральной демократии обязательно отсутствие сфер, «зарезервированных» для военных или каких-либо других общественных и политических сил, которые прямо или опосредованно не подконтрольны электорату. Во-вторых, наряду с «вертикальной» ответственностью правителей перед управляемыми, она предполагает «горизонтальную» подотчетность должностных лиц друг другу, что ограничивает свободу рук исполнительных органов и тем самым помогает защитить конституционализм, власть закона и консультационный процесс. В-третьих, она включает в себе огромные резервы для развития политического и гражданского плюрализма, а также индивидуальных и групповых свобод» [19].

Давая конкретное определение либеральной демократии, Даймонд наделяет ее рядом следующих свойств.

«1. Реальная власть принадлежит – как фактически, так и в соответствии с конституционной теорией – выборным чиновникам и назначаемым ими лицам, а не свободным от контроля (со стороны общества) внутренним акторам (например, военным) или зарубежным державам.

2. Исполнительная власть ограничена конституционно, а ее подотчетность обеспечивается другими правительственными институтами (независимой судебной властью, парламентом, омбудсменами, генеральными аудиторами).

3. В либеральной демократии не только не предопределены заранее результаты выборов, но только при проведении последних велика доля оппозиционного голосования и существует реальная возможность периодического чередования партий у власти, но и ни одной придерживающейся конституционных принципов группе не отказано в праве создавать свою партию и принимать участие в избирательном процессе (даже если «заг-

радительные барьеры» и другие электоральные правила не позволяют малым партиям добиваться представительства в парламенте).

4. Культурным, этническим, конфессиональным и др. меньшинствам, равно как и традиционно дискриминируемым группам большинства не запрещено (законом или на практике) выражать собственные интересы в политическом процессе и использовать свой язык и культуру.

5. Помимо партий и периодических выборов, имеется множество других постоянных каналов выражения и представительства интересов и ценностей граждан. Такими каналами являются, в частности, разнообразные автономные ассоциации, движения и группы, которые граждане свободны создавать и к которым вправе присоединяться.

6. В дополнение к свободе ассоциации и плюрализму, существуют альтернативные источники информации, в т.ч. независимые средства массовой информации, к которым граждане имеют неограниченный (политически) доступ.

7. Индивиды обладают основными свободами, включая свободу убеждений, мнений, обсуждения, слова, публикации, собраний, демонстраций и подачи петиций.

8. Все граждане политически равны (хотя они неизбежно различаются по объему находящихся в их распоряжении политических ресурсов), а упомянутые выше личные и групповые свободы эффективно защищены независимой, внепартийной судебной властью, чьи решения признаются и проводятся в жизнь другими центрами власти.

9. Власть закона ограждает граждан от произвольного ареста, изгнания, террора, пыток и неоправданного вмешательства в их личную жизнь со стороны не только государства, но и организованных антигосударственных сил» [20].

Что касается всех промежуточных концепций, расположенных в диапазоне между электоральной и либеральной демократией, то они включают в число критериев демократизации базовые гражданские свободы, но все же допускают серьезные ограничения прав граждан. Решающее различие между такими концепциями и концепцией либеральной демократии заключается в том, что в одном случае гражданские свободы учитываются преимущественно в той мере, в какой они обеспечивают содержательную электоральную конкуренцию и участие, тогда как в другом они рассматриваются в качестве

необходимых компонентов демократии, гарантирующих реализацию более широкого круга демократических функций. Помимо этого, Л.Даймонд допускает существование третьей категории режимов, которые не дотягивают даже до минимальной демократии, но в то же время отличаются от чисто авторитарных систем. Такие режимы, которые он называет псевдодемократиями, могут обладать многими конституционными характеристиками электоральной демократии, однако они лишены такого неперемennого для демократии качества, как наличие поля для относительно честного электорального соперничества [21].

Следуя логике Л.Даймонда, можно сказать, что при электоральной демократии, как правило, основные политические акторы демонстрируют свою приверженность правилам электоральной демократии в тех случаях, когда у них не имеется лучшей альтернативы по вопросу политической организации общества в переходный период. Само существование правил электоральной демократии и строгое их соблюдение в течение какого-то времени помогает сохранить развитие институционального строя транзитного общества в сторону демократии. Кроме того, электоральные институты демократии не просто отражают сиюминутные интересы властной элиты, но и оказывают самостоятельное воздействие на политический процесс в транзитном обществе.

Согласно Х.Линцу и А.Степану, которые также уделяют особое внимание особенностям электоральной демократии, ее успешное функционирование осуществляется в том случае, когда «достигнуто достаточное согласие относительно политических процедур, позволяющих формировать избираемое правительство, когда его приход к власти становится прямым результатом свободного и всеобщего голосования, когда это правительство располагает реальным авторитетом для проведения новой политики и когда исполнительной, законодательной и судебной властям, создаваемым новой демократией, не приходится делить *de jure* власть с другими существующими организациями» [22]. При этом в силу своей инерции электоральная демократия в транзитном обществе обладает такой же устойчивой властью, что и нелегальные характеристики данного общества.

В ходе дальнейшего исследования феномена демократии в рамках минималистских

концепций представляет определенный интерес подход С.Хантингтона, который, следуя данной традиции, определяет демократию как такую политическую систему, в которой селекция и принятие коллективных решений происходят через борьбу, честные и периодические выборы, в которых ведется свободное соревнование кандидатов за голоса и в которых теоретически вправе участвовать все взрослое население. «Будучи определенной таким образом, демократия включает в себя два измерения – состязательность и участие, в которых Р.Даль видит основные параметры своей концепции реальной демократии и полиархии. Демократия также подразумевает наличие таких институтов, как гражданские и политические права на высказывания, публикации, собрания и создание организаций, которые необходимы для проведения политических дебатов и электоральных кампаний» [23].

Помимо этого, в определение демократии С.Хантингтон вносит ряд дополнительных оговорок, которые можно свести к следующему:

- Во-первых, наличие процедуры выборов является самым минимальным и простым определением демократии, поскольку она может включать в себя также и такие идеалы, как свобода, равенство, братство, эффективный гражданский контроль над политикой, подотчетное правительство, честность и открытость в политике, информированная и рациональная коллегиальность, равное участие и влияние, а также множество других гражданских добродетелей, включение которых в определение демократии сопряжено с возникновением ряда проблем аналитического плана [24].

- Во-вторых, при демократии общество имеет возможность выбрать своих политических лидеров, которые, однако, могут не обладать реальной властью, т.к. они могут лишь выражать интересы определенных социальных групп, что свидетельствует о том, что принятые демократическим путем решения не обладают всей полнотой власти [25].

- В-третьих, демократичность политических систем тесно связана с их стабильностью или институционализацией, т.к. степень их демократичности может не соответствовать и сильно отличаться от степени их стабильности [26].

- В-четвертых, определенную трудность в определении демократичности той или иной политической системы играет выявление

самих индикаторов или критериев демократии [27].

- В-пятых, недемократические режимы, отличаясь от демократических, могут подразделяться на тоталитарные и авторитарные, однако последние обладают наличием таких общих критериев, как однопартийная система, тоталитарная система, индивидуальная диктатура, военные режимы и т.п. [28].

Таким образом, как можно увидеть, С.Хантингтон в своей трактовке феномена демократии, оставаясь в рамках шумпетеровского подхода, в то же время предпринимает попытку синтеза «минималистского» (процедурного) и «максималистского» (содержательного) наполнений демократии.

Не углубляясь в анализ других подходов в исследовании феномена демократии, вернемся к двум основным [минималистской и максималистской] концепциям. В первую очередь, здесь необходимо указать на то, что их идеализированный характер создает немалые методологические проблемы при применении используемых понятий и измерении конкретных показателей демократии.

Иными словами, оба из указанных подхода в трактовке феномена демократии оказываются не всегда адекватными в современных условиях протекания политического транзита. Прежде всего это касается транзитных стран постсоветского пространства. Данное обстоятельство обусловлено следующими моментами.

Неадекватность минималистской концепции обусловлена тем, что критерий выборов при современных политических технологиях и специфики ведения политической борьбы не всегда означает однозначную демократизацию общества, переживающего переходный этап в своем развитии.

Как вполне справедливо отмечает российский исследователь В.Я.Гельман, «даже простой электоральный тест «свободных и справедливых выборов» не вполне релевантен в эпоху «политических машин» и «партий власти», когда результаты голосования – даже при наличии конкуренции – во многом обуславливаются потенциалом административной мобилизации масс правящими группами, не говоря уже о систематическом неравенстве условий ведения кампании... В ситуации, когда выборы не являются механизмом смены власти и не влияют сами по себе на выработку политического курса, их значение имеет качественно иной характер, нежели в рамках шумпетеровской модели.

В предельном случае выборы оказываются неконкурентными... однако возможно и создание в рамках правящей группы своего рода «минимально выигрышной коалиции», которая способна обеспечить действующему носителю «верховой власти» переизбрание при любых обстоятельствах и не допустить смены власти в случае победы «неправильного» кандидата» [29]. Иными словами, в современных условиях, по минималистскому критерию «свободных и справедливых выборов», победа любого кандидата на выборах по своей сути не может свидетельствовать о ее «электоральной чистоте».

Указывая на подобного рода изъян минималистской концепции демократии, В.Я. Гельман отмечает, что «речь в данном случае идет не о либеральной критике «электорализма»... согласно которой выборы признаются хотя и необходимым, но явно недостаточным условием демократизации, а о том, что они вообще могут не иметь отношения к демократии, т.е. к электоральной состоятельности (по крайней мере, исход этого состязания известен априори). Критерий «свободных и справедливых выборов» непригоден для анализа такого рода явлений – даже с учетом поправки на возможные промежуточные варианты типа «свободных, но справедливых» выборов «с частичной фальсификацией» и проч.» [30]. Таким образом, Гельман провозглашает несостоятельность минималистской концепции демократии, по крайней мере, в ее «чистом» варианте.

Мы в целом согласны с мнением В.Я. Гельмана в том, что в современных условиях выборы не могут являться реальным критерием демократии. Но здесь важно отметить, что В.Я. Гельман в данном случае больше рассматривает выборный процесс в полувластных или полудемократических режимах, к которым близки и страны СНГ, и где административный ресурс на выборах имеет решающее значение.

Но в то же время и в более или менее демократических режимах проблематично, чтобы выборы в современном информационном обществе были бы бесспорным критерием демократичности системы. Одним из факторов этого является широкое распространение современных PR-технологий, информационных технологий, возможностей создания виртуальной политической реальности с помощью СМИ, Интернета, которые могут вводить в заблуждение электорат. В таких случаях выбор избирателей является

результатом не столько внутреннего сознательного решения, сколько итогом информационных манипуляций, сознательного или подсознательного информационного давления, информационного диктата. Если избиратель принимает решение под давлением, пусть оно имеет и косвенный характер, возникает резонный вопрос о том, насколько такие выборы могут являться критерием демократии.

Вопрос этот достаточно сложный и противоречивый, однозначно на него ответ дать сложно. Но отсюда следует один важный вывод. В современном информационном обществе демократия должна обогатиться новыми критериями, новыми гранями. Необходимо целенаправленно исследовать влияние, оказываемое информационной революцией на функционирование демократических систем.

Что касается максималистской концепции демократии, то она также оказывается не вполне адекватной условиям и специфике развития современных транзитных обществ.

Здесь мы еще раз будем ссылаться на В.Я. Гельмана, который свою критику максималистской концепции строит, опираясь на опыт проведения политических реформ в постсоветских странах. Он утверждает, что использование схемы Р.Даля, в которой состязательность дополняется другим измерением – массовым политическим участием, трактуемым, прежде всего, как право избирать и быть избранным, также оказывается недостаточным для осмысления демократии в тоталитарных условиях [31]. Данный свой тезис Гельман подкрепляет той аргументацией, что «для изучения политики в постсоветских странах с их наследием мобилизованного участия масс... в неконкурентных выборах такой подход не прибавляет ничего принципиально нового... Что же касается более сложных (и модных) схем, трактующих политическое участие в связи с «гражданственностью», «социальным капиталом» и прочими «правильными» атрибутами демократии... то их релевантность по отношению к обществам с развитым клиентелизмом... представляется сомнительной» [32].

В данном случае В.Я. Гельман исходит из того, что возникновение в постсоветский период электоральной политики в форме «политических машин» как инструмента массовой мобилизации и политического контроля взамен прежнего господства старой правящей элиты фактически подрывает «граждан-

ское» участие, подменяя его обменом ресурсами. Иными словами, явления, внешне напоминающие «гражданственность», приобретают в постсоветском транзитном контексте совершенно иное звучание. Формирование реальной «гражданственности» едва ли возможно до возникновения значительного слоя граждан, автономных по отношению к властям. И эта автономия в некоторых транзитных странах если не уменьшается, то, по крайней мере, не увеличивается настолько, чтобы иметь существенное значение. Дело в том, что по обыкновению поведение масс в постсоветских транзитных обществах достаточно долгое время отражает, прежде всего, процессы на уровне элит и в этом смысле о «гражданском участии» говорить не приходится [33].

Проводя суммирование своих рассуждений, В.Я. Гельман подчеркивает, что, подвергнув критике минималистскую и максималистскую модели, он имеет ввиду лишь их недостаточную разрешающую способность для анализа политических процессов в постсоветских транзитных обществах. Согласно логике его рассуждений можно сказать, что, следуя таким моделям, исследователь вынужден констатировать, будто некоторые постсоветские страны, прежде всего Россия, переживают переход от «авторитаризма мобилизованного участия» к «состязательной олигархии». И это, скорее, фиксирует проблему, нежели решает ее. Что же касается тех гипотез, которые открывают возможность выявления факторов, ответственных за специфику нетрадиционных случаев протекания политического транзита, то они позволяют не только перейти от простого тестирования существующих теорий к построению новых, но и сделать шаг в развитии «исследовательского цикла» изучения этих случаев. В этом отношении случай некоторых транзитных обществ уже не вписывается в рамки исследований, подтверждающих или опровергающих теории демократии [34].

Таким образом, получается, что сложившиеся на сегодняшний день в транзитологии концепции демократии не в полной мере отражают ту модель демократии, к которой явно или неявно, осознанно или стихийно продвигаются в последние десятилетия новые транзитные общества.

В связи с этим, формулируя некоторые выводы нашего анализа некоторых уже утвердившихся концепций демократии, можно сказать, что использование самого понятия

демократии в них часто носит идеализированный характер, представляя ее в качестве абсолютно безупречного во всех отношениях политического устройства общества.

Как справедливо отмечает А.Ю. Мельвил, «...демократический идеал, каким бы его не рисовали, отнюдь не отражает реальность практического функционирования демократии. Даже, если... современная демократия действительно обеспечивает соблюдение гражданских и политических свобод, создает условия для образования политических партий и других общественных объединений, проводит регулярные и свободные выборы, обеспечивает условия для политического участия и честной конкуренции индивидов и организованных групп на всех общественных уровнях, она тем не менее не может очень многого и многое выполняет плохо. Демократия, например, многократно дублирует многие общественные функции, она неэффективна как инструмент общественной и политической мобилизации и принятия важных и ответственных решений, она отнюдь не лучшим образом решает проблемы бедности, равноправия, защиты прав меньшинств и др.» [35].

Вполне очевидно, что на практике данные обстоятельства разрушают устойчивые стереотипы многих концепций, в которых феномен демократии приобретает идеализированный образ. В этой связи в современной транзитологии, посвященной теоретическому осмыслению демократии, в последнее время стала утверждаться вполне обоснованная точка зрения, согласно которой феномен демократии как цель политического транзита обладает определенной степенью понятийной неопределенности.

Так, например, один из исследователей демократии Дж. Мюллер признает, что характерное для многих авторов идеализированное представление о демократии является своеобразной политологической проблемой, определяемой им как «проблема образа» демократии. Как отмечает Мюллер, ряд авторов, оценивая характер политического порядка, складывающегося в новых транзитных обществах, склонны руководствоваться в своих суждениях не «реалистическими стандартами», а неким «туманным идеалом». И это несоответствие между образом демократии и демократической реальностью становится, по мнению Мюллера, фактором, порождающим существенные методологические трудности [36].

Помимо теоретических трудностей, вышеуказанная понятийная неопределенность феномена демократии обуславливает определенные трудности и в практическом его применении в описании новых транзитных обществ.

Хотелось бы заметить, что исходя из большинства элементов «эталонной» демократии, по большей части и устанавливаются критерии, которыми руководствуется Freedom House в его ежегодных обзорах состояния свободы на планете. Однако, несмотря на то, что формируемое указанными элементами понимание «эталонной» демократии является, в первую очередь, продуктом стран «старых демократий», сами реально существующие в них демократии, будучи ее наиболее развитыми формами, идеальными не могут считаться.

Исходя из этого, можно сказать, что элементы «устоявшихся демократий», которые иногда воспринимаются как ориентиры или образцы для политического развития новых транзитных стран, сами нуждаются в существенной корректировке и, следовательно, не могут претендовать на статус «эталонных образцов» феномена демократии. Как вполне справедливо отмечает А.Ю.Мельвиль, «попытаться сформулировать раз и навсегда некий современный демократический идеал, который был бы годен для всех стран и народов на все времена, означало бы впасть в опасную иллюзию. В каком-то смысле вся история становления и развития демократических норм и практик говорит о том, что демократия – это процесс, процесс развития, расширения и обновления идей и принципов, институтов и процедур. В этом смысле демократия – это, по сути, постоянно идущий процесс демократизации» [37].

В целом же в свете политических реалий современного процесса глобальной демократизации можно сделать вывод о том, что использование понятия демокра-

тии с целью характеристики той или иной политической системы может иметь исследовательский смысл лишь при наличии уточняющих это понятие определений. Весьма показательна в этом смысле позиция Д.Кольера и Ст.Ливитски, которые отмечают важность конкретизации сегодняшних рассуждений о демократии и о процессах демократизации [38]. И такая конкретизация предполагает уточнение не столько цели той или иной демократии, а сколько ее сущностных характеристик, то есть специфики ее функционирования.

При этом специфика функционирования демократии может быть различной и вариативной. Поэтому можно говорить о существовании каких-либо базовых параметров демократии, таких, как конкурентные выборы, разделение ветвей власти, конституционный либерализм и т.д., но ее конкретное национальное измерение может быть весьма индивидуальным и особенным и тем более отличным от «эталонной» модели.

Характерным является утверждение Х.Линца, что «существует так же много типов демократических режимов, как и много демократических правительств в обществах с разным уровнем экономического и социального развития, не говоря уже о разной степени реализации идеалов политической демократии» [39].

Таким образом, в заключении данной статьи хотелось бы отметить, что существующие теории демократии требуют определенного совершенствования и развития, так как постсоветская практика показывает, что многие западные концепции в наших реалиях оказываются не достаточными. В этой связи осмысление феномена реализации демократии на постсоветском пространстве и в дальнейшем развитии концепций демократий являются одними из важных задач, стоящих перед политологами стран СНГ.

Литература

1. Gastil R. The Past, Present and Future of Democracy // Journal of International Affairs. – Winter 1985. – Vol. 38. – №2. – P. 161.
2. Collier D., Levitsky S. Democracy «With Adjectives»: Conceptual Innovation in Comparative Research [Unpubl. Ms.]. – Berkeley, 1996.
3. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – № 1. – С. 11.
4. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. – New Haven: Yale Univ. Press, 1971. – P. 6.
5. Цит. по Вайнштейн Г.И. Российский транзит в контексте глобальной демократизации // МЭ и МО. – 2000. – № 10. – С. 81.
6. Dahl R. A Preface to Democratic Theory. Цит. по Лукину А.В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы // Полис. – 1999. – № 2. – С. 135.

7. Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. – М.: Экономика, 1995. – С. 355.
8. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991. – P. 5–13; Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. / Пер. с англ. под ред. проф. Бажанова В.А. – М.: РОССПЭН, 1999. – С. 28–33.
9. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. – New Haven: Yale Univ. Press, 1971. – P. 2–6.
10. Ibid. P. 2–3.
11. См.: Rawls J. Theory of Justice. – Cambridge, 1971. – P. 75–83; Arblaster A. Democracy. – Buckingham, 1994. – P. 98–99.
12. Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition. – New Haven: Yale Univ. Press, 1971. – P. 3.
13. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. – 1996. – 5. – С. 16–27; Diamond L. Rethinking Civil Society: Toward Democratic Consolidation // Journal of Democracy. – Vol. 5. – № 3 (July 1994); Merkel W. The Consolidation of Post-Autocratic Democracies: A Multi-Level Model // Democratization. – Vol. 5. – № 3.
14. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. – Москва: МОНФ, 1999. – 88 с. – С. 3.
15. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – № 1. – С. 10–25; О’Доннелл Г. Делегативная демократия // Пределы власти. – 1994. – № 2–3.
16. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – № 1. – С. 11.
17. Karl T.L. The Hybrid Regimes of Central America. Цит. по Даймонду Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – № 1. – С. 11–12.
18. Даймонд Л. Прошла ли «третья волна» демократизации? // Полис. – 1999. – № 1. – С. 12.
19. Там же. С. 13.
20. Там же. С. 13–14.
21. Там же. С. 15.
22. Linz J., Stepan A. Problems of Democratic Transition and Consolidation: Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Цит. по Макфолу М. Опасности затянувшегося переходного периода // Pro et Contra. – Т. 4. – Весна 1999.
23. Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991. – 366 p. – P. 7.
24. Ibid. P. 9.
25. Ibid. P. 10.
26. Ibid. P. 10–11.
27. Ibid. P. 11.
28. Ibid. P. 12–13.
29. Гельман В.Я. Постсоветские политические трансформации [Наброски к теории] // Полис. – 2001. – № 1. – С. 16–17.
30. Там же. С. 17.
31. Там же.
32. Там же.
33. Там же. С. 17–18.
34. Там же. С. 18.
35. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты [теоретико-методологические и прикладные аспекты]. – М.: МОНФ, 1999. // Архив электронных изданий МОНФ.
36. Mueller J. Democracy, Capitalism, and the End of Transition Postcommunism. Four Perspectives. Ed. Mandelbaum M. – N.Y., 1996. – P. 102, 104.
37. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). – М.: МОНФ, 1999.
38. Collier D., Levitsky S. Democracy «With Adjectives»: Conceptual Innovation in Comparative Research [Unpubl. Ms.] – Berkeley, 1996.
39. Linz J. Transition to Democracy // The Washington Quarterly. – Summer 1990. – P. 143.

ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Касымбеков М.Б.

Одним из показателей политической модернизации в период трансформации является активный процесс демократизации общества.

Однако, прежде чем приступить к рассмотрению закономерностей и особенностей, которые характерны для процесса демократизации в период политической модернизации общества, необходимо, на наш взгляд, разобраться с понятием «политическая модернизация», подкрепив его теоретическими выкладками разработчиков общей концепции модернизации. Это позволит избежать многих ошибок, которые, кстати говоря, склонны допускать исследователи, причем не только семантического, но и смыслового порядка.

По определению, данному в словаре-справочнике «Введение в политологию», «политическая модернизация» понимается как «изменение политической системы, в т.ч. возрастающее участие в политике различных групп населения (с помощью политических партий и групп интересов) и формирование новых политических институтов (разделения властей, системы политических выборов, многопартийности)» [1].

Это наиболее емкое и целостное определение из встреченных, позволяющее избежать односторонности других. Как правило, ранние трактовки «политической модернизации» несли на себе печать европоцентристской точки зрения на развитие политической системы, так как сама теория модернизации появилась в период, когда требовалось найти концептуальные пути для решения проблемы отстающих стран. Естественно, их сравнивали с развитыми западными странами, чьи стандарты признавались за достигнутый цивилизацией предел.

Это распространенный стереотип, который проистекает из реальности мирового развития середины прошлого века, что служит предметом оговорки до сих пор. В том же справочнике авторы пишут: «Обычно понятие «политическая модернизация» употребляют применительно к странам, осуще-

ствляющим переход к индустриальному обществу и демократическому политическому устройству. В этом случае подчеркивается, что «политическая модернизация» — это заимствование традиционными обществами новых социальных ролей и политических институтов, сформировавшихся в рамках западных демократий» [2].

Как указывает другой известный российский политолог А.И.Соловьев, «в то время термин «модернизация» означал одновременно и стадию (состояние) общественных преобразований, и процесс перехода к современным обществам. Он нес в себе нормативность, заданность перехода к «модерну», воплощению критериев современного общества, которые необходимо учитывать недостаточно развитым обществам» [3]. Для такого рода теоретических построений появился более адекватный и уточняющий термин «вестернизация», обозначающий путь достижения отсталыми странами уровня развития и стандартов высокоразвитых стран, которыми в то время являлись США и страны Европы.

Подобная унификация не оставляла места для выявления особенностей развития стран, которые были втянуты в процесс «политической модернизации». Немаловажно, что это существенно повлияло на то, что данная теория в западной политической науке тем самым испытала вакуум в направлении исследования специфики политических систем развивающихся стран. Зачастую их изучение проводилось на предмет выяснения тех черт, от которых надо избавиться для достижения уровня современности. Следовательно, исследование закономерных и особенных черт процесса политической модернизации было крайне затруднено.

Указанная выше точка зрения бытовала вплоть до конца 60-х годов XX века и зачастую оправдывала себя. Однако рост новых индустриальных стран в Азии несколько изменил понимание политической модернизации как процесса полного заимствования западных стандартов политического устройства. Опыт Японии, Южной Кореи, Та-

иланда и Сингапура показал, что не все политические институты, взятые как образцы у развитых западных стран, работали на новой почве также эффективно, как в коренных политических системах.

Известный польский исследователь П.Штомпка особо выделяет тезисы критиков теории модернизации в том виде, который они имели вид до осмысления практического ее воплощения в странах «первого» и «второго» эшелона модернизации и были названы теорией «вестернизации». Разобраться в этом есть смысл, так как политическая модернизация была главной составной частью общей концепции модернизации, так как в ее постулатах отводилось особое место влиянию надстройки на изменения общества в целом в период трансформации.

Так, он отмечает: «Критики указывали на ошибочность прямого противопоставления традиции и современности и приводили примеры преимуществ традиционализма в некоторых областях...»

Оппоненты теории модернизации отмечали большую роль внешнего, глобального контекста и внутренних причин...

Была поставлена под сомнение и строгая последовательность стадий модернизации...» [4].

Надо отметить, что теории политической модернизации невозможно рассматривать в отрыве от общих концепций модернизации, так как и в теории, и на практике первые всегда включались как составная часть во вторые. Обобщая ранние теории модернизации, которые выстраивали универсалистские конструкции изменений в обществах переходного типа, В.А.Красильщиков выделяет модернизацию: в социальной, экономической, культурной областях, изменения в политической сфере представляются им следующим образом: «Политическая модернизация предполагала: во-первых, образование национальных и федеративных государств с централизованной властью, во вторых, разделение властей, в-третьих, влияние государства на преобразование в экономике, политике и социальной сфере и поддержание общественной стабильности, в-четвертых, вовлечение широких масс населения в политический процесс (хотя бы посредством выборов), в-пятых, установление политической демократии и популистских режимов правления» [5].

Хотя выделенные Красильщиковым общие черты модернизации характеризуют представления, бытовавшие в общественной

науке к началу 50-х гг. прошлого века, суть их остается до сегодняшнего дня достаточно актуальной.

Одним из главных направлений политической модернизации является демократизация политической системы. В некотором смысле демократия выступает как идеально типическое понятие. В нем заложены особые критерии, по которым можно говорить в различных случаях о развитии, консервации или регрессе демократического процесса. Р.Даль пишет: «По моему убеждению, насчитывается по крайней мере пять таких критериев.

Эффективное участие. Прежде чем политика ассоциаций будет принята ее членами, все они должны иметь равные и действительные возможности для изложения своих взглядов на существо этой политики другими членами ассоциации.

Равное голосование. К тому моменту, когда принимается решение относительно политики ассоциации, всем ее членам должны быть предоставлены равные и реальные возможности для голосования, причем все голоса имеют одинаковую силу.

Понимание, основанное на информированности. В пределах разумного каждый член должен получить равные и реальные возможности для ознакомления с политическими альтернативами и их вероятными последствиями.

Контроль за повесткой дня. Члены ассоциации должны иметь эксклюзивные возможности для принятия решения относительно того, какие вопросы и в каком порядке подлежат обсуждению. Таким образом, демократические процедуры, предусмотренные тремя предшествующими критериями, ими не исчерпываются. Политика ассоциации всегда открыта для перемен, если таковых требуют ее члены.

Участие совершеннолетних. Все резиденты или, по крайней мере, большая их часть, достигшие совершеннолетия, должны в полной мере обладать гражданскими правами, предусмотренными критериями» [6].

Как мы видим, Р.Даль рассматривает демократический процесс в основном с точки зрения возможности участия. Можно сказать, что в период модернизации эти возможности государством предоставляются, вариации в данном случае не в счет. Хотя надо сказать, что не всегда может быть обеспечено «эффективное участие», нередко ограничивается «понимание, основанное на информированности», зачастую не обеспечивается «кон-

троль за повесткой дня». Однако это происходит из-за неразвитости, в одном случае, средств массовой информации, в другом – из-за неразвитости структур гражданского общества, в третьем – из-за низкого уровня демократической политической культуры.

В обобщенном виде представление о переходе от традиционной или тоталитарной политической системы к демократической основывается на изменении установок коллективизма на ценности индивидуализма. Действительно, в политико-культурном смысле почти все модернизирующиеся страны пережили такой переход. Однако существует на первый взгляд не очень заметная особенность в процессе демократизации стран, осуществивших переход от традиционной колониальной или неоколониальной и от коммунистической политических систем. Эту особенность отмечает Р.Далтон: «Почти сразу же после падения Берлинской стены взоры исследователей обратились на Восток. Было собрано множество эмпирических данных об отношении к политике россиян и восточноевропейцев, включая немало работ о политической культуре. Например, многие неожиданно для себя обнаружили в бывшем Советском Союзе высокий уровень поддержки народом принципов демократии. Более того, изучение других восточноевропейских государств выявило сходную картину широкого одобрения народом демократических норм и процедур. И хотя можно задаваться вопросами о том, насколько глубоко укоренились эти взгляды в сознании людей, отражает ли подобное отношение утверждение культурные нормы или же оно является лишь временной реакцией на ряд болезненных политических событий, народы в большинстве посткоммунистических государств начали «осваивать» демократию, поддерживая демократические принципы сильнее, чем ожидалось. В отличие от апатии и враждебности, которыми был отмечен переход к демократии в странах с

преобладанием право-авторитарных режимов, переход от антидемократических режимов к демократии проходил на фоне иного культурного наследия» [7].

На наш взгляд, демократизация переходных политических систем в период модернизации или демократической модернизации как процесс не может объясняться, исходя из приближения демократических норм и процедур к западным. Как отмечает отечественный исследователь А.Бижанов: «Процесс модернизации не отождествляется с демократической модернизацией или процессом демократизации политической системы конкретного общества. Как показывает мировой опыт XX века, результатом социально-политической модернизации могут быть не только демократические политические режимы, близкие по структуре к развитым западным демократиям» [8].

Несводимость модернизации к демократической модернизации в достаточной мере все же условна, так как результатом социально-политической модернизации часто бывают антидемократические режимы, которые также декларируют построение демократического общества. Это происходит во многом благодаря тому, что модернизаторские проекты, осуществляющиеся в большинстве стран переходного периода, опираются в своих теоретических построениях на изменение сущности структурных или функциональных политических институтов, считая улучшение их характеристик чуть ли не единственным способом изменения и политической культуры общества, и политической системы в целом. Требование скорейшего экономического роста отождествлялось и с радикальным переходом к демократическим нормам и процедурам. Последнее представляется условием ускоренного развития общества. Ряд западных авторов, однако, считают этот взгляд как теоретической, так и практической ошибкой, чреватой тем, что за увеличением темпа демократических реформ может последовать столь же быстрый откат назад, грозящий потерей стабильности политической системой.

Литература

1. Введение в политологию. Под ред. В.П.Пугачева. М.: Аспект Пресс, 1996. – 264 с. – С.131–132.
2. Введение в политологию. Под ред. В.П.Пугачева. М.: Аспект Пресс, 1996. – 264 с. – С.131–132.
3. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 559 с. – С.297.
4. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: «Аспект Пресс», 1996. – 416 с. – С.178–179.
5. Красильщиков В.А. Эволюция теорий модернизации. // Модернизация: мировой опыт и современный Казахстан. Доклады и тезисы выступлений на республиканской научно-практической конференции 20–21 апреля 1995 г. – Алматы: «Туран», 1995. – 218 с. – С.19–20.

6. Даль Р. Что такое демократия. // О демократии. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с. – С.41.
7. Далтон Р. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект. // Политическая наука: новые направления. – М.: «Вече», 1999. – 816 с. – С.333.
8. Бижанов А.Х. Республика Казахстан: демократическая модернизация общества переходного периода. – Алматы: Онер, 1997. – 256 с. – С.39.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ КАК СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Кульжанова Г.К.

Политика, ее институты и процессы не существуют безотносительно к языку и языковым процессам в обществе. Напротив, язык самым существенным образом входит в состав политики и политических процессов. В то же время и сам язык в той или иной степени испытывает на себе влияние политики. Язык, как известно, становится объектом особой языковой политики и языкового планирования со стороны государства. Но если отвлечься от этого очевидного факта, то все же останутся многие другие аспекты взаимоотношения языка и политики. И раскрыть эти аспекты, по нашему убеждению, невозможно полностью средствами одной лишь политологии или социальной философии (так как политика также является ее предметом). Для достижения цели необходимо обращение к данным и средствам социолингвистики, исследующей те стороны социальной сущности и социального функционирования языка, которые недоступны в силу уровня рассмотрения философским дисциплинам. В настоящей статье мы проанализируем такой социолингвистический феномен, как язык политики.

Нельзя сказать, что это новая тема [1], хотя значительно больше работ посвящено различным аспектам соотношения языка и идеологии. В то же время феномены политики и идеологии тесно связаны. Тем более что в большинстве работ речь идет о политической идеологии. Особенностью большинства работ, посвященных теме «Язык и политика» (как и теме «Язык и идеология»), состоит в их идеологической нагруженности. Для публикаций советских авторов и авторов «социалистического лагеря» бесспорной является догма «марксистско-ленинской социолингвистики» и т.д. Марксизм-ленинизм же, как известно, однозначно связан с материализмом. Поэтому соответствующая

концепция языка и социолингвистика в глазах авторов должна быть непременно материалистической. К примеру, вступительная статья к сборнику работ лингвистов из бывшей ГДР названа «В борьбе за материалистическое языкознание» [2]. Зарубежные исследования (теперь: авторов «дальнего зарубежья») также не всегда оказываются на высоте. Часто эти исследования скованы либо философской концепцией языка, либо неадекватным пониманием политики и политических процессов. В то же время во всех исследованиях связи языка и политики, и в том числе анализа языка политики, содержится и много ценного, что, вне всякого сомнения, необходимо учесть и сохранить в дальнейшей работе над данной проблемой.

Тема настоящей статьи – язык политики. В литературе встречаются также выражения «специальный политический язык», «функциональный стиль политики», «специальный словарный состав политики», «специальная политическая лексика». Все они, на наш взгляд, имеют право на существование, но наиболее соответствующими, по существу дела, являются выражения «язык политики» и «политическая лексика». Они, по нашему мнению, во-первых, почти синонимы, а во-вторых, что более важно, являются более общими по сравнению с выражениями «специальный политический язык» и «функциональный стиль политики». Следовательно, они наиболее полно охватывают обозначенный нами феномен.

Возникает теперь вопрос: в чем заключается главная особенность языка политики? В.Шмидт видит ее в следующем. «Общим признаком политической лексики... – пишет он, – является ее идеологическая обусловленность» [3]. Можно ли согласиться с этим мнением? Мы считаем, что нет. Во-первых, существуют разные формы идеологии – по-

литическая, правовая, религиозная и другие. Понятно, что В.Шмидт подразумевает *политическую*, а не какую-то иную идеологию. Но, во-вторых, сводится ли *политическое сознание* к политической идеологии? Вряд ли возможен утвердительный ответ. В-третьих, идеология есть такое духовное образование, в котором действительность отражается посредством преломления ее через призму частного (группового, классового и т.п.) *интереса*. Та часть политического сознания, в которой социальная действительность отражается именно таким образом, есть политическое сознание. Но опять же не вся эта часть, так как имеется обыденный уровень сознания, а в нем – так называемая общественная психология. В историческом материализме, как известно, в структуре общественного сознания выделяется уровень идеологии (высший) и уровень общественной психологии (низший). Не вдаваясь в критический анализ этого положения, мы все же должны признать наличие разных уровней общественного сознания, включая и политическое сознание.

Вернемся к языку политики. Необходимо определить его общую специфику. Обратимся сначала к языку как таковому. Безусловно, он представляет собой довольно сложное социальное образование. Язык – это постоянно изменяющаяся и изменяющаяся система, выполняющая в обществе и культуре целый ряд функций – функцию выражения, функцию обозначения, познавательную функцию, функцию информационно-трансляционную, коммуникативную функцию. Он является специфическим социокультурным средством хранения, накопления и передачи информации, а также управления человеческой деятельностью и поведением. Не случайно поэтому язык составляет предмет или же входит в состав предмета целого ряда научных дисциплин и философии.

В функционировании и развитии языка исследователи выделяют «две связанные между собой, но достаточно самостоятельные стороны: развитие структуры и развитие общественных функций языка, что создает возможности для сознательного вмешательства в языковые процессы» [4]. На наш взгляд, эта самостоятельность не является абсолютной, хотя в различные исторические эпохи и в условиях различных политических режимов она бывает различной. Ведь и как структура, и как система функций язык есть социальный и социально-исторический феномен.

В то же время язык, взятый в аспекте своей структуры, или строения, обладает большей автономностью по отношению к социокультурным влияниям, чем язык, взятый в аспекте системы своих социальных функций. Но это все относится ко всякому языку. Из этой характеристики языка мы не можем вывести специфику языка политики. Необходимо взять теперь язык в общем контексте общества и культуры. Здесь язык предстанет чем-то неоднородным. В нем можно будет выделить целый ряд языков. Это определяется тем, что общество или культура имеют сложное строение. Имеются, в частности, различные сферы культуры (наука, религия, искусство, политика, право и т.д.). В каждой из таких сфер формируется и *свой* язык. Наряду с этими специализированными сферами в обществе существует строго не фиксированная сфера обыденной жизни. В ней функционирует так называемый «естественный язык», т.е. язык, складывавшийся на протяжении многих веков и служащий средством обыденно-обиходной жизнедеятельности и взаимоотношений людей. В развитой культуре этот язык существует в двух основных, часто не очень четко разграниченных вариантах: 1) в виде «низкого», простонародного и 2) в виде «высокого», литературного языка. Естественный язык – это *неспециализированный*, а потому и *нефункциональный* язык.

Что же касается тех языков, которые обслуживают относительно самостоятельные сферы общества, то эти языки вырабатываются внутри этих сфер, а потому и являются *специализированными*. Конечно, такой язык не может обходиться без естественного языка (в первую очередь литературного). Но и естественный язык здесь подчинен специфике этой сферы, в которой он используется. Специализированный язык обслуживает особую сферу, особую деятельность (профессию, род занятий и т.д.) и потому является *функциональным* языком.

Следует подчеркнуть: *всякий* язык – и нефункциональный, и функциональный – имеет две отмеченные выше *стороны* – структурную и функциональную. Следовательно, в данном случае речь идет не о функциональной стороне языка, а функциональности *всего* языка. Но, разумеется, языка как *части* языка в целом.

Таким образом, мы подошли к определению специфики языка политики. Это – *разновидность функционального языка*. Но этим

еще не определена его специфика. Специфика языка политики, или политического языка, состоит в том, что это часть языка, которая служит *средством* осуществления политики, достижения политических целей. Этим он отличается от юридического, научного, философского, медицинского и всякого иного функционального языка. Но как и любой, даже самый замкнутый, язык, язык политики тесно и многообразно связан со всем остальным корпусом языка, с общезыковым словарным составом. В то же время язык политики не выделяется так же четко, как, например, язык медицины, техники или юриспруденции. Причем между языком политики и общезыковым словарным составом идет постоянный взаимообмен: специальные политические термины, слова и выражения превращаются в достояние общезыкового словарного состава и, наоборот, многие слова и выражения из общезыкового словарного состава переходят в состав языка политики. Конечно, при этом политические термины в той или иной степени теряют свой терминологический характер, а словам общезыкового словарного состава придается специальное (политическое) значение. «Результатом вышеобозначенных встречных тенденций, – отмечает В.Шмидт, – является сосуществование политической лексики и общезыковых омонимов» [5]. «Другой особенностью политической лексики, – добавляет В.Шмидт, – является сравнительно высокий процент специальных арготизмов по сравнению с другими специальными лексиками» [6]. Этот высокий процент, на наш взгляд, объясняется, во-первых, тем, что политика взаимодействует с самыми различными сферами и уровнями общества, причем чаще всего непосредственно, значительно интенсивнее, чем иные сферы. Она ведь и ориентирована на все общество (речь, конечно, идет о внутренней политике), политические процессы захватывают все группы и слои населения. Во-вторых, арготизмы чаще всего используются в политической борьбе, в полемике, в стремлении показать свою политическую линию в выгодном свете и т.д. В-третьих, их употребление объясняется еще и тем, что одной из наиболее существенных характеристик языка политики является его *убеждающая сила*, нацеленность на убеждение или разубеждение в прежних взглядах тех, к кому он адресуется. Язык политики может также действовать и как *средство устрашения и подавления*. Характерной

особенностью терминов, слов и словосочетаний языка политики является их *ценностная* нагруженность: они не только констатируют те или иные феномены (например, события или факты), но и *оценивают* их.

Язык политики не является чем-то однородным и цельным. Он обладает определенным строением. Это строение можно представить двояко: 1) в виде ядра и ряда концентрических кругов вокруг него; 2) в виде ряда уровней, субординированных относительно друг друга. На наш взгляд, обе эти модели дополняют одна другую, а взятые в отдельности, они не отражают всю структуру языка политики. Обратимся к первой модели. Ядром здесь будет специфическая политическая *терминология*. Она несет основную нагрузку сферы политики. М.М.Бахтин так пишет об особенностях термина: «В термине, даже и не иноязычном, происходит стабилизация значений, ослабление метафорической силы, утрачивается многосмысленность и игра значениями. Предельная однотонность термина» [7]. Правда, политические термины далеко не всегда строго однозначны. Будучи в качестве слов одними и теми же в разных политических системах, они подчас могут выражать прямо противоположные смыслы. Такое вряд ли возможно в праве, медицине, технике и т.п.

Но политика, как известно, подразделяется на внешнюю и внутреннюю, а последняя – на целый ряд подразделений (экономическая политика, культурная политика, политика в области образования и т.д.). Поэтому в самом ядре языка политики, в его специальной терминологии выделяются: а) термины, общие для всей (т.е. как внешней, так и внутренней) политики, б) термины, относящиеся только к внешней и в) только к внутренней политике. Но внутренняя политика делится на отрасли. Следовательно, и здесь выделяются наборы терминов, общих для всей внутренней политики, и терминологии, присущие лишь одной из ее отраслей. Вокруг этого, довольно неоднородного, ядра располагается относительно политизированная лексика, общая и для политики и для внеполитической действительности. Речь идет о лексике, принадлежащей к литературному уровню языка. Вне этого круга, т.е. на периферии языка политики, находится лексика, позаимствованная из разных сфер культуры и у разных слоев населения, используемая в целях агитации, разъяснения

сути политических мероприятий, в populistских, «пиаровских» и тому подобных целях.

Модель вертикального строения языка может быть представлена следующим образом. Верхний уровень занимает *документально-официальный* язык политической власти. Во внешнеполитической деятельности – это язык всевозможных деклараций, заявлений, меморандумов, нот и т.п. Во внутривнутриполитической деятельности – это язык политических программ, декретов, постановлений, указов и т.д. Язык этот состоит из строгой (насколько это возможно применительно к политическому языку), специально выверенной терминологии. Он *эмоционально нейтрален* и ориентирован в основном на интеллектуальный уровень адресата (в первую очередь на профессиональных политиков).

Ниже находится язык *переговоров*. Его назначение состоит в попытках достижения соглашения между участвующими в переговорах сторонами (это могут быть представители других государств, партий или иных организаций) или, по крайней мере, на языковом уровне подчеркивать общность интересов. К этому же уровню относится язык дипломатических переговоров. Язык данного уровня менее формализован, более гибок и в терминологии, и в формулировках.

Ниже расположен язык политического *воспитания*. Его назначение – нацеленность на достижение нормативных структур и формирование у граждан политических позиций. Язык данного уровня уже не является эмоционально нейтральным. Напротив, он характеризуется эмоциональностью, образностью, а также гибкостью и аргументированностью. Язык политического воспитания применяется в сфере образования, в средствах массовой коммуникации и т.д.

Наконец, самый нижний уровень в структуре языка политики составляет язык политической *пропаганды*. Он используется в политических речах и пропаганде партий для того, чтобы изменить или, наоборот, укрепить существующую структуру оценок и мнений. Он во многом сходен с языком политического воспитания, однако не обладает его гибкостью и аргументированностью. Здесь почти не используется специальная политическая терминология, но зато используются «лобовые эпитеты», арготизмы (последние, как правило, отличаются повышенной экспрессивностью), ирония, сарказм, преувеличение оценки и т.д. Этот язык ис-

пользуется также в выборных кампаниях, включая особенно те случаи, когда используются PR-технологии.

Язык уровня политической пропаганды достаточно неопределен. Это обусловлено его направленностью на, возможно, более широкий круг адресатов. Это не что иное, как непосредственный язык *связи* политики с массами. Особое место в нем занимают так называемые *лозунговые слова*. Это – сугубо функциональные слова; они являются неотъемлемой частью публичной речи в сфере формирования мнений и их изменения. При этом само по себе слово не может быть лозунговым. Оно становится им в определенной ситуации. Скажем, слова «демократия», «прогресс», «солидарность» и т.п. не являются в качестве таковых лозунговыми. В языке науки (в социальной философии, социологии, философии политики, политологии и др.) они применяются отнюдь не в лозунговом смысле. Это – *понятия*. Лозунговые же слова *не являются* понятиями. Следовательно, лозунговые слова – это вовсе не феномены *языка*, а феномены *речи*, политической речи. При этом в лозунговых словах их предметно-информативный аспект отступает на второй план, а то и полностью вытесняется. Его частично или полностью замещает функционально значимый идеологический аспект.

В языке пропаганды можно выделить три типа символов:

1) *классифицирующий* тип (например, обозначение форм государственного правления: «монархия», «республика»);

2) *описывающий* тип: входящие в него слова описывают феномен без его оценки (например, «демократия», «социализм»). Их смысл нередко уточняется при помощи определений (например, «парламентская демократия»);

3) *идеальный* тип (слова этого типа являются носителями «мыслительных конструкций», построенных на основе одностороннего преувеличения одной или нескольких из возможных точек зрения путем объединения множества диффузных и дискретных явлений: например, «свобода», «справедливость», «солидарность»). Они наиболее ярко отражают характер языка политики.

В.Шмидт выделяет три аспекта политической лексики: семантический, идеологический и аспект эффективности. По его мнению, это – «аспекты, существенные для

анализа или для составления политических текстов» [8]. Мы соглашаемся с ним в этом вопросе и во многом согласны с его раскрытием этих аспектов. Поэтому мы не станем касаться данной темы и на этом за-

вершим нашу статью. В ней мы рассмотрели лишь некоторые аспекты большой темы «Язык и политика» [9]. В дальнейшем мы намерены обратить внимание и на другие.

Литература

1. См., напр.: Язык, идеология, политика. Ред. Сб. М., 1982; Никольский Л.Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986; Шмидт В. Соотношение языка и политики как предмет исследования социальной эффективности языка с позиций марксизма-ленинизма // Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – идеология – общество. М., 1979; Language et politique = Language and politics. Bruxelles, 1982. Текст в этой монографии представлен на французском и английском языках.
2. См.: Чегодаев Н.С. В борьбе за материалистическое языкознание // Актуальные проблемы языкознания ГДР. Язык – идеология – общество. М., 1979.
3. Шмидт В. Соотношение языка и политики как предмет исследования социальной эффективности языка с позиций марксизма-ленинизма. С. 74.
4. Вопросы развития литературных языков народов СССР. Алма-Ата, 1964. С. 79.
5. Шмидт В. Соотношение языка и политики как предмет исследования социальной эффективности языка с позиций марксизма-ленинизма. С. 75.
6. Там же. В.Шмидт поясняет: «Необходимо учесть, что лингвистический термин профессиональный арготизм не содержит негативного оттенка, как, например, слово жаргон в обиходной речи» (Там же. С. 73. Примеч. 2).
7. Бахтин М.М. Собр.соч. Т.7. М., 1996. С.79.
8. Шмидт В. Соотношение языка и политики как предмет исследования социальной эффективности языка с позиций марксизма-ленинизма. С. 77.
9. Некоторые другие аспекты данной темы см. в статье: Кульжанова Г. Язык и политика (к постановке проблемы) // Суверенный Казахстан в гуманитарном измерении: культура, политика, экономика. Сборник материалов международной научно-теоретической конференции (25–26 мая 2001г.) Алматы.

РАДИКАЛИЗМ В ИСЛАМЕ: ИСТОКИ И УГРОЗЫ

Смирнов С.Л.

«Конец «холодной войны», распад Советского Союза и дискредитация коммунизма привели к «вакууму опасности», что породило поиск новых врагов. Для некоторых американцев врагом является экономический вызов, бросаваемый Японией и Европейским союзом. Для других таковым является исламский мир с миллиардным населением, составляющим большинство в 48 странах мира и быстро растущее меньшинство в Европе и Америке. Некоторые видят в исламе единственную идеологическую альтернативу Западу, способную вытеснить за национальные границы, и боятся его, воспринимая как феномен, политически и культурно не совместимый с западным обществом, другие рассматривают ислам просто как демографическую опасность», – пишет в своей книге «Исламская угроза: миф или реальность?» Дж.Эспозито и с этим трудно не согласиться [1].

Почти по всем границам исламского мира идут войны или растет военная напряжен-

ность. Появилось понятие «исламской дуги нестабильности», охватывающей огромный район Ближнего и Среднего Востока, Азербайджан, Афганистан, Кашмир, бывшие советские республики Средней Азии. Таким образом, прекращение «холодной войны» привело не к единению мира, а к новому его расколу: на этот раз по линии фундаментализма и межэтнических конфликтов. И то, и другое могут проходить в социальном, политическом, культурном, религиозном аспектах.

В случае религиозного фундаментализма, как правило, речь идет не о какой-либо одной из мировых религий, а о политических движениях, использующих религию как средство достижения определенных целей. Использование религиозного фактора в мировой практике имеет достаточно давние традиции и приобретает особую актуальность в переломные периоды исторического развития тех или иных стран и регионов. Следует отметить, что религиоз-

ный фундаментализм в принципе отличается от политического «тезиса». Так называемый исламский фундаментализм, как отмечает российский правовед Л.Р.Сюкияйнен [2], представляет собой, прежде всего, политическое явление и не имеет прямого отношения к истокам ислама. По сути, это использование политикой религии в преступных целях. Прилагательное «исламский» определяет лишь конфессиональную принадлежность его участников, зачастую искренне верящих в справедливость и необходимость собственных действий.

Безусловно, политизация религии встречается в той или иной мере почти во всех мировых религиях как средство удержания и сохранения политической гегемонии религии в глобализирующемся мире, стремление на локальном уровне удержать контроль над образом жизни членов своего сообщества. В исламе это значительно облегчается тем, что через Коран и шариат ислам охватывает практически все сферы жизни и деятельности мусульман. Но если христианство уже прошло пик своей политизации (можно вспомнить крестовые походы, инквизицию в Испании, борьбу со старообрядцами в петровской России и т.д.), то в исламе, как более молодой религии, политизация началась позже: в последнюю четверть XX – начало XXI веков. Наряду с чрезвычайно активной национально-конфессиональной самоидентификацией мусульманских народов как средства отстаивания и реализации собственных интересов это может быть обусловлено и такой спецификой ислама, как слияние духовного и светского начал политической администрации и религиозной власти (пророк, халифы, эмиры), что способствовало абсолютизации религиозного авторитета и снижению значения административно-чиновничьей власти.

Любой чиновник должен был согласовывать свои действия в первую очередь с нормами Корана и шариата, учитывать мнение различных духовных авторитетов. Однако развитие государственности привело к разделению этих начал, ослаблению влияния ислама на политическую администрацию и, наконец, в отдельных странах (например, в Турции) отделению мусульманства со всеми его религиозными обрядами и нормами от государства, деятельность которого стала иметь сугубо светский характер. Соответственно, у клерикалов, защитников незыблемости ислама появилось желание вернуть это

влияние. Примерами могут служить события в Иране, Алжире, Афганистане.

Согласно стратегии международных исламских экстремистов новое столетие должно завершиться созданием единого исламского халифата. Ситуация осложняется тем, что ислам как религия социообразующая во многом связана с политикой. Ислам, в его трактовке некоторыми исламскими правоведами, основную роль в формировании мировоззрения отводит не экономике, не философии, а политике. В частности, имам Хомейни [3] утверждал: «...ислам является политико-религиозным учением, в котором политика дополняет богослужение, а богослужение дополняет политику; в Исламе больше политических предписаний, чем религиозных; исламская религия носит политический характер, все в ней связано с политикой, даже богослужение...». Вместе с тем необходимо отметить, что ислам Хомейни – это одно (несмотря на то, что под влиянием концепций этого ислама сформировалась идеологическая платформа, например, организации «Исламский джихад»), а ислам талибов, хаттабов – нечто совершенно другое. Речь идет о выборе между различными подходами к исламу, использовании его для достижения каких-то своих целей.

Для ислама, так же, как и для других религий, характерны многочисленные разновидности. Так, африканский ислам отличается от ислама Юго-Восточной Азии или индо-ислама, не говоря уже об исламе арабского мира. Вызвано это, в первую очередь, различием экономических, социальных и политических условий проживания народов, исповедующих эту религию. Ислам, содержащий два основных течения: суннизм (приверженцы которого признают источником веры Коран и сунну) и шиизм (сторонники которого, составляя меньшинство – шииты это группа, часть – в мире ислама, признают только Коран и отвергают большинство положений сунны), представлен десятками различных течений и направлений – от консервативного (ваххабизм в Саудовской Аравии) до модернистского (исмаилиты, возглавляемые Ага Ханом IV) и радикального («исламский фундаментализм»). Такое многообразие, безусловно, не делает ислам монолитным, но укладывается в общий спектр, именуемый исламской цивилизацией.

В условиях усиления глобализации, вестернизации, стандартизации, вызывающих в качестве ответной реакции на их негативные

последствия рост регионализации и фрагментации как оппозиционных тенденций, феномен исламского «фундаментализма» стал одной из основных характеристик современности. Со второй половины XX века идет синхронная активизация религиозно-политических движений в странах мусульманского ареала, происходит своеобразная вторичная исламизация ислама. Так, видный турецкий исламист-экономист А.Деббаглу в книге «Введение в исламскую экономику» пишет: «...турецкий народ вновь должен омусульманиться, что обеспечит ему образование нового общества и нового государства» [4].

Под исламским фактором следует понимать два разнонаправленных процесса. Во-первых, процесс проникновения ислама в политический сектор общественной жизни, часто именуемый исламизацией; во-вторых, политику властей в самой стране в отношении ислама.

Современная «исламизация» характерна попытками выработки новых форм объединения религии и политики, религии и государства, мусульманских норм регулирования экономики и т.д. В области экономики исламизация предусматривает запрещение банковского процента (риба) и учреждение беспроцентных исламских банков, введение исламских налогов (закят, ушр), в области государственной структуры – введение исламских органов управления, в государственном праве – установление действия шариата, в области образования – преподавание религиозных дисциплин в светских и расширение сети религиозных учебных заведений.

Начиная с 70-х гг. прошлого века исламский фактор начинает оказывать существенное воздействие на внутреннюю ситуацию и внешнюю политику многих мусульманских стран. Во многом это объясняется общим экономическим, социальным и культурным традиционализмом, связанным с преимущественно аграрным характером экономики, а значит, сельским типом большинства поселений и низким уровнем грамотности и образования.

Основной особенностью отношений власти и религии в последние три десятилетия становится конфликт с радикальным политическим исламом, являющийся рубежом, отделяющим силы, ориентированные на социальное переустройство и модернизацию, от сил, делающих ставку на неоконсервативную реставрацию в духе мусульманской об-

щины времен Пророка, а также использующих исламскую «оболочку» для проведения различных экстремистских и террористических акций. При этом в многочисленных публикациях последнего времени до сих пор не существует устойчивых общепринятых обозначений этого процесса. Используемые в настоящее время термины – «фундаментализм», «радикализм», «исламизм», «ваххабизм» – часто путаются и не являются бесспорными. Сами мусульмане тех, кто проповедует реисламизацию по критериям «чистого», первоначального ислама, называют «ал-исламийюн» («исламисты»). Очевидно, в исламе следует различать как ислам и исламизм, так и фундаментализм и экстремизм. Исламизм – это использование радикальной формы исламского фундаментализма для достижения политических целей. Крайним видом его проявления является терроризм.

Фундаментализм как понятие сугубо религиозное присущ любой религии – это не что иное, как обращение к духовным первоисточникам вероучения, происходящее всякий раз при резко изменении условий жизни. Без него религия, как правило, вырождается и превращается в ширму для получения каких-либо материальных и политических выгод определенными лицами или группами. С этой точки зрения и Христос, и пророк Мухаммад, и Будда были фундаменталистами: они считали свои взгляды не новой религией, а возвращением к истинной вере предков. Сами мусульмане предпочитают называть это движение не фундаментализмом, а салафизмом – от выражения «ас-салаф ас-салих» (праведные предки), то есть его сторонники должны во всех своих действиях, нормах и правилах следовать догмам первоначального ислама. Однако здесь следует помнить об относительной ограниченности положений, регулирующих все аспекты жизни мусульман: готовые правила поведения можно обнаружить не более чем в 300 аятах Корана и 500 хадисах.

Египетский юрист-мусульманин Мухаммад Саид аль-Ашмави в книге «Политический ислам» отмечает, что Коран «содержит только немногочисленные нормы, касающиеся отношений между людьми, и эти немногочисленные нормы не регулируют все отношения». Поэтому салафиты не могут ограничиться только текстами Корана и Сунны в качестве единственных источников всех норм и рекомендаций в современных условиях и потому приходят к тому, против чего

боролись: вынуждены в полной мере использовать человеческий фактор для понимания Божественного Откровения и обращаться к салафитскому наследию прошлого (в частности, к таким салафитским авторитетам, как Ибн-Кудаму, аль-Кисаи, Ибн-Таймийю). В итоге оказывается, что обосновываемая салафитами, к примеру, обязательность для мусульманина вести джихад против вероотступников (будь то Х.Мубарак в Египте, И.Каримов в Узбекистане и т.д.) обосновывается не обращением к абсолютно истинному (Божественному) первоисточнику, а к источнику человеческого и потому, возможно, ошибочному. Здесь надо либо доказать, что эти ученые (в частности, Ибн-Таймийя) не ошибались, либо принять безошибочность всех их суждений, что в исламе невозможно: беспорочен лишь один человек – Пророк Мухаммад. Кроме того, *салафиты почему-то «забывают», что убийство вероотступников по шариату разрешено только после выяснения действительного положения вещей и трехкратного предложения покаяться и вернуться в лоно ислама.*

Следует подчеркнуть: все направления в исламе (и салафизм в том числе) – это результат не прямого Божественного Откровения, а человеческой интерпретации Корана и Сунны. Споры среди мусульманских теологов относительно того, какое из направлений ислама следует «правильным путем», продолжаются на протяжении всей его истории. Аналогичные споры характерны и для других конфессий. Таким образом, фундаментализм как стремление восстановить веру в первоначальной чистоте является устойчиво традиционным для религиозного мировоззрения. В частности, некоторые специалисты по исламскому экстремизму отмечают, что «фундаментализм в смысле мировоззрения, возвращающего к фундаментальным (глубинным) истинам веры, не может, как представляется, быть характерным только для воинствующих радикалов» [5].

Вместе с тем неверно рассматривать религиозный фундаментализм только как некий реликт прошлого, несовместимый ни с настоящим, ни тем более с будущим. Исламский фундаментализм, динамичный и активный в утверждении своих принципов, несет в себе обещание все снова поставить на свои места, освободить людей как от страха перед современностью, так и от зачастую мучительной необходимости самим принимать решения. В условиях общего структурного

кризиса фундаментализм действует как спасительная идеология, дающая перспективу лучшей жизни. И когда говорят о террористах из числа фундаменталистов, то речь идет преимущественно о молодых людях, которые (будучи дилетантами, мало знакомыми с собственно исламскими учениями) полагают, что действуют от имени и в интересах ислама, хотя своими действиями нарушают многие (если не все) исламские нормы и ценности. Ислам как таковой не является религией, которой внутренне присущ экстремизм и тем более терроризм. В нем, как и любой религии, можно найти постулаты, при желании легко интерпретируемые как призыв к нетерпимости, к борьбе с «неверными», к насилию, но точно также можно подобрать и противоположные установки.

Большое влияние на современный ислам оказала *мусульманская реформация*. Мусульманские реформаторы (Джамаль ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Мухаммад Ахмад Халафалла и др.) стремились сохранить ислам как мировоззренческую систему и основу социального регулирования от разрушительного влияния капиталистического Запада, пытались морально и доктринально обновить мусульманскую общину путем осовременивания и придания исламу пластичности. Они учили, что каждому поколению следует толковать Коран, исходя из собственного опыта и знаний, не искажая при этом основ веры. Мухаммад Абдо (1849–1905 гг.) писал: «Каждый мусульманин должен толковать Коран и руководствоваться его предписаниями в меру своих возможностей. Нельзя только отклоняться от Корана» [6], т.е. нормативно-поведенческий императив ислама можно сформулировать следующим образом – *поступать так, как поступил бы Пророк Мухаммад в существующих в данный момент условиях.*

Таким образом, реформаторы, отстаивая принцип иджихада (право на самостоятельное суждение по богословско-юридическим вопросам, связанным с жизнью общины, на основе Корана), считали, что традиционное духовенство не может быть единственным интерпретатором шариата и человек отчасти способен сам постигать религиозные истины.

Слепой вере и схоластике традиционалистов реформаторы (салафиты) противопоставили религиозный рационализм и верность сути Священного писания, подчеркивая, что ислам – это религия, опира-

ющаяся на разум, поскольку человек, по замыслу Аллаха, призван свободно мыслить. Реформаторы основное внимание уделяли вопросу о месте человека в сотворенном богом мире, морально-этическим принципам ислама, социальным проблемам общины, а все то, что касалось отношений между человеком и Богом, коранических запретов, считалось вечным и неизменным. Можно с большой долей уверенности утверждать, что в основе реформаторства лежал хадис: «Аллах ничего не меняет в людях, пока сами они не изменят себя».

Следует отметить, что приоритет исламских ценностей реформаторы признавали почти исключительно в духовной жизни человека и выступали за государство в духе ислама, а не на основе господства шариата. Они считали, что ислам – религия, требующая от своих последователей только «веры» и никоим образом не навязывающая форму социальной организации. Так, Халафалла заявлял: «Пророк был духовным руководителем, а не светским правителем. В Коране нет текстов о халифате, все мусульманские государства в истории были светскими государствами, а не теократиями» [7].

Таким образом, миссия реформаторов заключалась в том, что ими были предложены принципы укрепления основ ислама и возрождения величия мусульманской общины в новое время. Однако некоторые их последователи, сохраняя верность этим принципам, разошлись в подходах к решению социально-политических проблем уммы, причем настолько значительно, что стремятся архаизировать действительность и изменить современные реалии в духе мединской общины времен пророка, сделать шариат единственным регулятором. Методы для этого выбирают самые радикальные. Тем самым, игнорируя призыв пророка Мухаммада (понимавшего, что каждая эпоха вырабатывает свои правила веры), спросить о деталях соблюдения мусульманских обрядов в будущем у имама того времени.

Религиозный экстремизм – это, как правило, своеобразная протестная реакция обездоленной, маргинализованной части общества на социально-экономические условия, приведшие их к обнищанию. Идея возврата к порядкам времен четырех первых праведных халифов находит наибольший отклик именно в этих слоях населения. Программ решения социально-экономических проблем экстремисты не предлагают, поскольку счи-

тают, что истинно исламская власть – правление в форме халифата – может решить все вопросы. **Радикальные исламисты (экстремисты)** не только хотят образования исламского государства, они добиваются исламизации – установления норм шариата – в планетарном масштабе, причем немедленно и в полном объеме. Их действия направлены в первую очередь против существующих режимов в мусульманских странах, якобы уклонившихся с пути, указанного Кораном, и послушных воле Запада. Исламский экстремизм утверждает, что все усилия мусульманина на пути к истине будут напрасны, если он подчиняется немусульманину. При этом свою правоту экстремисты доказывают ссылками на собственные интерпретации Корана и отдельных хадисов Пророка, а не на сами первоисточники. Так, согласно идеологии исламского экстремизма, мусульманин не только не должен подчиняться неверным, но и вести джихад, под которым подразумевается исключительно вооруженная борьба, в то время как в Коране (4:59) сказано: «О, вы, которые уверовали! Вы повинуйтесь Богу и Его пророку, а также тем из вас, кто властью наделен».

Что же касается *джихада*, то уже в раннем исламе это понятие не было равнозначным понятию войны против «неверных» и, в целом понимаясь как борьба за веру, имел несколько различных трактовок. Пророк Мухаммад «Великим джихадом» считал духовное самосовершенствование, борьбу каждого верующего с собственными страстями и пороками (джихад сердца), а вооруженную борьбу – «малым джихадом», не являющимся главным для мусульманина. «Малый джихад» делится на «внутренний малый джихад», войну в самом исламском мире (*дар аль-ислам*) против вероотступников, и «внешний малый джихад», направленный против неверных вне исламского мира (*дар аль-харб*). Многие теологи отдают приоритет «Великому джихаду»: верующего можно освободить от «малого джихада», но нельзя – от «Великого джихада». В частности, приверженцы реформистского движения Салафийя сводят войну к минимуму и концентрируют внимание на духовных аспектах джихада. Известный реформист XIX века М.Абдо считал лучшим путем распространения ислама не вооруженную борьбу и насилие, а убеждение. Бахаизм вообще отвергает «малый джихад» и проповедует всеобщий мир и равенство различных религий.

Мусульманские религиозные и светские деятели используют этот термин при пропаганде самых различных мероприятий, часто не имеющих прямого отношения к исламу. Так, под джихадом может пониматься кампания за ликвидацию неграмотности или реализация программы экономического развития. Например, в Иране руководство страны провозгласило подъем сельского хозяйства, расширение железных дорог страны и т.п. «созидательным джихадом» (*джихад-э сазандеган*), был объявлен также «джихад в области образования» (*джихад-э данэшгари*), предусматривающий «исламизацию» системы высшего образования в стране.

Идею «малого джихада», трактуемую исключительно как вооруженную борьбу, возродили палестинцы, начавшие в 1948 г. борьбу против Израиля, еще более активизировали ее поражение арабских стран в войне 1967 г., военно-политический кризис в Персидском заливе, затягивание урегулирования ситуации вокруг Ирака. Наиболее законченный вид идея «малого джихада» приобрела в середине 70-х – начале 80-х годов в Иране, где аятолла Хомейни, превратив ислам в государственную идеологию, придал этой идее антиимпериалистическую направленность.

Таким образом, современные концепции джихада могут служить «теологическим обоснованием» различных, нередко и противоположных по своей политической сути, видов деятельности. В частности, джихад стал основой идеологии движения «Хезболлах», других групп и движений, ведущих активную террористическую деятельность против немусульманских, с их точки зрения, режимов. Поскольку, по их мнению, «родина для мусульманина только там, где правит шариат», то надо бороться ради государства ислама и при этом допустимо применение силы, чтобы преодолеть все препятствия на этом пути [8]. Ядро таких движений составляет жаждущая справедливости недовольная молодежь из разных социальных слоев.

В основе ваххабизма, особого течения внутри суннитской ветви ислама, лежит выработанное потребностями бедуинских кочевий очень осторожное отношение ко всем учениям и школам, выходящим за пределы суннитского ислама. Основные принципы этого течения, развитые в XVIII веке мусульманским богословом и правоведом Мухаммадом ибн Абдул-Ваххабом ат-Тамином (1703–1794 гг.), сводятся к узкому догматизму и крайней нетерпимости

ко всем нововведениям в исламе, отрицанию в нем свободы мнений, фанатичной строгостью в соблюдении обрядовых и правовых норм шариата. Ваххабиты не признают национальных религиозно-обрядовых традиций (почитания святых мест, поклонения мусульманским святым и героям), дервишество, суфийские ордена.

Ваххабитский вариант ислама стал официальной религией Саудовской Аравии, признан в Катар, Кувейт, Объединенных Эмиратах. Его приверженцы действуют в Иордании, Омане, Индии, Индонезии, некоторых странах Северной Африки. В последние десятилетия ваххабизм превратился в политическое течение, сторонники которого, преследуя цель изменения политического строя в той или иной стране, создали множество ваххабитских группировок: «Джихад» и «Исламская группа» (Египет), «Сторонники шариата» (Великобритания), Партия исламского освобождения (действует во многих странах, включая и постсоветские республики), Международный фронт борьбы против евреев и крестоносцев и т.д. [9].

Основой ваххабизма является *такфир* и *джихад*. Такфир – обвинение в вероотступничестве мусульман (представители других конфессий считаются кяфирами), не приемлющих ваххабитское толкование ислама. Поэтому отнюдь не случайно в современном исламе наиболее крайние фундаменталистские течения смыкаются с ваххабизмом.

В мире существует 8 общепризнанных религиозно-правовых мусульманских школ (4 суннитские и 4 шиитские), имеющих равные относительно друг друга права (и это зафиксировано, в частности, в Исламской конституции Ирана). Однако к «неправильным» мусульманам, например, так называемые «ваххабиты» относят всех, кто не согласен с их учением и считают взгляды как суннитов, так и шиитов «антирелигиозными» и на уровне идолопоклонничества, выражающегося в преклонении перед гробницей Пророка и имамов. Хотя в Коране сказано: «Нет принуждения в вере» (сура ал-Бакара, аят 257), такое деление на «чистых» и «нечистых» тянется из прошлого. Как писали современники Мухаммада Ибн Абд ал-Ваххаба, его сторонники «были убеждены в неверии всех людей на земле, которые не разделяют их убеждений» [10] и считали несогласных с ними мусульман еще более худшими «многобожниками», чем язычники. «Отступник должен быть

убит, даже если он не в состоянии сражаться, тогда как неверный в подобном случае смерти не заслуживает» [11]. Забывая об аятах, гласящих: «Делай людям добро и сам будь милосерд, ибо Аллах любит творящих добро» и «Если вы творите добро, то вы творите для самих себя, а если творите зло, то для себя же...» (Коран, 17:7).

Необходимо отметить, что в настоящее время «ваххабизм» – это собирательный термин для обозначения разнородных исламских группировок, придерживающихся самых разных позиций, не во всем совпадающих с официальными мазхабами, выступающими с призывами к восстановлению «чистого» ислама и критикой официального духовенства.

Безусловно, лишь незначительная часть фундаменталистов для реализации своих представлений о мировом порядке решает прибегать к насилию и терроризму. Вместе с тем в последние десятилетия мир стал свидетелем многих кровопролитных меж- и внутрисударственных конфликтов в мусульманских странах. Ярким примером первых является ирано-иракская война, вторых – Афганистан. Те, кто сегодня подпадают под определение «исламский террорист», фактически отказались от самого главного – гуманистической сути ислама. Под крики «Аллах Акбар!» они убивают как иноверцев, так и самих мусульман. Кровь десятков и сотен тысяч невинных льется для того, чтобы устранили остальных и заставить их стать на сторону экстремистов.

Радикальный исламизм сегодня

Наибольшее распространение радикальный исламизм получил в Алжире, в котором взрывы, убийства стали обычным событием. Так, 23 сентября 1997 г. вблизи г. Алжир были вырезаны и сожжены до 200 человек, среди которых было много детей. В начале января 1998 г. в трех деревнях провинции Релизан были зарублены топорами или расстреляны 412 человек, тогда же в деревне Сиди-Ахмед вырезано 120 жителей [12,13]. Крайней жестокостью в расправах над интеллигенцией, иностранцами, женщинами без хиджаба (покрывала) отличается созданная в январе 1993 г. Вооруженная исламская группировка (ВИГ), только в январе 1998 г. истребившая свыше 1 000 человек. Среди более 100 иностранцев, убитых исламистами в Алжире, 50 французов, 13 граждан СНГ, испанцы, итальянцы, бельгийцы. В Пакистане в 2000 г. в результате взрывов бомб,

убийств, столкновений погибло более 2 тысяч шиитов, которых радикально настроенные суннитские группировки считают немусульманами-кяфирами. Лидер одной из таких группировок «Джамиат-и-Улема-и-Пакистан» Фазлур-Рахман заявил, что до тех пор, пока сунниты не изгонят шиитов с территории Пакистана, в стране не будет мира и спокойствия.

Эксперты отмечают, что в последние десятилетия исламский экстремизм экспортируется не только в виде идей, но и в виде прошедших школу многих кровавых конфликтов профессиональных террористов. При этом не следует забывать, что, к примеру, значительная часть последних была подготовлена во время войны в Афганистане Центральным разведывательным управлением США, через пакистанскую спецслужбу подержавшим самых радикальных из всех исламских фундаменталистов – движение Талибан [14], с которым США сейчас развернули широкомасштабную борьбу. Следует отметить, что крайний радикализм и примитивность взглядов талибов (силой навязывающих самые консервативные черты исламской атрибутики), несомненно, диктуются обзленностью своей нищетой, неграмотностью, отсутствием человеческих условий для жизни. Однако вместо разрешения социальных проблем, вместо поставок тракторов и учебников США с союзниками начали бомбардировками разрушать остатки инфраструктуры страны. Хотя очевидно, что без подъема экономики страна, насыщенная оружием, обречена оставаться «отстойником терроризма и наркоторговли».

Что касается религиозного экстремизма на Северном Кавказе и в Центральноазиатском регионе, то в условиях социально-экономической нестабильности восстановление порядка и справедливости, через возврат к раннеисламской умме (общине), приобретает немало как сторонников, так и противников. Первое обусловлено как массовой безработицей, коррупцией, так и тем, что до недавнего времени тысячи молодых людей могли получить теологическое образование за рубежом в медресе и высших духовных университетах Турции, Египта, Саудовской Аравии, Сирии, Пакистана. Последнее было обусловлено тем, что в связи с резким увеличением числа мечетей (отнюдь не сопровождавшимся таким же скачком роста их посещаемости верующими) остро встал вопрос о подго-

товке служителей мусульманского культа разного уровня. Однако, вернувшись на родину, часть этих студентов становилась проводниками суннитского ислама не столько в классическом, сколько в его радикальном понимании. Противодействие же духовенства (так, например, Совет улемов Управления Узбекистана в своем обращении ко всем мусульманам страны заявил, что «действия боевиков под флагом исламской религии противоречат ее канонам») и большинства традиционно верующих обусловлено тем, что в этих регионах широкое распространение получил так называемый «народный ислам», ставший результатом сложного переплетения обрядов и верований ислама с местными доисламскими обычаями. К примеру, среди туркмен святые места (*овлия, кераматлы ер*), связанные с культом местной природы или захоронениями почитаемых духовных и родоплеменных руководителей, всегда были более популярны, чем официальные мечети. Поэтому, оценивая степень религиозного пробуждения населения этих регионов, надо иметь в виду, что здесь, по видимому, идет процесс возрождения не столько исламских вероисповедных принципов, сколько норм и правил повседневного поведения, составляющих основы традиционного адата, т.е. религиозности в житейском плане. Вместе с тем, «к сожалению, сегодня приходится признать, что возрожденческие процессы в исламе не дают заметного прогресса в нравственной, духовной жизни мусульман, в силу чего ислам до сих пор не стал ... стабилизирующим фактором в республике» [15]. Эти слова М.Гусасва, министра по делам национальностей и внешним связям Дагестана, можно в полной мере отнести и ко всем остальным мусульманским регионам постсоветского пространства.

Какова вероятность того, что ислам из фактора влияния может превратиться в угрозу? Баткенские события показали, что исламисты из Узбекистана и Таджикистана активно пытаются расширить свое влияние и экспортировать религиозный экстремизм на юг Кыргызстана. С их помощью в республике действует ряд религиозных сект, нелегальных военизированных организаций, которые ведут подрывную деятельность против государства и общества. По данным Министерства национальной безопасности Кыргызстана, на юге страны развили активность дава-

тисты – религиозные эмиссары из Пакистана. Сегодня около 200 кыргызских граждан нелегально находятся в Пакистане в центрах даватистов под Лахором. Вместе с тем события в Таджикистане, с одной стороны, приостановили распространение политического ислама в ЦАР, но – с другой, очевидно и закрепление исламистов на политической арене страны.

Сдерживает влияние исламизма в регионе как отсутствие в его среде ярких, искушенных в политике и богословии харизматических лидеров, так и ряд других факторов. Во-первых, вследствие полиэтничности и многоконфессиональности в регионе ислам не может быть основой консолидации всего общества. В частности, немусульмане в Казахстане составляют 34% населения, Кыргызстане – 17%, Узбекистане – около 7%, Туркменистане – 8%, Таджикистане – 4%. Кроме того, пока региональные, клановые, родовые интересы превалируют над религиозными. Во-вторых, ислам не является государственной религией, поскольку государства ЦАР являются светскими. Хотя обращение к нравственному потенциалу ислама свидетельствует о пока безуспешных поисках общенациональной идеи, способной сплотить людей для достижения определенных целей. В-третьих, ислам не является фактором политической стабилизации. В странах региона идут два разнонаправленных процесса: огосударствления ислама (путем создания соответствующих органов управления религиозной жизнью и контроля над духовенством) и распространением «неофициального» ислама, лидеры которого преследуют свои цели, противоречащие официальным идеологическим установкам всех центральноазиатских государств. Безусловное и жесткое подавление второго может подтолкнуть часть исламских радикалов к экстремизму и террору, причем достаточно масштабному. В настоящее время можно говорить об усилении их воздействия на отдельные группы населения.

Однако следует подчеркнуть, что «ваххабитам», несмотря на активную миссионерскую деятельность и аккумуляцию части социально-протестных настроений населения, до сих пор так и не удалось сделать свое движение массовым. Главным препятствием численному росту его сторонников является этнокультурная чуждость ваххабизма. Ведущим течением ислама в регионе является суннизм ханафитского мазхаба, характеризу-

ющийся, в отличие от ваххабизма, терпимостью к инакомыслию, использованием местного обычного права, применением в правовых вопросах свободного индивидуального суждения и суждения по аналогии.

В частности, суфийский ислам, имеющий место в Дагестане, Чечне, Ингушетии во многом не совместим с проповедуемыми «ваххабитами» принципами и нормами, что привело к конфликтам между последователями этих течений. По мнению известного исследователя М.Вагабова, «в настоящее время на Северном Кавказе существуют два суфийских тариката: *накшбандийа* и *кадирийа*. Они представляют собой разветвленную сеть вирдовых братств, которые, в свою очередь, делятся на множество мюридских общин. Вирды являются довольно устойчивыми образованиями, в которых проповедуется и пропагандируется сложившаяся за многие годы традиционная религиозная практика» [16].

Более того, несмотря на интенсивное использование чеченскими сепаратистами мусульманской риторики, активных действий в их поддержку на правительственном уровне не предприняло ни одно мусульманское государство. Открытая поддержка им оказывается радикальными кругами, находящимися в оппозиции к властям этих стран. Однако бездарные действия российских властей и иррациональная жестокость, проявленная федеральными войсками, создали условия, в ранее не особенно религиозном чеченском обществе, быстрой радикализации ислама, способствуя установлению контактов чеченских неопитов с экстремистскими течениями мусульманского мира. В этом отношении особенно выделяются общественно-политическое движение Конгресс «Исламская нация» (КИН), возглавляемое М.Удуговым и А. Алиевым, и созданный в августе 1998 г. на съезде в Грозном «Исламский порядок». Эти движения ваххабитского толка ставят целью образование в той или иной форме исламского государства.

Подобные факты говорят о том, что ваххабизм и другие формы исламского фундаментализма, находя приверженцев среди части населения (особенно молодежи), могут превратиться в опаснейший фактор дестабилизации ситуации в Кавказском и Центральноазиатском регионах. Реальность этой угрозы продемонстрировали события августа – сентября 1999 г. в Дагестане и вторая чеченская война. В немалой степени это обус-

ловлено и отсутствием людей, умеющих читать Коран в оригинале и способных донести его суть до простых верующих. Вместе с тем практика показывает, что для социального протеста под лозунгами радикального фундаментализма совсем необязательно иметь глубокие знания и традиции ислама: в мусульманских странах часть населения всегда склонна выражать свое недовольство именно в исламской (исламистской) форме.

Несмотря на то, что движущей силой процесса исламизации в Кавказском и Центральноазиатском регионах является суннитский ислам, отсутствует ясность относительно идейных основ местных исламистов, поскольку одни говорят о себе как о ваххабитах, другие называют себя салафитами, ханбалитами (хотя Ибн Ханбал требовал не допускать бунта, смуты – «*фитна*» – разрушающего устои веры и общественной морали: плохой правитель, считал он, всегда лучше, чем «*фитна*») и т.д. Более того, фундаменталистский ваххабизм рассматривает широко распространенные в этих регионах веру в духов предков, поклонение святым местам и т.п. исключительно как ересь, противоречащую «чистому исламу».

Таким образом, можно констатировать, что классическая схема, разделяющая современные мусульманские социально-политические движения на традиционалистские, фундаменталистские и реформаторские, неприменима к исламскому движению на Кавказе и в Центральной Азии. Скорее всего, его можно разделить на (в основном аполитичное) традиционалистское и политизированное, зачастую крайне радикальное, экстремистское. Лидерами последнего являются, как правило, выходцы из сельских слоев, массовая опора – крестьяне и маргинализованные городские слои.

Французский специалист по проблемам Центральной Азии Оливье Руа подчеркивает, что лидеры исламистов «выступают за экспорт исламской революции. Они не разделяют национальных устремлений своих стран. Это люди без корней с запутанными биографиями. Они представляют географическую и социологическую периферию ислама».

Говоря об исламском экстремизме, нельзя не вспомнить одного из самых видных теоретиков современного радикального ислама и идеолога движения «Братья-мусульмане» Сейида Кутба. Обвиняя современное общество в неверии («весь мир, мусульманский и

немусульманский, верующий и атеистический — Восток и Запад — вернулся к джахилие. Варварство, в котором погряз сегодняшний мир, отвратительнее, чем то, которое предшествовало исламу» [17]), Кутб выдвинул концепцию общественного устройства на принципах раннего исламского государства, установления государственного правления в соответствии с положениями Корана, борьбы против атеизма и других идеологических учений. Причем считал, что попытки противодействия исламу необходимо подавлять силой. По мнению Кутба, основой экономики должна стать только созданная личным трудом частная собственность и справедливость в распределении жизненных благ, монополии же противоречат принципам ислама. Сегодня на идеи Кутба опираются в своей деятельности такие террористы, как Эмир Хаттаб и Усама бен Ладен.

Концепция общественного устройства, изложенная Кутбом, выглядит весьма привлекательной. Однако тринадцативековая история ислама показывает, что за это время ни в одном из исламских государств так и не было построено общество, подобное описываемому Сейид Кутбом и его единомышленниками. И дело, конечно, не в том, что в течение этих веков мусульмане неправильно понимали установления ислама. Предлагаемая исламистами модель общественно-политического устройства столь же утопична, как и сама идея тотальной исламизации человечества.

Официозное издание по истории Пакистана [18] выделяет два главных принципа исламского государства: веру в верховный суверенитет Аллаха и признание верховенства шариата во всех сферах человеческой жизни. Следует отметить, что Пакистан при М.Зия-уль-Хаке оказался наиболее приблизившейся к модели «исламского государства» страной. По целому ряду позиций (исламизации экономики, разработке теоретических проблем и т.п.) он продвинулся значительно дальше, чем строго исламистские режимы Арабских Эмиратов и Саудовской Аравии или управляемый шиитским духовенством Иран. В целом принципы исламского государственного правления основаны на исламских представлениях о божественном идеале справедливости, исламских «духовных ценностях», исламском милосердии к человеку, на провозглашаемом исламом братстве мусульман и их равенстве перед Аллахом, на религиозной нравственности и морали. Декларируется, что «исламское общество» будет

свободно от эксплуатации, «классовых войн», политически и экономически независимо от Запада; что человек обретет в нем счастье и свободу, поскольку будут ликвидированы нищета и социальное неравенство и т.д.

Реисламизация в большинстве случаев предполагает борьбу за то, чтобы шариат стал единственным регулятором всей частной и общественной жизни. Так, например, один из лидеров «Исламского движения Узбекистана» Зубайр ибн Абдул Рахима заявил: «ИДУ намерено вести борьбу против официального Ташкента до тех пор, пока узбекское государство не будет жить по законам шариата». Одним из источников финансирования движения, по словам этого лидера, служат «возможности старой узбекской эмиграции, в частности, капиталы потомков эмира Бухарского». ИДУ также получает материальную помощь от различных исламских фондов и организаций (Великий исламский фронт, Islamic Relief Worldwide, Джамаат-и Ислами, Международная исламская организация спасения и т.д.).

Следует отметить, что хотя Узбекистан исторически является наиболее исламизированным государством постсоветского пространства Центральной Азии (на территории Узбекистана существовали такие мусульманские государства, как Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства), но очень высокая социальная цена экономических реформ в Кыргызстане и Таджикистане — в результате чего большинство населения этих республик оказалось за чертой бедности и не может выбраться из нищеты — создает благоприятные условия для особенно быстрого возрождения в них старых культурных пластов и религиозные аспекты (причем во все более радикальной форме) становятся ведущими в общественной жизни. Без улучшения социально-экономической ситуации на Кавказе и в Центральной Азии, выработки превентивных мер, адекватно реагирующих на расползание религиозного экстремизма, нельзя найти пути снижения его угрозы в этих регионах. И здесь исключительное значение имеет разработка взаимодополняющих и реально работающих механизмов Договора о коллективной безопасности стран ЦАР и деятельности «Шанхайской организации сотрудничества» в совместной борьбе с терроризмом, политическим и религиозным экстремизмом.

Безусловно, общие перспективы ислама на постсоветском пространстве будут в зна-

чительной мере определяться востребованностью исламского общекультурного и духовного потенциала в процессе формирования духовно-нравственной основы новых независимых государств. Наряду с этим следует отметить, что зачастую апелляция к исламским ценностям, помимо всего прочего, обусловлена желанием привлечь общественное мнение, ресурсы финансовых фондов и структур мусульманских стран, нередко исламская риторика служит и для маскировки собственных воцелений тех или иных претендентов на места во властных структурах. Для исламистов, по мнению французского эксперта Оливье Руа, «путем к реисламизации общества является захват государственной власти... Исламисты, в отличие от фундаменталистов в строгом смысле слова, выступают не за «возврат» к прошлому, а за подчинение себе путем политической борьбы современного общества и его технических средств» [19].

Официальные власти оказались не в состоянии вести диалог с радикалами. Призыв вернуться к «чистому исламу» (основной лозунг «ваххабитов») они не сумели использовать для борьбы с коррупцией и произволом кланово-этнических криминальных группировок. В результате ислам становится не союзником властей, а противопоставляется им, и возможности его использования в политических целях возрастают, хотя, к примеру, шариат вполне может укладываться в рамки государственной системы законодательства, соответствовать или, по крайней мере, не противоречить ей [20].

Таким образом, рассмотрев ряд основных течений в исламе, следует отметить, что характерной чертой современного процесса исламизации является его отчетливая не религиозно-догматическая, а социально-политическая направленность. События в Алжире, Ферганской долине, Дагестане, Афганистане и т.д. показывают, что многие исламские общественно-политические течения, проповедующие возрождение «чистого» ислама, все больше становясь экстремистскими по политической форме и сектантскими по религиозной сути, переходят к террору и физическому устранению не только неверных, но и «неправильных» мусульман, активно проводят различные акции по дестабилизации ситуации в существующих государственных образованиях, стремясь превратить их в «дар-уль-ислам» (страну ислама).

В завершении статьи следует отметить главное — во многих странах Востока, после многих лет европеизации и существования светских режимов, происходит реставрация влияния ислама, причем зачастую самыми радикальными методами. Почему это происходит? По-видимому, в поисках ответа следует обратить внимание на беспрецедентное расширение социальной, финансовой, политической поддержки исламистских движений в сегодняшних мусульманских (и не только) странах. Можно предположить, что столкновение мусульманских традиций с экономическим прагматизмом Запада в значительной мере и вызвало те общественные противоречия, свидетелями которых мы стали в последние десятилетия. Страны Востока, отвергая «импортные» марксистскую («обрекающую человека на добывание хлеба насущного») и капиталистическую («потребительства и вешизма») модели развития, пытаются построить развитую экономику на исламских принципах, которая, как они надеются, окажет воздействие на весь XXI век. Известный британский политолог Малис Русвен в монографии «Ислам в мире», рассматривая соотношение ислама с социалистическими и западными доктринами, пишет: «Ислам, по-своему интерпретируя, предлагает срединный путь между этими двумя крайностями, где философия свободного рынка ограничена социальной ответственностью, выдвигает доктрину, которая разрешает частную собственность при условии, что она будет служить общественному благу» [21]. Однако поскольку Коран и сунна не содержат таких понятий, как «социализм» или «капитализм», то их политическое толкование определяется конкретными интерпретаторами.

Понимание сложной и противоречивой трансформации религиозной идеологии в мусульманском обществе необходимо как для объективной оценки характера происходящих в нем процессов и прогнозирования их социально-политических последствий, так и для выработки адекватного противодействия структурам исламистско-фундаменталистской и террористической ориентации, непредвзятого подхода к этой проблеме.

В частности, анализ причин активизации ваххабизма подводит к однозначному выводу, имеющему практическую значимость: ваххабизм получает распространение там, где население прозябает в условиях эконо-

мической отсталости, бытового примитивизма на фоне стремительного имущественного и социального расслоения общества. Он может рассматриваться как облекаемый в религиозную оболочку политический протест. Поэтому корни ваххабитских проявлений в Центральной Азии, на Кавказе или любом другом районе мира следует искать, прежде всего, в местных реалиях, а не деятельности иностранных эмиссаров. Правительства, пытающиеся задавить любое инакомыслие и проводящие жесткую политику по отношению к населению своих стран, однозначно толкают его часть в руки религиозных экстремистов.

Степень противодействия радикальным исламистам зависит от степени демократизации общества, готовности правящих элит содействовать его консолидации, в том числе найти место и религиозному фактору для решения стоящих перед обществом социально-экономических проблем [22]. По мнению некоторых исследователей [23], важно распространять среди мусульман просвещенную версию ислама в традициях «открытого ислама» периода средневекового расцвета исламского рационализма, что совместно с политической интеграции представляет собой лучшее средство против распространения исламизма.

Литература

1. John Esposito. The Islamic Threat: Myth or Reality? N.Y.: Oxford University Press, 1992.
2. Сюкияйнен Л.Р. Шариат и мусульманско-правовая культура. – М., 1997. – С.21.
3. Изречения, афоризмы и наставления великого вождя исламской революции Его светлости имама Хомейни (да упокоит Аллах его душу). Тегеран: Изд-во произведений Его светлости имама Хомейни, международный отдел, 1995. С.17 (на рус.яз.).
4. Debbagolu A. Islam iktisadina giris. Istambul, 1979.
5. Sivan E. Radical Islam // Medieval Theology and Modern Politics. New Haven, 1985. P.137.
6. Абдо Мухаммад. Тафсир аль-Куран аль-хахим. Каир, 1911. Ч.3. С. 297.
7. Аль-Араби. Кувейт, 1994. № 6. С.42–45.
8. Qutb S. The Milestones on the Road. New-Delhi, 1981.
9. НГ – Стиль жизни. 1 декабря 1999 г.
10. Васильев А.М. Пуритане ислама? // Ваххабизм и первое государство Саудитов в Аравии (1744/45 – 1818). М., 1967. С.110
11. Мухаммад ибн Сулейман ат-Тамими. Книга единобожия. Баку, 1997. С.43.
12. Правда. 26 сентября – 2 октября 1997.
13. Независимая газета. 13 января 1998.
14. K.Lohbeck, Holy War, Unholy Victory Eyewitness to the CIA's Secret War in Afghanistan, Washington, DC, 1993.
15. Шихсанов А.Р. Ислам в Дагестане // Центральная Азия и Кавказ. – 1999. – №4. – С.110
16. Вагабов М. Оглашен манифест о джихаде // НГ – Религии, 7 июля. – 1999 г.
17. Игнатенко А.А. Исламские концепции социально-экономического и политического развития Ближнего и Среднего Востока. – Философия и религия на зарубежном Востоке. М., 1985, С.215.
18. Road to Pakistan. A Comprehensive History of the Pakistan Movement. Karachi, 1990. Vol.1. P.23.
19. Roy O. L'echec de l'Islam politique. P., 1992. P.17– 18.
20. Сюкияйнен Л. Найдется ли шариату место в российской правовой системе? // Сб. Ислам на постсоветском пространстве: взгляд изнутри. – М., 2001. – С.15–44.
21. Ruthven Malise. Islam in the World, Oxford University Press, New York, 1984, p.359.
22. Бибикова О. Киргизия и Узбекистан: наступление мусульманского экстремизма // Россия и мусульманский мир, 2000, №4.
23. Бассам Тиби, Политизация религии: политика безопасности под знаком исламского фундаментализма // Internationale Politik. Религия и политика, №2, 2000, С.37.

НЕКОТОРЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ «ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ» И «МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ»

Альжани Ж.К.

С обретением независимости Казахстан столкнулся с множеством проблем институционального плана. Состояние Казахстана как субъекта международных отношений требовало от республики политической и экономической идентификации, которая помогла бы Казахстану занять свое место в международном пространстве. В связи с этим немаловажен процесс собственного государственного строительства. В этом контексте стала необходимостью потребность рассмотрения и изучения одного из самых важных вопросов демократического развития, а именно – проблемы децентрализации органов власти в условиях транзитного общества.

В связи с этим большое значение имеют теоретическое осмысление проблемы децентрализации, выработка наиболее приемлемой для казахстанской политической системы формы взаимодействия между различными социальными субъектами и институтами, определение адекватности переходному состоянию республики западной модели децентрализованной политической власти.

Без выявления природы политической децентрализации, степени ее распространенности, форм, способов и методов реализации, а также поиска путей гармоничного соотношения децентрализации с принципом государственного единства невозможен успех демократического государственного строительства, который всегда должен исходить из национальной специфики социума.

Процесс децентрализации органов власти закономерен – это качественный сдвиг, который возможен при определенных количественных изменениях в обществе, результат огромной трансформации государственной власти, разделения властей, демократизации общества, приобретения населением политических прав и свобод, введения частной собственности, процесса разгосударствления и приватизации, распада сверхцентрализованного тоталитарного государства. В настоящее время возникло значительное число предпосылок в социально-экономической, политической, культурной областях жизни казахстанского общества, которые могут

стать фундаментом для децентрализации органов власти.

Существует множество подходов в определении сущности понятия децентрализации. Приведем два из них:

1. Децентрализация – передача функций управления от центральных органов власти местным органам, расширение круга полномочий нижестоящих органов управления за счет вышестоящих [1].

2. Децентрализация – система управления, противоположная централизации, т.е., расширение пределов ведения и власти местных административных органов и учреждений общественного самоуправления [2].

В первом подходе предполагается процесс переноса баланса власти с центрального на более низкий (местный) уровень. Можно сказать, что децентрализация приближает правительство к народу, создавая условия для демократизации управления.

В рамках второго подхода предполагается, что часть государственных функций, собственности и финансов передается органам местного самоуправления, которые могут – в рамках децентрализованных функций – выступать от своего собственного имени, не обращаясь к вышестоящим властям. Этим путем обеспечивается местная автономия.

Помимо различных подходов, децентрализация имеет также множество различных форм. Можно выделить три основных типа децентрализации: локальную, идеологическую, социальную.

Локальная соответствует общему понятию децентрализации: она определяется тем фактом, что местные руководители выделяются из местной же среды, действуют самостоятельно, располагают значительными полномочиями, они мало зависят от центра и основные решения принимают сами. Децентрализация оказывает значительное влияние на политическую партию: она ведет к местничеству, то есть ориентирует партию на региональные интересы в ущерб общенациональным или международным проблемам. Невозможно даже, строго говоря, вести речь о политике партии, скорее, – о локальных

политиках, близоруких и противоречивых, преследующих частный интерес без учета общего и неспособных видеть всю совокупность проблем [3].

Идеологическая децентрализация имеет совершенно другую природу: она состоит в допущении известных автономий, возникающих внутри государства. Все постсоциалистические страны в большей или меньшей степени испытали идеологическую децентрализацию и различные ее оттенки. Опасность идеологической децентрализации явно ведет к расколу, и постсоциалистические страны неоднократно пережили этот печальный опыт. Но у нее есть и свои преимущества: она создает атмосферу дискуссий, интеллектуального соревнования, свободы. Вместе с тем она дает выход публичному рассмотрению общих проблем и в этом отношении ее последствия в корне отличны от тех, что порождает локальная децентрализация [4].

Социальная децентрализация заключается в автономной организации каждого социально-экономического слоя внутри общества: средних классов, земледельцев, наемных работников и в предоставлении корпоративным секциям значительных полномочий. Есть искушение в каком-то смысле сблизить автономию с локальной децентрализацией. Социальную децентрализацию можно оценить как более эффективную по сравнению с другими ее видами: разделение труда, прогресс обмена и развитие техники порождают расхождение особых интересов зачастую более мощное, чем их географическая локализация, и не даром социальные противостояния сегодня более остры, чем локальные противоречия. Социальная децентрализация позволяет выявить основные векторы экономических и социальных проблем, но не обеспечивает их разрешения, так как ведет к совмещению противоречивых подходов: каждый «слой» стремится к тому, чтобы восторжествовала именно его точка зрения, и арбитраж в данном случае всегда затруднителен [5].

В проекте Концепции децентрализации государственных функций в Республике Казахстан Агентство по стратегическому планированию выделяет две формы децентрализации государственных функций: деконцентрацию и деволюцию. Под деконцентрацией понимается процесс, в рамках которого функции управления передаются нижестоящим государственным органам в иерархи-

ческой системе государственной власти, не ослабляя при этом вертикальной иерархии самой системы: нижестоящие государственные структуры остаются в вертикальном подчинении центральных властей [6].

Таким образом, «деконцентрированные», рассредоточенные государственные органы, находясь ближе к сфере своей деятельности, чем центральные органы, могут действовать на основе лучшего знакомства с ситуацией и располагают большими возможностями для претворения в жизнь административных решений. Вот почему процесс деконцентрации иногда еще называют «административной децентрализацией».

Деконцентрация касается административного аспекта управления и имеет своей целью реформирование иерархического распределения функций между центральными и нецентральными органами управления («административная децентрализация»). В то время как децентрализация касается политической стороны («политическая децентрализация») и означает передачу права принятия решений органам местного самоуправления и гражданам или их выборным представителям. Осуществление этого права принятия решений представляет собой акт местного самоуправления.

Деволюция означает предоставление прав органам самоуправления принимать решения и вести самостоятельную финансовую и управленческую деятельность. Деволюция предполагает, что местные органы самоуправления законодательно приобретают независимый статус, они рассматриваются как административный уровень, за которым правительство может осуществлять только опосредованный контроль. Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Деволюция государственного управления может быть эффективной в тех сферах и вопросах государственной деятельности, где не требуется проведение единой государственной политики [7].

Примером деволюции может стать опыт стран Центральной и Восточной Европы в осуществлении децентрализации, в частности можно привести пример Польши, где в 1990 году был принят Закон «О местном самоуправлении», который ознаменовал первый шаг реформы местных органов власти. Далее, в 1997 году, была принята Конституция, которая провозгласила, что органы МСУ обеспечивают децентрализацию государственной власти. В ней утверждается, что

основной единицей МСУ является муниципалитет, в то же время Закон «О местном самоуправлении» определяет и другие региональные уровни МСУ. Конституция регулирует отношения между государственными администрациями и МСУ. Местные самоуправления являются юридическими лицами и имеют право на собственность. Предоставление коммунальных услуг для удовлетворения нужд местного населения полностью возложено на них. Государственные администрации также могут поручить МСУ выполнение дополнительных задач [8].

Доставшаяся в наследство от СССР централизованная система управления в начальный период существования суверенного Казахстана имела свое обоснование, обеспечивая относительный успех выполнения программ на макроуровне. В настоящее время основной блок проблем, в целом детерминирующий развитие процессов децентрализации, связан с переносом акцента с макро- на микроуровень в решении и реализации реформ [9].

Внедрение работающей системы децентрализованного управления – это сложный процесс, который должен быть тщательно продуман. Его нельзя завершить в короткие сроки. Реформа децентрализации требует неослабного внимания и постоянной корректировки, а иногда ее необходимо проводить в несколько этапов. Кроме того, для обеспечения успеха нужна твердая политическая и техническая поддержка со стороны правительства. Здесь надо отметить, что в мировой практике нет никакой единой модели децентрализованного управления, которую можно было бы рекомендовать всем странам и которая была бы применима в любых обстоятельствах. На практике пути децентрализации зависят от специфики конкретной страны, от сроков и условий. Мировой опыт свидетельствует, что государственные институты строятся так, чтобы они могли действовать не только на одном уровне – они организуются в несколько очерченных по территориальному признаку ярусов. Помимо общегосударственных институтов, существуют также институты, действующие на более низких уровнях, – как правило, на областном, районном и местном уровнях. Поэтому термин «местные органы власти» или «первичные уровни управления» используется для обозначения органов управления, действующих на самом низком уровне административно-территориальной структуры, то есть в сельских и городских органах местного самоуправления.

Ведь именно здесь местные сообщества имеют законодательно определенную территорию, собственность, уставы («местные конституции») и т.д. К органам управления на уровне областей и районов применяется термин «промежуточные органы власти» или «производные уровни управления». В целом же и первичные, и производные уровни именуются «органами управления ниже общегосударственного уровня» [10].

Иными словами, без дифференцированного подхода к местным условиям сейчас уже невозможно проводить успешную экономическую политику. Перенос акцента в продвижении рыночных реформ на местный уровень отражен в Послании Президента страны «Казахстан – 2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев». Осуществляемая в рамках этой программы центральными властями политика регионализации в принципе может рассматриваться как существенный элемент децентрализации органов власти.

В процессе демократизации политической власти и общественной жизни в Республике Казахстан одной из немаловажных проблем является реформа местного самоуправления.

Местное самоуправление – один из краеугольных камней в здании современной демократии. Вопросы повседневной жизни, такие, как жилье, коммунальные услуги, личная безопасность, социальная защита и т.д., не могут полностью решаться только лишь государственными органами. И нельзя путать понятия органов местного самоуправления с органами местного управления, так как они имеют отличие.

Органы местного самоуправления – это органы, которые избираются непосредственно гражданами.

Органы местного управления – это органы, назначаемые центральной властью. В этом их главное отличие: самоуправление – избираемые органы, управление – назначаемые. Однако справедливо отмечается, что выборность – не единственное свойство и качество органов местного самоуправления. Органы местного самоуправления должны не только избираться, но и обладать определенным комплексом полномочий, определенной самостоятельностью, т.е. иметь реальные права [11].

Местное самоуправление можно определить как особый вид управления, при котором функционирование какой-либо социально-по-

литической системы осуществляется не иначе, а автономно на собственной основе, при широком и активном включении ее структуры в решение внутренних проблем [12].

Понятие «местное самоуправление» в странах современного мира, как правило, включает два вида органов: представительный местный орган, избираемый населением соответствующей административно-территориальной единицы и принимающий решения по наиболее важным местным вопросам; исполнительный орган, призванный, в первую очередь, выполнять решения представительного органа и осуществлять оперативное управление [13].

В мире существуют три модели местного самоуправления: англосаксонская, континентальная (французская) и советская.

Англосаксонская модель распространена в Великобритании, США, Канаде и некоторых странах Британского Содружества Наций. В данных государствах некоторые должностные лица могут избираться непосредственно населением. Широкими полномочиями обладают комитеты представительных местных органов. Центральное правительство осуществляет контроль за местными органами посредством судов, а также через министерства. Здесь местное самоуправление отличается от общегосударственного лишь своим локальным характером.

В континентальной Европе, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке распространена французская (континентальная) модель. Здесь присутствует сочетание прямого государственного управления и местного самоуправления.

Советскую же модель местного самоуправления в различных вариациях можно встретить в Китае, на Кубе, в КНДР [14].

Немаловажным детерминирующим фактором в вопросе о местном самоуправлении является форма государственного устройства: федеративное или унитарное.

В федеративных странах национальные Конституции регулируют лишь общие положения о местном самоуправлении, возлагая правовое регулирование на субъекты федерации.

В унитарных государствах местное самоуправление регулируется по-разному. Как правило, центральное правительство посылает своего представителя до средних звеньев государственного управления. В разных странах существует неодинаковые минимальные планки для того, чтобы местный

коллектив приобрел статус самоуправляющейся общины. Это зависит от множества факторов: уровня экономического развития местности, культурно-исторических условий, уровня политической культуры населения и т.д.

В компетенцию местных органов, в первую очередь, входят: принятие местного бюджета, коммунальное обслуживание, охрана окружающей среды, регулирование дорожного движения, очистка улиц, канализация, школы, больницы, охрана общественного порядка, местная полиция. Полномочия местных органов самоуправления делятся на обязательные и факультативные. Обязательные имеют общегосударственное значение: транспорт, водоснабжение, здравоохранение, общественная безопасность и т.д. Факультативные же полномочия формируются по усмотрению самих местных органов; примерами их могут служить посадка деревьев и уборка территории.

Богатейший мировой опыт практики самоуправления не ограничивается вышеуказанными формами, большинство стран имеют индивидуальные особенности, но в целом с небольшими вариациями местное самоуправление имеет общие предпосылки складывания и закономерности функционирования, важнейшими среди которых являются: демократическое государственное устройство, развитость гражданского общества, вытекающие отсюда децентрализация и деконцентрация власти.

Определенные шаги по децентрализации государственного, местного управления намечены в программе Президента Казахстана по демократизации политической системы: «... мы должны разработать масштабную поэтапную программу выборов руководителей всех уровней. Здесь неуместна революционная нетерпеливость, приведшая некоторые страны к потере управляемости и хаосу, но и замалчивать эту проблему нельзя. Я полагаю, что в ближайшее время необходимо приступить к разработке такой программы, четко расписав этапы и уровни. К тому же нельзя забывать и о том, что модели местного самоуправления далеки от совершенства. Нам необходимо пойти на реформирование и в этой плоскости» [15].

Предлагаемая Президентом РК программа постепенной и поэтапной выборности руководителей всех уровней будет иметь важнейшее значение для децентрализации государственной власти. Выборность руководи-

телей исполнительной местной власти будет означать постепенный отход от системы их назначения вышестоящими руководителями. Вместе с выборностью руководителей различных уровней будет возрастать ответственность и зависимость местной власти от вверившего ей мандат населения. Разумеется, все это будет иметь место при условии проведения честных и объективных выборов.

Получившая власть из рук населения, а не вышестоящего начальника, местная власть будет в то же время более самостоятельной в управлении административно-территориальной единицей, в меньшей мере оглядываясь на мнение верхов. Следовательно, в будущем местная власть будет находиться в меньшей зависимости от центра, чем сегодня. Это означает, что после введения выборности руководителей всех уровней государственное управление в Казахстане будет в значительной мере децентрализованным.

Децентрализация представляет собой длительный процесс перехода политических полномочий и административных функций на более низкие уровни и этажи управления, обладающие большей степенью политической и административной автономии по отношению к центральной власти.

Будучи длительным процессом, децентрализация должна осуществляться поэтапно, чтобы политическая система посткоммунистического общества не теряла своей управляемости и стабильности. В этом смысле руководством Казахстана выбрана правильная линия на поэтапное введение в стране института выборности всех уровней государственного управления.

Поэтому проведенные экспериментальные выборы акимов поселков и аулов могут стать своеобразной моделью выборов акимов более высокого уровня, от деятельности которых зависит судьба гораздо большего количества людей. Изучение этой модели, то есть изучение и сопоставление деятельности выбранных акимов поселков, аулов, и, учитывая их недостатки, позволит центральной власти осознанно и обоснованно вводить выборность акимов районов, городов и областей.

Следует отметить, что руководство Казахстана обеспокоено уровнем подготовки и деятельности государственного чиновничества. В стратегии «Казахстан – 2030» с проблемами подготовки и совершенствования деятельности управленческого аппарата связан долгосрочный приоритет: профессио-

нальное государство, ограниченное до основных функций. Раскрывая содержание этого приоритета, Президент Н.А.Назарбаев указывает: «Эффективность Правительства базируется на трех взаимосвязанных факторах: его структурной организации, стратегической координации, уровне подготовки кадров. Нашей задачей на ближайшее будущее станет создание небольшого и гибкого аппарата, состоящего из способных и преданных кадров, владеющего методами стратегического планирования» [16].

Эффективная децентрализация государственной власти невозможна без развития и поддержки государством местного самоуправления.

Децентрализация государственного управления включает передачу части полномочий национального уровня управления на местный уровень. Преобразования в сфере местного самоуправления направлены, прежде всего, на необходимость реализации права граждан на участие в управлении и создании эффективной системы государственной власти снизу доверху. Пока власть на местах неэффективна, структура ее не отвечает потребностям местного населения, процесс реформирования будет замедлен.

Таким образом, становится очевидным, что для формирования и функционирования демократического государства в целом необходимо наличие эффективного механизма взаимодействия центральной власти и местного самоуправления.

В соответствии с Конституцией и законами Республики Казахстан местное самоуправление является одной из основных и необходимых форм реализации власти народа, которая формирует территориальные органы власти на основе самостоятельности и исходя из собственных интересов. Это и есть организация социальной инициативы снизу, направленная на поддержку социально-экономической политики сверху. Развитие местного самоуправления позволит ослабить социальную напряженность в обществе.

Наряду с Конституцией Республики Казахстан политико-правовая основа местного самоуправления в Казахстане должна исходить из международного права. Оно включает важнейшие декларации, акты, хартии, утверждающие нормы защиты прав человека и демократии, включая и местное самоуправление.

К числу важнейших документов международного права по местному самоуправле-

нию относится Европейская хартия местного самоуправления. Этот документ является одним из главных источников муниципального права европейских государств.

В основе Европейской хартии местного самоуправления лежит принцип субсидиарности. В пункте 3 статьи 4 Европейской хартии местного самоуправления принцип субсидиарности сформулирован следующим образом: «Осуществление государственных полномочий, как правило, должно преимущественно возлагаться на органы власти, наиболее близкие к гражданам. Предоставление каких-либо из этих полномочий иному органу власти должно производиться с учетом объема и природы поставленной задачи, а также требований эффективности и экономии» [17]. Очевидно, что каждое государство должно выбрать и разработать собственный план, модель децентрализации управления. Практика посткоммунистических стран показала, что единого для всех плана, рецепта децентрализации государственного управления не существует. Прежде чем приступить к децентрализации, необходимо провести тщательный анализ характерных для страны исторических, политических, культурных, экономических и иных условий. Без глубокого научного фундамента политика децентрализации не сможет достигнуть успеха.

Принцип субсидиарности, таким образом, означает, что вопросы, которые могут быть решены на низовом (местном) уровне, не следует передавать на более высокие уровни власти. Поэтому местным сообществам нужно доверять как можно больше управленческих задач, а вмешательство государства требуется лишь там, где без него невозможно обойтись.

Европейская хартия местного самоуправления была принята по инициативе Совета Европы в 1985 году. Поскольку Казахстан не является членом этой организации, то на него положения Хартии в формально-юридическом плане не распространяются. Тем не менее принцип субсидиарности и другие положения Хартии, направленные на укрепление самостоятельности органов местного самоуправления, могут быть учтены при проведении реформы государственного управления.

Местное самоуправление следует рассматривать как фактор демократизации и построения правового государства в Казахстане. В этом плане особое значение имеют Конституция РК и основанное на нем законодательство. Они должны способствовать совершенствованию механизмов выражения волеизъявления населения.

Внутриполитическая стабильность, основанная на жестко централизованной власти, в долговременной перспективе может обернуться дестабилизацией политической системы. Для укрепления стабильности требуется демократизация политического режима через децентрализацию, развитие местного самоуправления и другие меры.

Очевидно, что каждое государство должно выбрать и разработать собственный план, модель децентрализации управления. Практика посткоммунистических стран показала, что единого для всех плана, рецепта децентрализации государственного управления не существует. Прежде чем приступить к децентрализации, необходимо провести тщательный анализ характерных для страны исторических, политических, культурных, экономических и иных условий. Без глубокого научного фундамента политика децентрализации не сможет достигнуть успеха.

Литература

1. Энциклопедический социологический словарь. Москва: РАН, 1995.
2. Политология: энциклопедический словарь. Москва; 1996, С. 68.
3. Морис Дюверже «Политические партии». Париж; 1990 С. 96 – 100.
4. Там же.
5. Там же.
6. Агентство по стратегическому планированию «Концепция децентрализации государственных функций в РК», проект Астана, 2000 С. 1.
7. Там же.
8. Махмутова М.М. Опыт стран Центральной и Восточной Европы. Доклад, 2001 С. 1–2.
9. Реформы в регионах: тенденции и перспективы. Алматы: ИРК, 1996 С. 3.
10. Чудаков М.Ф. Понятие местного самоуправления и управления // www.strategy.kz.
11. Там же.
12. Тадевосян Э.В. Словарь-справочник по социологии и политологии. Москва, 1996. С. 206.
13. Местное самоуправление в зарубежных странах. Москва, 1994. С. 5.

14. Там же. С. 6.

15. Назарбаев Н.А. Послание Президента страны народу Казахстана, Казахстанская правда, 1 октября 1998. С. 2.

16. Назарбаев Н.А. Стратегия «Казахстан – 2030» // Казахстанская правда, 11 октября 1997. С. 14.

17. Европейская хартия о местном самоуправлении. Страсбург. 1985. Ст. 4., п. 3. С. 2.

ПРОБЛЕМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНА

Казкенов К.М., Нукунов А.Н.

За 10 лет независимой жизни страна перетерпела радикальные изменения во всех без исключения сферах жизни. Последние месяцы развития страны высветили проблему государственного строительства страны, доселе не так сильно волновавшую широкую общественность. По мнению специалистов, одним из главных тормозов на этом пути является неспешность введения выборности акимов и местного самоуправления. Данная схема вполне соответствует общей концепции разделения власти: разграничению компетенции органов власти на основе эффективной системы сдержек и противовесов.

Данная проблема до недавнего времени не имела должного внимания со стороны казахстанского общества, но переход к капитализму, появление так называемых олигархов стали поводом для активного проявления интересов к проблеме децентрализации власти. Дело в том, и это историческая практика показывает, что бизнес-элиты, владеющие огромными финансовыми ресурсами, всегда старались и стараются защитить и преумножить их путем влияния на политику, а это возможно лишь в том случае, когда есть реальные рычаги управления, т.е. власть. Создаются новые политические партии и движения, которые активно выступают за скорейшее введение выборности акимов всех уровней. Это единственно возможный путь для бизнес-элиты попасть во власть, тем более что сейчас правительство во всю пытается «очистить» свои ряды от олигархов.

Ныне состояние таково, что реальные рычаги власти сконцентрированы в руках Президента и исполнительной ветви – Правительства. Конституционно провозгласив Президентскую республику, по существу государственные механизмы и рычаги управления страной перешли к Главе государства. Это можно объяснить тем, что в период перехода от одной политической системы к

другой проблемы требуют оперативного решения, которое может обеспечить лишь жестко организованная структура – Правительство, контролируемое Президентом. А представительная власть в этот период, по существу, показала свою неспособность адекватно реагировать на ситуацию в стране.

Говоря о парламенте, надо отметить, что у него на данный момент достаточно рычагов для того, чтобы отправить любого члена правительства в отставку и объявить Президенту импичмент. Другой разговор, что они не пользуются этим конституционным правом, а это означает, что деятельность Президента и Правительства удовлетворяет если не всех, то, по крайней мере, большинство парламентариев.

Таким образом, ясно, что в целом законодательная база Казахстана позволяет пресекать неправомерные действия со стороны исполнительной власти. Однако ясно и то, что представительная власть, особенно на местах, ограничена в сфере влияния на исполнительную ветвь по тем или иным вопросам. Исправление этого недостатка, которое должно идти в русле дальнейшего реформирования политической системы страны, со временем потребует определенных изменений в Основном законе.

Начало децентрализации власти положено, свидетельством чего является проведение экспериментальных выборов акимов аулов. Как отметил в своем выступлении на рабочем совещании акимов и членов правительства Н.А. Назарбаев: «Мы уже начали этот процесс, надо идти дальше. Сначала провести выборы акимов низового уровня в порядке эксперимента, а затем уже и в полном объеме» [1]. Также Глава государства, комментируя данное решение, говорит, что «...с этого момента начинается глубокая по своим масштабам реформа властной вертикали. Но постепенная, шаг за шагом проверяемая жизнью» [2]. В этом свете пози-

ции определенных политических сил, выступающих за немедленное введение выборов акимов всех уровней и местного самоуправления, выглядят неадекватными.

В первую очередь необходимо помнить, что, получив определенную независимость в применении рычагов управления регионом, органы муниципальной власти несут огромную ответственность за социальное положение на данной территории. Уровень благосостояния граждан является основной задачей муниципальных структур.

Получение определенной политической самостоятельности влечет за собой и экономическую самостоятельность, что довольно трудно осуществить, когда в стране большая часть регионов является дотационной. Поэтому предвзвешенно необходимо продумать приоритетную отрасль хозяйства, с помощью развития которой каждый регион мог бы обеспечить относительную самодостаточность и, второе, — интенсивная работа по развитию малого и среднего бизнеса. В этом отношении еще один момент — это вопрос бюджетной децентрализации. Как отмечает К.Шарипбаев: «Наряду с теми возможностями развития местного самоуправления, которые связаны с финансово-экономической базой, следует обратить внимание на необходимость децентрализации власти и бюджетной децентрализации (разделение бюджетов всех уровней)[3].

Другой очень важной задачей является создание эффективной и устойчивой системы взаимоотношения между центром и регионами, между органами местной власти. Необходимо выстроить такую систему разграничения компетенции, которая обеспечивала бы органам самоуправления самостоятельное управление в вопросах местного характера (местный бюджет, налоги, хозяйственные вопросы и т.п.), но в то же время четкий контроль со стороны центра, касательно вопросов общенационального масштаба (безопасность, целостность и т.п.). Следить за правомочностью действий структур власти — компетенция специальных правоохранительных органов. Контроль со стороны населения, избравшего органы власти, за их деятельностью должен осуществляться с помощью определенных механизмов, посредством которых избиратели могут отозвать свой голос. К примеру, в Японии избиратели, недовольные управлением выборного муниципального главы, посредством петиции о недоверии могут отозвать полномочия, наделяющие его властью, собрав определенное количество подписей.

Концептуально самоуправление предполагает самостоятельный выбор целей и путей их достижения самоуправляющимися структурами при сохранении взаимодействия со сменными и иерархически иными структурами. При отсутствии такого взаимодействия, достигаемого согласованием и соподчинением целей разных общественных структур и компонентов, самоуправление может привести к нарастанию хаотических тенденций, деформации и распаду общественной системы на относительно автономные элементы.

Необходимо помнить, что Казахстан является унитарным государством. Предложения определенных политических сил по децентрализации власти, изложенные в политической платформе, содержат тенденцию, которая неизбежно приведет к преобразованию страны в федеративную. Говоря о выборности акимов всех уровней, на наш взгляд, они забывают о сохранении целостности страны. Думаю, будет излишне напоминать о том, что геополитическое расположение Казахстана и нестабильная ситуация на международной арене сами по себе предполагают осторожно подходить к проблеме децентрализации власти, самостоятельности регионов страны и в целом к вопросу политического преобразования. «Геополитическое расположение страны имеет важное значение для демократических преобразований. Нахождение «в зонах традиционных демократий» имеет существенное значение для ускорения политических реформ. В то же время сложное геополитическое положение может сдерживать процессы политической реформы»[4].

Нельзя не принимать во внимание и отдельные моменты сепаратистских проявлений.

Непонятны отдельные принципы уставной линии РСД «Лад», где обозначены такие моменты, как: «...Законодательное обеспечение русской национально-культурной автономии. Реабилитации казачества в Казахстане. Полного восстановления их прав следовать традиционному укладу жизни»[5].

Главная суть децентрализации власти должна заключаться не в получении независимости регионами, а в четком разграничении полномочий между органами центральной и региональной власти. Четкое разграничение полномочий необходимо закладывать в законодательные базы, регулирующие отношения между этими органами. Согласитесь, получив законным путем те или иные полномочия, региональные и местные органы власти имеют полное право действовать в этих рамках, нарушение или давление со стороны центра может

решаться через независимые судебные органы. В этом отношении особую значимость приобретает судебная система, независимость которой имеет принципиальное значение для эффективного функционирования концепции децентрализации власти. Таким образом, эффективность данной системы может обуславливать всесторонне обдуманная законодательная база, содержащая четкие механизмы сдержек и противовесов.

Обращаясь к теории данного вопроса, надо сказать, что мировая практика местного управления различает две модели государственного устройства: англосаксонскую и континентальную. Первая модель, свойственная федеративным государствам, где центром сознательно ограничиваются сферы своего влияния (США). Вторая модель, свойственная унитарным государствам, предполагает сочетание прямого государственного управления на местах и местного самоуправления (Франция).

Надо ли думать, что мы можем перенять вторую, континентальную, модель для нашего государственного устройства? Наверное, нет. Обе эти модели свойственны западным странам, народы которых традиционно являются носителями ценностей либерализма, предполагающие ставить во главу угла интересы отдельного индивида. Казахстан же издревле, на основе своего географического расположения, является носителем ценностей, сочетающим в себе как восточную традиционность, где на первый план ставятся родовые интересы, коллективизм, так и свободолюбие в западном понимании, и в этом заключается его уникальность. Поэтому, не отрекаясь от позитивных моментов западных моделей государственного устройства, нам необходимо выстроить собственную схему, учитывающую местную специфику политической культуры, менталитет, традиции народа и, в конце концов, геополитическое расположение государства.

На основе вышеизложенного, на наш взгляд, наиболее оптимальным, по крайней мере, на данном этапе развития является введение местного самоуправления на уровне населенного пункта — в местах компактного проживания людей, а на административно-территориальном уровне оставить «назначаемость». То есть акимы конкретного населенного пункта и органы местного самоуправления должны избираться. Их необходимо законодательно наделить полномочиями, посредством которых они могли бы самостоятельно решать проблемы местного характера.

Акимов же районов и областей необходимо назначать, они проводят государственную линию в регионе. При этом, как уже говорилось, необходимо четкое законодательное разграничение полномочий между органами власти населенного пункта и административно-территориальной единицы.

Также необходимо четкое разграничение полномочий между органом местного самоуправления и акимом населенного пункта, который по закону «О местном государственном управлении в РК», являясь представителем Президента и Правительства, должен проводить на местах политику Правительства. Здесь также следует разобраться, избранный аким представляет народ, который его избрал, или исполнительную вертикаль, о которой выше говорилось.

Также при введении местного самоуправления необходимо учитывать особенности отдельных регионов. «Органы местного самоуправления — органы власти народа на местах, а не иерархическая система. По этой причине уместны различия органов самоуправления, т.к. каждый регион имеет свои особенности»[6].

Опять же, говоря об особенностях регионов страны, важно учитывать специфику наших аулов, которые в основном опирались на скотоводчество. Особое внимание требуют уровень образования и проблема возрождения культурных центров в сельской местности, что, на наш взгляд, является одним из важных условий эффективного политического развития. «Задача государственной власти — создание необходимых условий, всемерное содействие подлинному по смыслу и содержанию культурному возрождению»[7].

Главным гарантом демократичного и объективного проведения выборов, в первую очередь, должны служить ответственность и компетентность гражданина. Ответственность зависит от развитости в целом культуры, в частности политической культуры избирателя, потому необходима эффективная работа по культурному возрождению, развитию духовно-нравственных ценностей общества. Компетентность избирателя требует проведения различных семинаров в регионах по разъяснению демократических принципов общества и в целом развитости системы образования.

На процесс электорального поведения также огромное влияние оказывает геополитическое расположение как конкретного избирательного участка, так и в целом страны. В более подверженных восточным традициям южных

регионах страны электоральное поведение заметно отличается от своих северных соотечественников. Если брать более масштабно, то, к примеру, в России, расположенной более близко к странам с традиционным демократическим развитием, темпы демократизации, по признанию специалистов, более ритмичны, чем у его южных соседей. Казахстан же преимущественно окружает страны с традиционной формой развития, поэтому темпы демократизации могут заметно сбавляться. Однако в этом отношении инициированный Главой государства Н.А.Назарбаевым переезд столицы из южной, более подверженной к традиционности, Алматы в северную Астану является ярким показателем приверженности Казахстана двигаться по пути демократии.

Несомненно, введение местного самоуправления и выборности акимов – это большой толчок для политической активизации граждан страны, что, уверенны, станет основой трудноформирующегося гражданского общества. С другой стороны, только четкая гражданская позиция и ответственность людей могут гарантировать, что во властные органы попадут достойные люди с реальной программой развития региона.

В этом плане большую роль должны сыграть представители третьего сектора, т.е. политические партии и общественные движения, путем активизации своей деятельности в обществе и непосредственного включения в реформирование политической системы.

Реальное воплощение в жизнь концепции децентрализации власти требует не только обеспечения законодательной базы, но вместе с тем и наличия ряда других не менее важных факторов. Повышение общественной активности, формирование демократической политической культуры, следствием чего должна явиться четкая гражданская позиция у каждого члена нашего общества как по тем или иным программам, предлагаемым различными политическими организациями, так и по выбору кандидатов в местные руководящие органы. Продвижение данного вопроса с помощью только государственных структур не даст нужного результата. В этом отношении важную роль должны сыграть общественные организации, в первую очередь, политические партии.

Известно, что в странах с демократическим направлением развития важное место занимают политические партии, играющие

роль «связующего моста» между государством и обществом.

Понятно, что предусмотренные Конституцией и другими законами механизмы сдержек и противовесов, регулирующие отношения между ветвями власти, недостаточно эффективны.

В связи с этим встает необходимость развития и структуризации партийной системы республики. Можно предположить, что уровень эффективности децентрализации власти гораздо больше зависит от степени развития партийной системы, чем от установленных законом норм. Известно, что однопартийная система приводит к значительной концентрации власти, несмотря на официальные записи, в которых установлены нормы, разделяющие полномочия властных органов. Ярким примером этому служит политическая система бывшего СССР, где официально в Конституции провозглашалось разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, но фактически вся власть концентрировалась в руках ЦК КПСС. Следовательно, плюрализм политических партий должен стать главным стержнем в эффективном взаимодействии ветвей власти.

Проблема партийного строительства, институализация партийной системы являются основной проблемой, камнем преткновения для совершенствования в целом политической системы и, в частности, системы разделения власти Казахстана.

Говоря опять же о Парламенте Казахстана как о слабом звене в системе ветвей власти, опять же нужно подчеркнуть, что это является результатом как слабости партийных фракций, так и выдвигающих их партий.

Парламент является высшим представительным органом, где должны быть представлены все слои (слои) общества, которые могли бы здесь отстаивать свои интересы. А у каждой партии должен быть свой электоральный рынок, т.е. определенные социальные группы, являющиеся социальной базой – избирателями, интересы которых она должна лоббировать. Однако ныне многие казахстанские партии не имеют своих конкретных избирателей. Из этой массы, на мой взгляд, можно выделить лишь несколько партий. Партия социал-демократической направленности «Отан» в основном опирается на формирующийся средний класс – работники бюджетных организаций, частных предприятий, мелких и средних бизнес-структур. «Гражданская партия» делает основной упор на работников крупных финансово-про-

мышленных организаций. Основной базой Коммунистов являются пенсионеры и безработные. «Аграрная партия» в основном лоббирует интересы сельского хозяйства. Оппозиционная «Объединенная демократическая партия» имеет поддержку со стороны недовольных деятельностью властных структур, которые выступают за радикальные изменения в государстве. Можно предположить, что недавно созданная партия «Ак Жол» будет представлять интересы так называемых олигархических групп и встанет на позицию конструктивной оппозиции.

Последние события, происходящие в стране, активизировали деятельность политических организаций. На общественно-политической арене страны происходит расстановка политических сил, о чем свидетельствует инициатива партии «Отан» о создании Альянса центристских сил Казахстана.

В целом период пустого популизма закончился, начался новый этап политического развития страны, где они конкретно определяются в своих мировоззренческих взглядах, занимают те или иные идейно-политические позиции.

Думается, что увеличение мест в Мажилисе по партийным спискам даст большой толчок для активизации партий и укрепления позиции законодательной ветви в системе государственной власти, так как степень влияния Парламента на общегосударственную политику в целом зависит от представительства в нем «сильных» партий с реальным электоратом.

Также огромная роль партии заключается в разделении власти по вертикали при выборности местных органов власти. Каждая партия, протолкнув своих членов в структуру местных органов власти, тем самым создает эффективный механизм сдержек и противовесов, баланса и контроля в их взаимодействии.

В нашем случае сильноорганизованные партии, которые имеют представительства на местах, активно участвуя на выборах в местные органы государственной власти и самоуправления, могут поднять политическую активность жителей региона и тем самым дать им возможность влияния на решение своих проблем. В этом смысле правильно отмечает Д.Бирд, который в качестве одного из преимуществ децентрализации назвал глубокое вов-

лечение граждан в процесс управления, что, по его мнению, «одновременно способствует обучению граждан и вызывает у граждан чувство собственного достоинства и преданности государственной политике и решениям, в принятие которых они внесли свою лепту»[8].

Таким образом, основными необходимыми условиями эффективной реализации концепции децентрализации власти, на наш взгляд, являются:

- всесторонне обдуманная законодательная база, содержащая четкие механизмы сдержек и противовесов во взаимодействиях органов власти;
- развитие системы образования и культурное возрождение;
- формирование соответствующей демократической политической культуры;
- развитость партийной системы;
- социально-экономическое положение регионов.

Ясно, что децентрализация власти является важной составляющей дальнейшего реформирования политической системы по пути демократии. В стратегии развития «Казахстан – 2030» Главой государства Н.А.Назарбаевым отмечено: «Децентрализация власти и передача полномочий на более низкие уровни, непосредственно соприкасающиеся с объектами их усилий, столь очевидны, что центральные и иные государственные органы в последующем будут вынуждены постоянно доказывать на деле свою нужность и полезность»[9]. В целом же процесс реального внедрения децентрализации власти начался. Первым шагом на этом пути является проведение экспериментальных выборов акимов аулов. Также известно, что Правительством страны готовится концепция по децентрализации власти. Важно, чтобы в этом процессе были задействованы все общественно-политические силы, учитывались мнения населения регионов страны.

В свою очередь считаем, что решение данного вопроса должно проходить поэтапно, эволюционным путем, не нарушая баланса в обществе, и не носить дестабилизирующий характер, а наоборот, служить дальнейшему укреплению независимости Казахстана, следовательно, целостности, стабильности и процветанию страны.

Литература

1. Правительственный вестник. 2001. - №4 – С. 48.
2. Там же.

3. Шарилбаев К.К. Местное самоуправление в Республике Казахстан: современное состояние и перспективы развития // Казахстан-Спектр, 2001г. №2 – С. 69.
4. Ашимбаев М.С. Мировой опыт политического транзита: сходство и различие моделей // Казахстан-Спектр, 2001г. №2 – С. 85.
5. Постановление отчетно-выборной конференции РСД «Лад». Газета «ЛАД», 2000 г. №2.
6. Таранов А.А. Муниципальное право Республики Казахстан. Часть общая. Алматы. «Баспа», 1999 – С. 38.
7. Тасмагамбетов И.Н. Социально-политическое обновление Казахстана тенденции и приоритеты. Алматы, Институт развития Казахстана, 1996 – С. 144.
8. Бирд Д. Политические преимущества децентрализации: опыт США // Муниципальное управление. Информационный бюллетень. 1999. Вып. №12. – С.9.
9. Назарбаев Н.А. Казахстан-2030. Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев: Послание Президента страны народу Казахстана. – Алматы: «Стедо», 1999 – С. 58.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ «ЭТНОПОЛИТИКА» И «НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА»

Серажиева С.Х.

После распада Советского Союза многие вновь образовавшиеся государства принялись строить свою независимость со своими законами и стремлением жить по своим правилам. Никто не отрицает, что каждый волен выбирать свой путь развития, но в одном были схожи цели данных субъектов политики, они хотели построить свою государственность, нашедшую отражение в таком термине, как «нация-государство». В чем заключается основной смысл данного образования, какими чертами должно обладать такое государство и что в конечном итоге мы должны понимать под категорией «нация». Разные трактовки привели к тому, что нацию стали отождествлять с этносом, а само понятие «нация-государство» стало носить негативный оттенок, потому как ассоциировалось с национализмом в негативном его проявлении.

Проблемы возникли и в политической сфере, а именно стерлись границы между национальной политикой и этнополитикой, вследствие чего роль национальной политики значительно снизилась и стала находиться в рамках этнополитики. Поэтому следует заострить внимание на проблеме толкования таких терминов, как «нация», «этнос», «национальная политика», «этнополитика».

Этнос и нация. В чем схожесть и в чем различие? Можно ли использовать эти понятия как синонимы друг друга?

В казахстанской политологической энциклопедии **этнос** (от греч. *ethnos* – народ, племя, группа людей, толпа, стая) определяется как естественно исторически сформировавшаяся

устойчивая общность людей. В отличие от термина «демос», что переводится тоже «народ», термин **этнос** означал народ данного места. Эквивалентом данного термина в русском языке, как правило, считался термин «народ». К нашему времени понятие «народ» получило, в дополнение к первичному значению, определенный социально-политический смысл и прямого совпадения между этими понятиями нет. Разными исследователями предлагаются разные дефиниции этноса. И все же, стержневыми условиями возникновения этноса казахстанскими политологами считаются: общность языка, общность территории, общность истории, общность экономики, общность духовной и материальной культуры, самосознания, менталитета, религии, психологии, демографии. Данные признаки воссоздаются в этническом самосознании народа, в котором он осознает свое единство, главным образом общность происхождения и тем самым – этническое родство.

В этом же источнике была определена структура этноса:

- **этническое ядро** – компактно живущая на определенной территории основная часть этноса;

- **этническая периферия** – отдельные группы (представителей) данного этноса, отделенных от основной части; **этническая диаспора** – отдельной части (группы) этноса, рассеянной по территориям, которые занимают другие этносы. Некоторые этносы могут подразделяться на субэтносы [1].

Сама категория «этнос» является непреложной категорией для исторической науки, объек-

тивная и фундаментальная, так как этнос – категория не социальная, а скорее природная. Каждый из нас принадлежит к определенному этносу, причем только к одному, что никак не разрушается заключением смешанных браков. Так, например, дети от смешанных браков все равно воспринимают себя представителями этноса одного из родителей. Этнос, по мнению русского ученого А.Ю.Каркмазова как и любой живой организм рождается и умирает, он смертен в силу природных условий и проходит родственные с организмом фазы развития. Следует учитывать и тот фактор, что этнос существует до тех пор, пока сохраняется внутриэтническая солидарность. Ослабление ее приводит к распаду этноса, т.е. его смерти. Люди, составляющие распавшийся этнос, разумеется, при этом не умирают, а в качестве лишенной этнической принадлежности сущности становятся участниками формирования других этносов. Необходимо помнить и то, что упразднение, расчленение, трансформация государства, замена одного государства другим или многими ведут к определенной трансформации, но не гибели общества и вообще не сказываются на существовании этноса. Но утрата внутриэтнической солидарности и гибель этноса непреложно приводят к гибели общества и государства. Зависимость существует только в этом направлении. «Когда не стало Рима, Рим прекратил свое существование» [2].

Известный российский ученый Л.Н.Гумилев определял этнос, опираясь на стереотипы поведения. По его мнению, этнос – это естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как система, которая противопоставляет себя другим подобным системам, исходя не из сознательного расчета, а из подсознательного ощущения взаимной общности, определяющего противопоставление «мы – они» и деление на своих и чужих. Итак, этнос понимается как система. Противопоставление «мы – они», данное членам этноса в рефлексии, служит индикатором для определения этнической принадлежности, а тем самым и особым типом системообразующей связи [3].

Ранее системообразующую связь разглядел и французский ученый Ж.Ж.Руссо, он писал: «Что есть общего в различных частных интересах, то и образует общественную связь, и если бы не было такого пункта, в котором бы сходились все интересы, то никакое общество не могло бы существовать». Объединиться в этнос нельзя, так как принадлежность к тому или другому этносу воспринимается самим

субъектом непосредственно, а окружающими констатируется как факт. Следовательно, в основе этнической принадлежности лежит ощущение, на которое в своей теории опирался и Гумилев. Гумилевскому стереотипу поведения соответствуют специфические правила, стандарты поведения, передаваемые потомству путем научения. «Отличие от чужих» тем самым очерчивает самое глубокое, очерчивает свое. Это «свое» уже подсознательное. Это «свое» пришло из тысячелетий; являлось в течение очень долгого времени выразительным приказом, сознательным обычаем. Тем временем оно есть то, что всасывается с молоком матери от предков [4].

Современный российский ученый В.А. Тишков определяет принадлежность к этносу через культурную самоидентификацию – «Это общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям, с которыми она находится в фундаментальных связях». Это суждение появилось вследствие выработки следующих умозаключений, касающихся определения понятия «этнос»:

1) «существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собою социальные конструкции...»;

2) «границы общностей... являются подвижными и изменяющимися понятиями не только в историко-временном, но и в ситуативном планах, что делает существование этнической общности реальностью отношений, а не реальностью набора объективных признаков» [5].

Обратимся к понятию «нация», это необходимо для того, чтобы ясно представить себе, на каком уровне общественной иерархии находится этнос и на каком уровне находится нация, что естественно определит их специфические признаки относительно друг друга.

Понятие «нации» многозначно, и это накладывает отпечаток на все прочие производные термины, такие, как национальная политика, национальные интересы, национальные отношения и т.д., и дело даже не в термине, а в контекстах его интерпретаций, в установлении промежуточных звеньев между теоретическим дискурсом и политическим действием и в смене одного термина на иной – в данном случае «нации» на «этнос». Тишков также в своей работе «Очерки теории и политики этничности в России» отмечал, что не только нация, но и этничность в значительной мере есть результат государственной политики. Но все же стоит делать акцент на многообразии как нацио-

нальных, так и этнических общностей, для того чтобы учитывать интересы каждой из участвующих сторон при осуществлении государственной политики, а для этого необходимо использовать различные виды социологического анализа каждой конкретной ситуации, связанной с этнонациональной динамикой. «При Советском Союзе «нация» – пишет он, – определялась как высшая форма этнической общности, а национальная государственность представлялась только как интернациональная, причем государственная идеология запрещала использование «понятий народа и нации как...многокультурных обществ» [6].

На данный момент основной характеристикой современной «нации», в особенности на Западе, стал мультикультурализм и полиэтничность. Но все же, главное в существовании нации – это ее самосознание, то есть осознание народом самого себя как некоторой общности, отличающейся от других, которое строится в большей мере не только на восприятии собственного народа или собственного национального бытия, а способности сравнивать себя с другими нациями, эта характеристика во многом схожа с одним из признаков этноса.

Определение нации должно происходить не как результат применения каких-либо научных индикаторов, а как способность определения общностью некоторого совокупного «Мы», способностью отличать себя от «Них» – других сообществ, в данном случае «Мы – Они» используется в качестве политического критерия, в соответствии с теорией К.Шмитта [7].

Сложность в определении понятия «нации» заключается еще и в том, что сам термин «нация» сохраняется не только в качестве самого предмета теоретического дискурса, но и в сложившейся повседневности. Конечно, многие теоретики могут прийти к выводу, что само понятие «нация» «изжило себя» и сейчас наиболее актуально применение категории «этнос», но они будут не правы, задача теории на данный момент и состоит в том, чтобы раскрыть многообразные смыслы «нации».

«Нация» также может быть определена как культурно-специфическая часть человечества, открытая для взаимодействия с иными составляющими его частями. В соответствии с этим всякая нация должна рассматриваться в контексте общечеловеческого существования и интересы нации надо определять не как причины для конфронтации с иными сообщества-

ми, а в качестве варианта общечеловеческих интересов. Нация или любое национально-этническое сообщество определяется через призму его культурного развития, через уникальность традиций, что представляет сейчас ценность в период всемирной глобализации.

Изучение нации только в свете исторического прошлого не отвечает современным требованиям. Но не стоит забывать того, что каждая нация имеет свой исторический опыт в восприятии других национальных сообществ, это имеет довольно простые корни, все национально-этнические общности, населяющие землю, знают о существовании друг друга и вступают друг с другом в различные отношения. Принадлежность к нации ощущается не только через определение принадлежности через некоторое «Мы», противостоящим некоторому «Они», а тем, что у каждой национально-этнической группы имеется свой, устоявшийся со временем, круг национальных или этнических сообществ с которыми постоянно идет культурное и психологическое сопоставление, что и составляет содержание национального самосознания. Здесь же строится определенная собственная иерархия значимых «других» национально-этнических групп [8].

С течением времени национальное самосознание и чувство этнической принадлежности преобразуются, сохраняя базовый образ «других наций», фиксированный в определенных стереотипах.

Так П.А.Сорокин в революционные годы подверг критике ряд определений «нации». Свою критику он начинает с расовой и биологической точки зрения на этническое начало. «Достаточно сказать, – пишет Сорокин, – что теория чистых рас оказалась мифом; их нет, как нет, например, и специально немецкой или английской крови... В мире же людей указываемый признак единства крови и единства расы как критерий национальности решительно не годен» [9].

П.А.Сорокин возражает также и против определения нации через язык и обращает внимание на неопределенность языка в сравнении с говорами и наречиями, равно как и на известные факты национальных различий при общности языка (англичане и американцы). Он выступает также против определений нации и через национальные интересы, «через осознание своей принадлежности к определенному политическому телу». Он высказывает вполне обоснованное сомнение в том, что «нация» есть некое сообщество, которое «дей-

ствует в одном направлении и преследует одни цели» [10].

В настоящее время понятие «нация» носит скорее политический оттенок, нежели научный. Понятие «нация» в мировой политической лексике употребляется в смысле «нации-государства». В большинстве случаев становление нации предполагает становление новой общности, объединяющим параметром которой будет проживание на территории одной страны, и где главным образующим фактором должно стать повышенное чувство патриотизма. Но реальность другая: каждый человек стремится к идентификации себя с определенной общностью, каковой выступает нация-этнос. Хотя принадлежность к той или иной нации в реальной жизни означает неравенство в исходных жизненных шансах и доступе к социальным ресурсам. Если бы не было деления по этническим группам, была бы возможность приблизиться к идее равенства гражданских прав и все были бы только гражданами определенного государственного образования. Нация – не извечная данность, а определенная социальная конструкция, «совокупность общественных отношений» [11].

Таким образом, понятие «нация» не должно приравниваться к понятию «этноса», а должно находиться на более высоком уровне в иерархии понятий «племя», «народ», «этнос», «нация». Как можно заметить, во многом признаки нации совпадают с признаками этноса. Но все же составляющими нации является не единство языка и единство культуры, а их многообразие. Это происходит вследствие того, что этнос является составляющим элементом нации. И в становлении нации принимают участие не единичные этносы, поэтому следует оговориться о том, что правы и те, кто при указывании свойств нации невольно переходят на свойства этноса, и те, кто отделяют этнос от нации. Просто нация есть высшая точка развития, является продуктом государственности, в отличие от этносов, которые порождают государство.

Мы не зря обратились к понятиям «нация» и «этнос», так как для развития этносов и становления нации государство осуществляет определенную политику по отношению к данным объектам, трудность заключается в том, чтобы разграничить два вида проводимой политики, а именно этнополитики и национальной политики.

Что же такое «политика»? Политика есть участие во властных отношениях или стрем-

ление к распределению или влиянию на распределение власти. Как отмечал немецкий мыслитель М.Вебер, «кто занимается политикой, тот стремится к власти как к средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти «ради нее самой», чтобы наслаждаться чувством престижа, которое оно дает». Политика своей целью имеет не только обоснование, защиту и обеспечение позиций конкретной социально-политической группы, сословия, класса, партии, государства, но и дискредитацию, подрыв позиций их противников. «В политическом конфликте, который с самого начала является рационализированной формой борьбы за социальное господство, – продолжал в свою очередь немецкий философ и социолог К.Манхейм, – удар направляется против социального статуса оппонента, его общественного престижа и уверенности в себе» [12].

Поэтому политику можно представить как постоянную борьбу за власть представителей различных социально-политических групп за право единолично принимать решения, говорить и действовать от имени этих сил. Так как в политике речь идет, прежде всего, о власти, а власть является одним из главных ресурсов, которым располагает общество, одним из главных источников авторитета и влияния, что приводит к конфликтам и ожесточенным боям противостоящих сторон за владение данным ресурсом. Учитывая этот аспект, К.Манхейм также отмечает, что политика «все более идет к тому, чтобы стать борьбой не на жизнь, а на смерть. Чем ожесточеннее становилась эта борьба, тем более она захватывала те эмоциональные глубинные пласты, которые прежде оказывались неосознанными, хотя весьма интенсивными, и насильственно вовлекались в сферу осознанного» [13].

Такое определение политики было актуально при становлении государственности, но при усовершенствовании государственной системы изменились и функции политики, сейчас они представляются в следующем виде, это:

- выражение властно значимых интересов групп и слоев общества;
- интеграция различных слоев населения;
- поддержание целостности общественной системы, стабильности и порядка;
- обеспечение преемственности и инновационности социального развития;

- управление и руководство общественными процессами в интересах тех или иных групп или социума в целом;

- социализация личности [14].

С момента изменения функций политики ее начинают определять как «деятельность, посредством которой приходят к решениям, осуществляемым в рамках общества и для него» (Ж.Блондель). Дж.Сартори определяет сущность политики как «сферу суверенных «коллективных решений», санкционируемых в принудительном порядке и не допускающих уклонения от их осуществления [15]. Сегодня понятие политики потеряло свою изначальную суть благодаря тому, что основная деятельность государства направляется все же не на передел власти (хотя это все-таки лежит в основании), а на удовлетворение потребностей граждан, и сама политика стала трактоваться как определенная стратегия принятия решения по тому или иному вопросу.

Общезвестно и то, что люди, живущие вместе, могут иметь и преследовать разные цели и предпринимать различные шаги по достижению этих целей, отсюда и вытекает конфликт. Но люди объединяются, чтобы жить вместе, и основная задача гражданского общества обеспечить это единство, единство между различными социально-политическими, социокультурными или иными силами и интересами, и направить противоборствующие силы в одно созидательное русло.

Для эффективного функционирования государственности этнополитика и национальная политика должны способствовать определению политики как стратегии нахождения путей и средств разрешения возникающих в человеческом обществе конфликтов и возможности примирения друг с другом конфликтующих сторон всех членов сообщества. Об этом еще говорил С.Л.Франк. «Политика, – писал он, – есть лечение (гигиеническое, терапевтическое, в безвыходных случаях – хирургическое) общества, или его воспитание, создание условий и отношений, наиболее приемлемых для развития его внутренних творческих сил» [16].

Национальная политика есть всесторонне обоснованная система мер, осуществляемых государством в сфере национальных отношений, направленная на реализацию национальных интересов и разрешение национальных противоречий [17]. Это составная часть политики государства, политических партий, организаций и объединений, ука-

зывающая стратегический курс в этническом (национальном) вопросе, в развитии межэтнических отношений, в культурно-языковом развитии этносов (т.е. всей нации государства) и, как правило, нашедшая закрепление в специальных национальных программах и соответствующих разделах конституции государства.

Национальная политика различается по целям, содержанию, направленности, формам и методам осуществления и конечным результатам.

Целью национальной политики могут быть национальная консолидация; межэтническая интеграция; сближение наций или национальное обособление; отстаивание этнической «чистоты»; защита нации от влияния инонациональных факторов; достижение национального суверенитета и т.д. Основной же целью национальной политики являются обеспечение прав и свобод граждан независимо от их национальной (в данном случае этнической) принадлежности, формирование цивилизованных форм межнационального общения и мирных способов разрешения конфликтных ситуаций, совершенствование механизма научного управления этническими процессами в стране.

Национальная политика в сложных современных условиях основывается на следующих научно обоснованных принципах.

Первый принцип – научный анализ и творческое осмысление осуществления национальной политики в нашей стране и за рубежом. Основные положения национальной политики – равноправие народов, взаимовыгодное сотрудничество, взаимное уважение интересов и ценностей всех народов, непримиримость к шовинизму и т.д.

Второй принцип – стабильность территориальных границ национально-государственных образований.

Третий принцип – учет взаимосвязи и взаимодействия реформ в этнополитической, политической, духовной и национальной сферах. Основой национальных отношений являются нормально функционирующие: экономика и потребительский рынок, денежное обращение, сбалансированный межгосударственный обмен.

Четвертый принцип – целостность национальной политики, учет взаимосвязи всех ее компонентов. Развитие рыночных отношений, изменения в хозяйствовании и оплате труда, в кадровой политике, в духовной жизни, в работе средств массовой информации

должны быть направлены на уважение чести и достоинства каждого человека.

Пятый принцип – оказание помощи малочисленным народам в развитии их экономики, культуры, в сохранении среды обитания.

Шестой принцип – формирование этики межнациональных отношений, исключение всех форм насилия, несправедливости. Недостаток нашей прежней национальной политики заключается в том, что задачи в ней выдвигались без глубокого анализа противоречий, без учета материальных условий для их решения, противоречия решались непоследовательно, несвоевременно и формально [18].

По содержанию национальная политика различается как гуманистическая или антигуманная, интернациональная или националистическая, великодержавно-шовинистическая. По направленности национальную политику выделяют демократическую, миротворческую, созидательную, прогрессивную либо тоталитарную, разрушительную, реакционную и др.

Среди принципов, форм и методов осуществления национальной политики отмечают толерантность, уважительное отношение к народам и этническим группам и дискриминацию, насилие, подавление, репрессии, следование принципу «разделяй и властвуй». Результатами национальной политики могут быть: согласие, единение, сотрудничество, дружба и их противоположности, напряженность, конфронтационность, недоверие, неприязнь.

Структурно национальная политика состоит из разных временных и пространственных элементов, этапов реализации, приоритетов. В ней выражены стратегии, рассчитанные на длительный период, цели и задачи, требующие концептуального подхода, программного планирования, а также ближайшие задачи. В таком случае она является частью долговременной политики, вытекает из нее, регулируя конкретные межнациональные отношения, порожденные жизнью, возникшие в ходе текущих событий. Разрабатывается, исходя из особенностей страны, уровня ее социально-экономического развития. Политика по отношению к этносам должна быть сопряжена с экономической, социальной, культурно-образовательной, демографической и другими видами государственной политики, в комплексе с которыми и может быть реализована национальная политика.

Необходимым условием действенной, эффективной национальной политики является ее научность, что предполагает строгий учет закономерностей и тенденций развития наций и национальных отношений [19].

Теперь рассмотрим, что же представляет собой «этнополитика». С точки зрения российского исследователя В.И.Даниленко, «это политика внутри государства по отношению к национальным меньшинствам» [20].

В то же время в американской политологии «этнополитика» предполагает этническую группу, имеющую определенные политические цели. Так, например, американский исследователь П.Ван ден Берг считает, что главное в этнополитике – взаимоотношения государства с этническими группами. И здесь он считает главным вопрос о власти. «Таким образом, этническая политика является приложением власти, особенно государственной власти, к группам, определенным и дифференцируемым этнически или антропологически (по расовым признакам)» [21].

В рамках западной этнополитики выделяют ряд специальных отраслей знания – этнополитическую психологию, этнополитическую конфликтологию и т.д. Этническая проблематика есть общий объект исследования для этнополитологии и этнологии. Так, первые целенаправленные этнополитические исследования были проведены в 60-х гг. в США и имели целью установление взаимосвязи между этнической принадлежностью и политическими приоритетами людей. Начиная с 70-х гг. исследования такого рода стали все более ориентированными на выделение социальной основы национальных процессов. В начале 80-х гг. американский исследователь Р.Рокетт связывал формирование предметной области этнополитологии с процессом изучения этноспецифических групповых черт меньшинств, таких, в частности, как стремление к единству и общее самосознание. При этом, как отметил профессор Колумбийского университета Дж.Ротшильд, внимание исследователей никогда не было сосредоточено только на этнической идентичности или этнокультурных ценностях самих по себе, но, прежде всего, на их возможной политизации, проявляющейся в виде столкновений и конфликтов. Таким образом, в центре внимания этнополитологии находится политическое измерение этничности. Одним из конкретных проявлений данного измерения выступают составляющие основу этнической политики отношения

между государством и проживающими на его территории этнически определяемыми группами людей, преследующими определенные политические цели. Выделение субъектов этнической политики с присущими им определенными интересами сопряжено в этнополитологии с выработкой системы научных представлений о доступе этнических общностей к власти и материальным благам. Помимо этого, объектом изучения этнополитологии является роль этничности как политического фактора во взаимоотношениях между различными этническими общностями внутри многонациональных государств, а также в межгосударственных отношениях. По мере формирования в западной политологии общей теории этнической политики особое внимание стало уделяться проблемам причинности этнических движений, решение которых могло бы стать основой научного прогнозирования развития межэтнических

взаимодействий в мире. В процессе определения субъектов этнической политики постоянно обнаруживается потребность в совершенствовании ранее принятого терминологического аппарата, недостаточно полно учитывающего сложность и многообразие постоянно развивающихся этнополитических ситуаций. В частности, требуется уточнение таких основополагающих понятий этнополитологии, как «национализм» или «этничность» [22].

Из вышеизложенного следует, что этнополитика является инициативой населения и отражает его интересы, а национальная политика отражает, прежде всего, интересы государства. Таким образом, этнополитика имеет более узкий объект своего воздействия, нежели национальная политика. И в соответствии с этим этнополитика является неотъемлемой частью национальной политики и не должна отделяться от нее.

Литература

1. Казахстанская политологическая энциклопедия. Гл. ред. Т.Т.Мустафин. Алматы: КазГУ. 1998. 447 с. – С. 396.
2. Каркмазов А.Ю. и др. Политология в терминах и понятиях. Ставрополь, 1994. 326 с. – С. 248.
3. Здравомыслов А.Г. «Священность» этноса или релятивизм национальной конструкции? Размышления о книге В.А.Титшкова «Очерки теории и политики этничности в России». М.: Русский мир, 1997. 226 с. – С. 42.
4. Там же, С. 44.
5. Там же, С. 52.
6. Там же, С. 57.
7. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. – М.: NOTA BENE, 2000. 1024 с. – С. 505.
8. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1997. – С. 83.
9. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М.: Изд-во политической литературы, 1992. 540 с. – С. 248.
10. Там же, С. 249.
11. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1997. – С. 143.
12. Гаджиев К.С. Политическая философия/ Отд-ние экон. РАН; науч.-ред. совет изд-ва «Экономика». М.: ОАО «Издательство «экономика», 1999. 606 с. – С. 213.
13. Там же, С. 213.
14. Альбом схем по социологии и политологии. – М.: МЮИ МВД России, Издательство «Щит-М», 2001. 126 с. – С. 78.
15. Даниленко В.И. Современный политологический словарь. – М.: NOTA BENE, 2000. – С. 637, 639.
16. Там же, С. 638.
17. Казахстанская политологическая энциклопедия. Гл. ред. Т.Т. Мустафин. Алматы: КазГУ. 1998. – С.206.
18. Политология: краткий энциклопедический словарь-справочник. М., «Зевс». 1997. 334 с. – С. 243.
19. Каркмазов А.Ю. и др. Политология в терминах и понятиях. Ставрополь, 1994. – С. 295.
20. Там же, С. 248.
21. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М.: Аспект-пресс, 1997. – С. 97.
22. Аверьянов Ю.И. Политология: энциклопедический словарь. М., «Москоммерс». 1993. 356 С. – 125.
23. Там же, С. 215.

КОНЦЕПЦИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА И ПРИОРИТЕТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Абишев А.А.

Общество, стремящееся в своем движении к качественно новому состоянию, остро нуждается в целостной концепции развития. Именно она позволяет ясно видеть вектор эволюции общественных процессов и тем самым служить основой для выработки правительством реалистичных и научно-обоснованных программ.

В этой связи весьма отрядным представляется происходящее постепенно осознание необходимости концептуального обеспечения проводимых в Казахстане рыночных преобразований. Вместе с тем реализация этой важной задачи предполагает фундаментальные знания о глубинных тенденциях развития современного общества как в масштабах национальной экономики, так и в глобальном плане.

Кардинальные реформы всей социально-экономической системы казахстанского общества происходят на фоне нарастающих процессов глобализации мировой экономики, стремительных технологических сдвигов и возникновением принципиально новых социально-экономических форм организации жизни общества. Поэтому без научного осмысления и отражения этих процессов на теоретическом уровне, позволяющим не только проникнуть во внутреннюю логическую связь целого, но и воспроизвести действительное движение социально-экономической системы в системе научных понятий, объективно невозможна разработка научно обоснованной концепции социально-экономического реформирования.

К сожалению, этот аспект оказался вне поля зрения большинства исследователей-экономистов, следствием чего явилось то, что отечественная теоретико-экономическая наука оказалась не готовой как к активному воздействию на протекающие в обществе и экономике процессы, так и к их более или менее целостному объяснению.

Реализация поставленной задачи требует обращения к таким наиболее фундаментальным и ключевым понятиям, пронизывающим всю систему социально-экономических отношений общества, как **производство** и **потребление**. К сожалению, понятия «производство» и «потребление» обычно представляются и обозначают самостоятельные и обособленные фазы экономической деятельности общества. И хотя в принятом пофазном строении экономики просматривается наличие определенной взаимосвязи между ними, вместе с тем это взаимодействие ограничивается рассмотрением их в виде изолированных и самостоятельных стадий экономической деятельности. В этом случае и сама связь производства и потребления представляется исключительно во внешнем отношении.

Однако производство и потребление не могут рассматриваться изолированно друг от друга. В реальной экономической жизни они представляют диалектическое единство. Обособленный же подход к рассмотрению каждой из этих сторон приводит в теории к далеко идущим выводам об определяющей или ведущей стороне, а на практике – к приоритетности развития той или иной сферы. Не отсюда ли берут свое начало существующие и по сей день догмы о примате производства или потребления, а также стоящие за ними идеологические установки и непримиримые экономические концепции?

За бесконечными дискуссиями о необходимости акцентировать внимание то ли на развитии производства, то ли на созидании по западному образцу «общества всеобщего потребления», забывается простая истина, что экономическая система общества – это не просто совокупность взаимосменяющих друг друга различных стадий или фаз, а их внутреннее тождественное единство. Одно

не существует без другого, что было замечено еще Ж.Б.Сэем и отражено им в знаменитом законе рынков.

Отмеченное положительное тождество производства и потребления является их внутренним отношением как единства противоположностей. Утверждаемое понимание диалектического единства производства и потребления крайне важно для осознания целостности социально-экономической системы.

В своем сущностном отношении производство и потребление находятся в процессе движения и реализации через опосредствование, а это уже есть отношение силы. Само опосредствование проявляется через: 1) отношение целого и частей (простая форма); 2) силы и ее проявления (вторая форма); 3) внутреннего и внешнего (высшая форма сущностного отношения).

Традиционно в экономической науке используется такая категория, как производительная сила, являющаяся, несомненно, важным опосредующим и связующим звеном в системе «производство – потребление». Она в основном рассматривалась как совокупность целого и частей, таких, как предметы труда, средства труда, рабочая сила и т.д. Дело доходило до того, что элементная характеристика производительных сил расширялась до бесконечности за счет включения не только материальных, но и духовных компонентов. Что же касается категорий «потребительная сила», то она в отечественной экономической теории не рассматривалась вообще. В то же время содержание самой силы как таковой, как экономической категории, не раскрывалось. Не здесь ли кроются причины нашего непонимания, а что же такое сильное государство, какие его сущностные характеристики?

Поэтому представляется необходимым особое внимание уделить такому малоисследованному опосредствованию производства и потребления, как сила и ее проявление, которое в дальнейшем находит выражение в отношении внутреннего и внешнего, как технологических и социально-экономических отношений.

Что же я понимаю под силой как таковой? Сила – это не примитивно понимаемое действие механического характера. Она представляет собой способность проявления какой-либо деятельности и в этом смысле есть динамизм. Но вначале сила как таковая пребывает в покое. Переход из состояния покоя

в деятельность или движение требует толчка извне, который может быть произведен лишь другой силой. Сила, таким образом, предполагает силу. Рассматриваемые в нашем случае силы – сила производительная и сила потребительная – заключают свое непосредственное существование лишь как момент: каждая из них стремится «переходить» в свое проявление и тем самым «снимать» себя. Именно благодаря этому движению производительная и потребительная силы обеспечивают внутреннее диалектическое единство производства и потребления.

Это позволяет сделать вывод о необоснованности широко распространенного, приобретенного характера догмы, положения, что основным противоречием и первоисточником движения социально-экономической системы является противоречие между производительными силами и производственными отношениями. При этом даже не ставился вопрос, что же является источником развития самой производительной силы, что заставляет ее перерастать в производственные отношения. На мой взгляд, источником движения производительной силы является ее внутреннее противоречие как утверждение самой себя в качестве своей противоположности, т.е. как потребительной силы. Это противоречие и является исходным, основным противоречием социально-экономической системы общества.

Любое общество, любая страна не может игнорировать простой, но фундаментальной истины о том, что основополагающей задачей социально-экономического развития является формирование как производительных сил, так и потребительных сил, т.е. способности как производить, так и потреблять. Единством производства и потребления обеспечивается целостность всей социально-экономической системы общества, являющейся признаком ее жизнеспособности и полноты.

Отрицательное единство производительной и потребительной силы означает, что они находятся в существенном отношении, т.е. реально существуют в форме технологического отношения. Таким образом, представленное определение технологического отношения существенно отличается от традиционного определения технологического отношения, когда под технологическим отношением понималось лишь отношение между обществом и природой.

Данное положение позволяет сделать вывод о том, что технологическое отноше-

ние, рассматриваемое не только как определенное взаимодействие общества и природы, но и как взаимодействие людей, является действительным исходным отношением социально-экономической системы. Этот вывод важен для обоснования новой концепции технологического способа производства как динамичной системы технологических отношений, логически и исторически развивающейся от простого технологического механизма к химизму и организму. Такой подход имеет достоинство в том, что создает возможность систематизации и упорядочивания технологических отношений в определенную целостность и теоретически описать логику функционирования и развития технологической формы движения материи и энергии. Рассматриваемый подобным образом технологический способ производства является самовоспроизводящейся целостностью, вырастающей из исходного технологического отношения, что позволяет представить его во внутренней необходимой логике саморазвития и саморазвертывания.

Как отмечалось выше, рассмотрение явления с позиций соотношения целого и частей приводило к его элементной характеристике. Применительно к производительным силам это проявилось в перечислении входящих в них элементов, компонентов, частей, факторов и т.д. Реальная связь между ними, естественно, оказывалась внешней. Это неизбежно находило свое отражение и на производственном уровне, когда технологический процесс не получал своей внутренней завершенности и последовательности.

Непонимание сути технологизма приводило к грубым просчетам и ошибкам в осуществлении технической и технологической политики. Развернутая в середине 1980-х годов кампания по ускорению научно-технического прогресса, направленная на освоение заимствованных на Западе интенсивных технологий, привела к совершенно обратным результатам. Подменяя реальную технологическую модернизацию экономики выборочными мероприятиями технического перевооружения отдельных элементов производительных сил, страна теряла свою технологическую ориентацию и усугубляла свое отставание в этом направлении.

Как известно, рассматривая самодвижение, саморазвитие различных целокупностей и систем, Гегель различал отношение механизма, химизма и организма. Эти понятия, несомненно, определяют и обосновываемый

многий принцип выделения определенных этапов технологического развития и характеризуют содержание и отличительные признаки соответствующих технологических способов производства.

Технологическое развитие происходит путем последовательной смены технологических способов производства, в результате которой одна система технологических отношений, диалектически отрицая себя, переходит в другую. Это означает, что технологический способ производства «в самом себе» содержит внутренний источник своего развития, каковым выступает противоречие между производительной и потребительной силой. В своем движении это исходное, основное противоречие разворачивается в систему противоречий между идеальной и материальной производительной силой, теоретической и практической деятельностью, природой и обществом. Доведенные до противоположности эти стороны отрицают друг друга, а сами противоречия разрешаются в новое основание, т.е. становлением их нового единства на принципиально новой технологической основе, т.е. становлением нового технологического способа производства.

В экономической науке существует известная концепция технологических укладов С.Ю.Глазьева. При всей ее привлекательности нельзя не заметить того, что при характеристике тех или иных технологических укладов автор привязывает их к отраслевой принадлежности. В результате технологическая прогрессивность экономики оказывается зависимой от определенного набора отраслей производства. Получается, что страна, производящая, скажем, космические корабли, роботы и компьютеры, является передовой в технологическом отношении, нежели страны, специализирующиеся на сельскохозяйственном производстве или легкой промышленности. Отраслевая привязка технологических укладов выхолащивает содержание многих понятий, в результате чего под, например, высокими технологиями понимается чисто техническая определенность применяемых производственных средств и оборудования. На мой взгляд, здесь проявляется не вполне грамотное толкование таких фундаментальных понятий, как технология, технологическое отношение.

Предлагаемая новая концепция технологического способа производства, его эволюции и места в системе социально-экономической системы, дает возможность по-ново-

му понять сущность экономических явлений и процессов, происходящих в странах СНГ. Кризис и крах экономической системы СССР был обусловлен прежде всего незрелостью, неразвитостью, незавершенностью технологического способа производства огромной страны. Многие годы и десятилетия советскими экономистами велись научные дискуссии о формах и направлениях совершенствования хозяйственного механизма, игнорирующих перспективы и возможности перерастания его в хозяйственный организм. Хозяйственный механизм не мог обеспечить воспроизводства и самовоспроизводства экономической системы, оставляя ее открытой и незащищенной от внешних негативных воздействий, прежде всего от органической капиталистической системы.

При всей своей устойчивости экономическая система СССР имела в себе определенные и существенные противоречия. Как говорил Гегель, целое раскрывается как движение к цели, результатом достижения которой является нечто завершенное. Исходя из этого, можно утверждать, что социально-экономическая система СССР не «доросла» до организма, который бы обеспечивал внутренние возможности преодоления противоречий и «в себе» содержал источник собственного саморазвития, способный воспроизводить систему на собственной основе. А будучи таковой, система оказалась подверженной внешнему воздействию и разрушилась, оказавшись неспособной преодолеть постигший ее кризис.

К тому же в значительной мере развитие социально-экономической системы СССР само по себе определялось действием внешних причин: 1) угрозой внешней агрессии; 2) опасностью реставрации старого строя; 3) постоянной борьбой с внутренними и внешними факторами, имевшими в значительной степени неэкономический характер. Это означает, что источник и факторы ее развития в значительной мере были внешними по отношению к ней. Даже сам лозунг «догнать и перегнать» США и другие т.н. цивилизованные страны свидетельствовал о том, что хозяйственный механизм в значительной степени заводился и настраивался внешними факторами. А то, что мы смогли противостоять внешней агрессии в 40-е годы – это скорее говорит о том, что плановая система как никакая другая позволяет мобилизовывать внутренние источники, при этом деформируя экономическую систему.

Исходя из этого, важным представляется исследование экономического движения и, главным образом, движения технологического способа производства. Но движение технологического способа производства может быть рассмотрено не само по себе, а только как момент движения социально-экономической системы. Рассматривая различные формы этого движения, а также источники и движущие силы, следует отметить, что в самой бедной системе – механизме – соотношение безразличных и равнодушных друг к другу элементов социально-экономической системы образует лишь внешнюю связь, механический порядок. Сам источник движения механизма находится вне его. Чтобы привести хозяйственный механизм в движение, на него надо постоянно воздействовать внешним образом, «заводить» его. Когда же источник движения имманентен системе, он выступает как самодвижение. Для самозаведения такой системы требуется, чтобы части целого перестали быть безразличными, равнодушными друг к другу, чтобы они стремились друг к другу. Такое стремление обнаруживается на уровне химизма. Однако здесь процесс «угасает» в некоем нейтральном соединении и не может начаться вновь без вмешательства извне. Так же без соответствующих внешних условий не может начаться процесс его разложения и возвращения его к первоначальному составляющим.

Самой же совершенной истинной целокупностью является социально-экономический организм. Его нельзя в отличие от механизма разобрать на составляющие части и вновь собрать. Нельзя совершенствовать, лечить, преобразовывать, реформировать по частям отдельные органы, не воздействуя соответствующим образом на весь организм. Самое же главное достоинство и отличие социально-экономического организма от других целокупностей заключается в том, что источник его движения находится в нем самом, он есть телеологическое отношение, самоцель. Внешнее вмешательство может замедлять, ускорять и даже уничтожать движение, развитие социально-экономического организма, но оно никогда не может быть его источником.

Если принципом социально-экономического механизма является соединение или разъединение заранее данных частей, элементов в целое, то движение социально-экономического организма есть возникновение, рождение частей (органов) из некоторого

вначале недифференцированного целого (клеточки). Здесь неразвитое целое предшествует своим собственным развитым частям, а каждую часть можно понять только по роли и функции в составе целого, вне которого она просто не существует. В этом смысле движение некоего «начала» (технологического способа производства) предстает как его социально-экономическая эволюция.

Реальные мировые процессы, развернувшиеся на рубеже тысячелетий, свидетельствуют о закономерной и объективной тенденции взаимообусловленности и взаимозависимости национальных экономик в рамках всемирного хозяйства. Это дает основание говорить о глобализации прежде всего технологического способа производства в общепланетарном масштабе. В постсоветской же экономике эти процессы получили своеобразное преломление. В результате распада СССР оказались нарушенными и фактически прерванными технологические связи в рамках некоего единого воспроизводственного комплекса. Многие крупные производства, утратив целостность всех технологических звеньев из-за разрыва экономических связей, испытали, образно говоря, эффект мощного «экономического коллапса».

Здесь следует еще раз сказать о том, что технологичность проявляет себя на всех уровнях: внутрипроизводственном, внутриотраслевом, межотраслевом уровнях и др. Она придает любому процессу завершенность в системе «производство – потребление», будь то на уровне цеха, завода, отрасли или всей национальной экономики. Не только отдельные звенья или компоненты производственного процесса технологически взаимосвязаны друг с другом, но и предприятия и целые отрасли, комплексы и регионы. Поэтому одной из причин того глубокого кризиса, в котором оказались практически все страны Содружества Независимых Государств, является разрушение единого технологического способа производства на постсоветском экономическом пространстве.

Выявившиеся с начала 90-х годов центробежные тенденции привели к свертыванию и разрыву многих хозяйственных связей, значительному спаду (а порой и закрытию) многих видов производств, ломке внутриотраслевых и межотраслевых пропорций, не всегда оправданному перепрофилированию предприятий. После демонстрации плановой экономики путем прекраще-

ния подачи ресурсов были свернуты одна отрасль за другой, остановлены предпр. ч-тия даже с непрерывным технологически процессом производства. Многие высокотехнологичные и наукоемкие сферы оказались в состоянии стагнации.

Все это деформировало единую технологическую основу целостной социально-экономической системы некогда единого государства, в результате чего взаимосвязанный технологический процесс производства «разомкнулся» и утратил свою технологическую завершенность. Каждая из экономик стран СНГ лишилась необходимого для полноценного функционирования набора отраслей производства, способных удовлетворить насущные потребности в товарах как личного, так и производственного потребления. Предприятия и отрасли, технологически взаимосвязанные в рамках единого народно-хозяйственного комплекса, оказались разомкнутыми и неспособными придать целостность и завершенность социально-экономической системе каждой из стран.

А если сюда добавить осуществленную без всякого учета единства технологического способа производства приватизацию, приведшую к дроблению единых технологических комплексов и разрыву кооперационных связей, то вызванная этим дестабилизация обусловила глубокий, до 70–80%, спад производства. Это еще раз подтверждает, что страны СНГ по многим признакам были и все еще остаются составными частями некогда единого воспроизводственного комплекса с высоким уровнем не только политической или экономической, но прежде всего технологической интегрированности.

Поэтому контуры экономического сотрудничества в самом общем виде должны определяться сложившейся в прошлом глубокой технологической взаимозависимостью и многосторонней технологической дополняемостью национальных хозяйственных комплексов. Представленное новое понимание технологического способа производства необходимо приводит также к важному выводу о том, что всякое насильственное, революционное разрушение производственных отношений, отношений собственности неизбежно ведет к разрушению технологического способа производства, его производительных и потребительных сил.

К сожалению, осуществляемые меры по стабилизации экономики и решению текущих экономических и социальных задач от-

тесняют проблемы технологической модернизации, повышения конкурентоспособности отечественного производства на второй план. При внешней видимости наличия отдельных атрибутов механизма управления технологическим развитием, по существу продуманная, целенаправленная национальная политика в этом направлении отсутствует. Проводимые же мероприятия носят, скорее, декларативный и стихийный характер.

Одним из важных выводов является утверждаемое положение о том, что именно технологический способ производства придает национальной экономике, всей социально-экономической системе общества органическую целостность, системность и завершенность. Разрушение же технологического способа производства приводит к полной дезинтеграции социально-экономической системы, национальной экономики, потере конкурентных возможностей, что осложняет государству решение

целого комплекса социально-экономических задач.

Поэтому одним из главных направлений социально-экономического реформирования должно стать подключение технологического фактора к достижению стратегических целей развития общества. Значительное внимание должно быть уделено развитию социально-экономической системы в направлении целостности и полноты с формированием недостающих звеньев и преобразованием заимствованных извне. А это означает не что иное, как движение социально-экономической системы к своей организационно-технологической завершенности целостной социально-экономической системы.

Стратегическим направлением развития нашей страны должен стать не долгий, тернистый путь, ведущий от «дикого капитализма» к «цивилизованному», а интеграция, вхождение в глобальный технологический способ производства в качестве его неотъемлемой, органической структуры.

за неспособности этих отраслей увеличить экспорт — уже сигнал опасности. Однако важна не столько доля страны в мировом экспорте, сколько то, что именно страна экспортирует, т.е. структура экспортного потенциала. Переход на экспорт более сложных товаров поддерживает рост продуктивности, даже если объем экспорта растет очень медленно.

В настоящее время состояние экспортного потенциала стран в большей степени зависит от особенностей этапов развития мирового хозяйства, это: научно-информационный бум; резко возросшая мобильность и гибкость экономических субъектов; обострение конкурентной борьбы за рынки сбыта; усиление влияния новых технологий на социально-экономические процессы; использование научно-технических достижений; расширение транспортных потоков и создание новых коммуникационных технологий, не ограниченных национальными рамками; межфирменная и межгосударственная кооперация при разработке и освоении новых технологий, обусловленная необходимостью привлечения значительных финансовых и кадровых ресурсов.

Решающее значение для обеспечения благоприятных условий роста национальных хозяйств и развития международных экономических отношений приобретает формирование в странах сильного экспортного потенциала. Поэтому возникает необходимость всемерной поддержки экспортной продукции, т.е. разработки основных мер целостной консолидированной внешнеэкономической (экспортной) политики. Среди этих аргументов такие, как необходимость защиты новых отраслей, защиты от конкуренции более дешевой иностранной рабочей силы, необходимость диверсификации экономики с тем, чтобы страна не зависела от экспорта какой-то одной группы товаров, защита отраслей, связанных с национальной обороной и, наконец, необходимость принимать ответные меры, если возводят барьеры партнеры по торговле.

Между тем правительство каждой страны, разрабатывая экспортную политику, преследует определенные цели: получение валютной выручки для финансирования импортных закупок и национальной программы социально-экономического развития; укрепление национальной промышленности и экономики в целом посредством стимулирования и создания льготных условий для усиления экспортных отраслей; увеличение эк-

спорта, что создает дополнительные рабочие места, смягчая социальное напряжение в стране; использование экспорта как средства проникновения в экономику другой страны и установления над ней скрытого контроля.

Опыт развитых стран свидетельствует, что средства, разумно вложенные в стимулирование экспорта, окупаются во много раз быстрее, чем во многих отраслях, ориентированных преимущественно на внутренний рынок. Так, благодаря государственной политике содействия экспорту на рубеже 80–90-х гг. США сумели вернуть и усилить свое лидерство в мировой экономике, значительно увеличить поставки высокотехнологичной продукции (в том числе электроники — в 2,5 раза), резко (почти в 2 раза) сократить отрицательное сальдо торгового баланса.

С целью поддержания внутренних товаропроизводителей правительство США использует механизм создания институтов страхования экспортных кредитов и специальных координационно-информационных структур стимулирования предпринимательства. Экспортно-импортный банк обеспечивает страхование экспортных кредитов. Банк оказывает содействие экспорту товаров и услуг, в которых участвуют, как минимум, 50% американских производителей. Для определения вероятности возмещения кредита банк изучает экономическое положение в стране-импортере, размер и характер сделки, а также финансовое состояние конкретного заемщика. Служба внешнеэкономических связей США через собственную сеть торговых представителей обеспечивает фирмы деловой информацией. На муниципальном уровне предпринимательство поддерживают консорциумы и корпорации по развитию бизнеса. Их деятельными органами и частными агентствами оказывается содействие с целью обеспечения кредитов под правительственные гарантии в тех случаях, когда такие кредиты невозможно получить на финансовом рынке.

В других странах осуществляются программы активного воздействия на хозяйственную структуру с целью ее приспособления к требованиям мировой экономики, в том числе путем поддержки производств, способных удовлетворять высокие требования современного мирового рынка (Япония, Франция, Италия). Для этого используется комплекс различных средств экономической политики — от поощрения инвестиций в определенные секторы экономики и манипули-

СТИМУЛИРОВАНИЕ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА И ИЗМЕНЕНИЯ В ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЕ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Кажмуратова А.К.

Происходящие процессы глобализации и интернационализации вовлекают все больше стран мира в мировую торговую сеть. Мировая экономика оказывает свое непосредственное влияние на национальное хозяйство любой страны. Развитость внешнеэкономических связей на сегодняшний день определяет скорость происходящих качественных изменений не только в структуре торговых потоков, но и в общем социально-экономическом развитии страны.

Современную мировую экономику принято рассматривать как систему взаимосвязанных национальных экономик, где каждой стране принадлежит своя особая роль. Наряду с этим каждая страна имеет свою специализацию, которая в определенной мере отражает созданный экспортный потенциал государства. К примеру, по классификации ООН и многих ее специализированных организаций, выделяют страны-экспортеры и

неэкспортеры нефти, государства и территории, специализирующиеся на экспорте готовых изделий и др.

Чем выше уровень экономического развития страны, тем активнее и многообразнее формы ее внешнеэкономических связей. В этих условиях различный уровень развития стран предопределяет и разные возможности выхода продукции на внешние рынки. Промышленно развитые страны являются экспортерами практически всех видов экспортимой продукции, тогда как структура экспортного потенциала большинства развивающихся стран отражает преимущественно сырьевой компонент.

При этом рост доли страны в мировом экспорте влечет за собой повышение уровня жизни, если возрастание экспорта продукции отраслей с высокой продуктивностью повышает ее уровень в целом по стране. И наоборот: сокращение доли мирового экспорта из-

рования ставками таможенного тарифа для создания наиболее благоприятных условий развития соответствующих производств до продвижения их продукции за рубеж с помощью кредитования и страхования экспортных сделок, экономической дипломатии.

В особую группу мер, которые используют государства, регулируя отношение страны с мировым хозяйством, относится так называемый активный протекционизм, или различные формы стимулирования экспорта. Среди них можно отметить: льготное государственное кредитование экспорта (уменьшение ставок и удлинение сроков кредита), государственное страхование экспортных кредитов, прямое субсидирование экспорта и различные налоговые льготы для экспортеров.

Однако стимулирование экспортного потенциала в развитых странах определяется не только льготами для товаропроизводителей экспортной продукции и инвестициями в производства, ориентируемые на экспорт. Направления, стимулирующие развитие экспортного потенциала, представляют различные формы информационного и организационного содействия экспорту продукции национальных предприятий, обеспечения торгово-экономической информацией, организацией ярмарок и выставок.

Таким образом, основные элементы этапы композиции организационной структуры служб, обеспечивающих процессы повышения уровня экспортного потенциала, могут быть представлены в следующем виде (рисунки 1).

При этом реализуются принципы, способствующие повышению эффективности экспортной деятельности:

- обеспечение целенаправленности и стабильности в сочетании с гибкостью и комплексностью;
- концентрация рыночной деятельности по основным товарам, отраслям и контрагентам;
- осуществление политики приспособления к внешнему рынку, его требованиям с одновременным целенаправленным воздействием на него.

Благодаря использованию мер, направленных на повышение уровня экспортного потенциала развитых стран посредством стимулирования передовых отраслей, происходит их наращивание (экспорт готовой продукции, услуг, технологий и др.) как в количественном, так и качественном выражении.

Так, постоянно растет экспорт услуг, а такая его составная часть, как поступления от продажи патентов, лицензий и авторских прав, повысилась к концу XX в. в 2,2 раза (с 14 до 30 млрд долл.) по сравнению с началом 90-х гг. Обилие и доступность экономической информации в сочетании с удешевлением средств связи и транспорта стали мощным стимулом для экспорта капитала. Эти отрасли, являясь основой экспортного потенциала развитых стран, будут иметь определенный вес в мировом экспортном потенциале XXI века, поскольку страны занимают значительную долю в мировой торговле этими видами.

Переход стран от индустриализации к постиндустриальному развитию сопровождается изменениями в отраслевой структуре мирового хозяйства. В частности, происходит последовательный переход от высокой доли сельского хозяйства, добывающей промышленности, обрабатывающих отраслей (которые доминировали в структуре мировой торговли) к технически относительно несложным производствам (легкая, пищевая промышленность), капиталоемким и материалоемким отраслям (металлургия, химическая промышленность) и, наконец, к наукоемким отраслям, выпускающим продукцию на основе высоких технологий.

Использование комплексного подхода к анализу совокупности вывозимых (экспортируемых) товаров и услуг позволяет представить следующую структуру экспортного потенциала (рисунок 2):

По приведенной структуре экспортного потенциала, исходя из ее составляющих, можно проследить динамику развития экспортного потенциала на глобальном и региональном уровне, на основе которого можно выявить его состояние, роль и уровень развития в мировом хозяйстве. При этом каждый уровень обладает своей индивидуальной структурой и наличием критериальных факторов, определяющих и характеризующих состояние каждого вида экспортного потенциала.

По статистическим данным мировой товарной структуры (таблица 1) можно говорить о сформированном экспортном потенциале мирового хозяйства. Структура мирового экспортного потенциала в течение последнего десятилетия XX в. претерпела определенные изменения. Как утверждалось ранее, происходит постепенный переход от весомой доли отраслей сельского хозяйства и минеральных ресурсов к

Основные элементы стимулирования экспортного потенциала

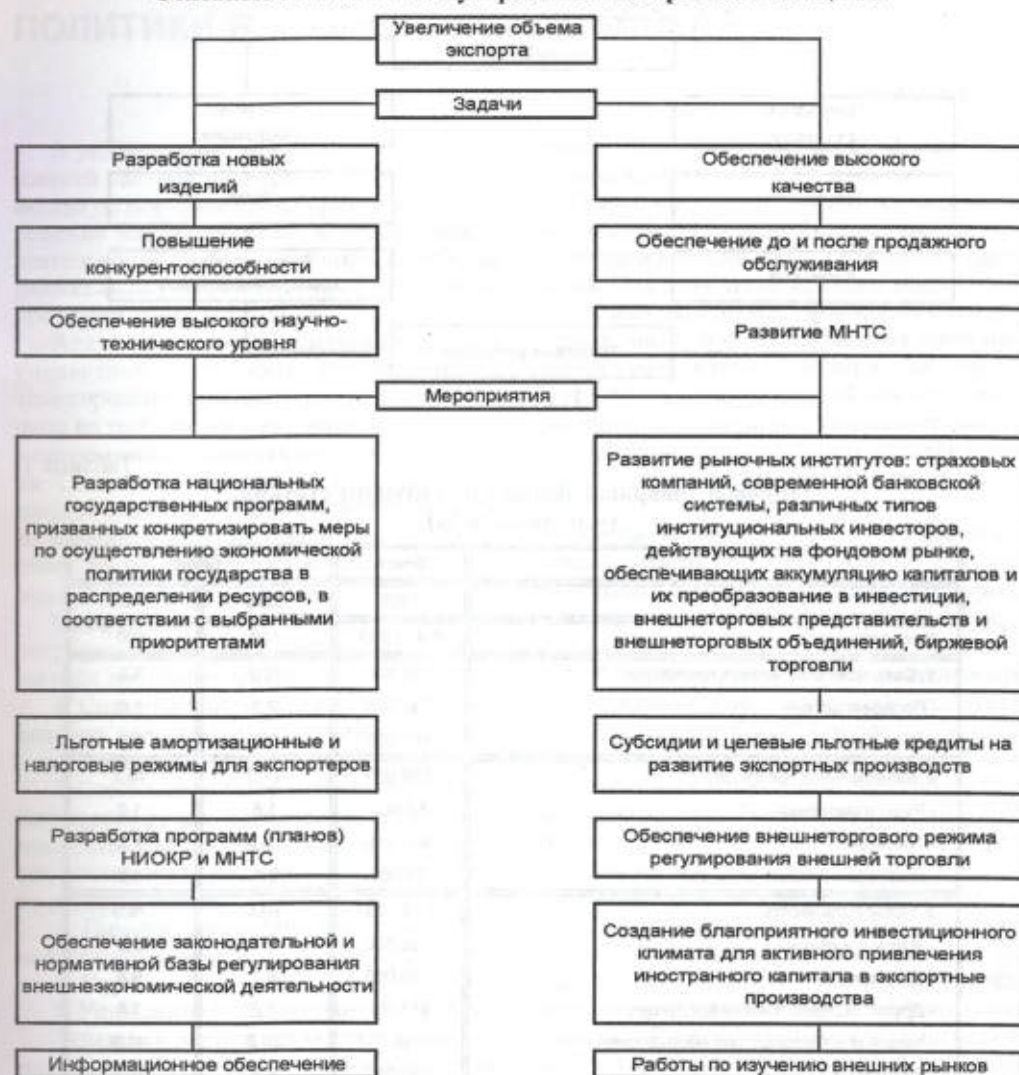


Рисунок 1.

повышению удельного веса обрабатывающих производств. Так, доля мирового экспортного потенциала сельскохозяйственной продукции на протяжении 90-х гг. понизилась на 2,3%, по минеральным ресурсам на - 4,1%, а доля промышленности, напротив, повысилась до 6%.

Сегодня можно утверждать, что изменения, происходящие в системе мирового хозяйства, равно как и усилия, используемые государствами по улучшению структуры экспортного потенциала, оказывают непосредственное влияние на характер и уровень производства экспортных товаров. Так, скорость структурных изменений в мировом производстве обра-

ботанных товаров возрастает, но необходимо констатировать, что это обеспечивается в основном промышленно развитыми странами. Вследствие быстрого экономического развития ведущих индустриальных стран и усовершенствования международного транспорта и коммуникаций, происходит увеличение удельного веса готовых изделий и экспорта коммерческих услуг в мировой торговле, этому способствует превышение их роста цен по сравнению с увеличением цен на сырье и продовольствие.

Современный уровень научно-технической революции в развитых странах приводит



Рисунок 2.

Мировой товарный экспорт по ведущим статьям,
(млн долл., в %)

	Всего	Доля	
	1999	1990	1999
Всего товаров	5 473 000	100	100
1. Сельскохозяйственная продукция:	544 000	12,2	9,9
- Продовольствие	437 000	9,3	8,0
- Первичное сырье	107 000	2,9	2,0
2. Минеральная продукция:	556 000	14,3	10,2
- Руды и материалы	56 000	1,6	1,0
- Топливо	401 000	10,5	7,3
- Неферросплавные металлы	99 000	2,1	1,8
3. Промышленность:	4 186 000	70,5	76,5
- Железо и сталь	126 000	3,1	2,3
- Химикаты	526 000	8,7	9,6
- Другая переработанная продукция	414 000	7,8	7,6
- Машины и транспортное оборудование	2 295 000	35,8	41,9
- Автоматика	549 000	9,4	10,0
- Офисное и телекоммуникационное оборудование	769 000	8,8	14,1
- Транспортное оборудование и др. виды машин	969 000	17,6	17,8
- Текстиль	148 000	3,1	2,7
- Одежда	186 000	3,2	3,4
- Другие потребительские товары	492 000	8,8	9,0
Коммерческий экспорт услуг	1 350 000		

Источник: Составлено по данным «International trade statistics 2000». – World Trade Organization 2000.

к быстрому расширению производства искусственного сырья, что ограничивает рост потребления натуральных сырьевых товаров, импортируемых из слаборазвитых стран. Потребность в импорте сырья высокоразвитыми странами относительно сокращается и в силу снижения материалоемкости продук-

ции обрабатывающей промышленности. Особой сферой экспорта становятся поставки в рамках ТНК, а также вывоз продукции в порядке прямых производственных связей, прежде всего, в машиностроении. Растет торговля предметами длительного пользования и новыми видами наукоемкой продукции.

СТРАТЕГИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ДЕПОЗИТНОЙ ПОЛИТИКИ В КОММЕРЧЕСКИХ БАНКАХ

Куанова Г.А.

В условиях высокой конкуренции в банковской системе коммерческие банки ведут активную деятельность по привлечению сбережений населения. Успех и эффективность деятельности требуют от банков выработки радикальных путей развития в условиях прессинга конкурентной борьбы.

Адаптация в любой ситуации, умелое управление банковскими инструментами, ясное представление рыночных течений – это одни из требований к коммерческим банкам в современных условиях развития экономики. Создание устойчивой, стабильной банковской системы позволит повысить не только доверие населения республики, но быстрыми темпами интегрироваться в международные финансовые рынки.

Специфика управления депозитными операциями в банках определяется решением ряда поставленных задач:

1. Создание условий для успешного проведения депозитных операций в условиях межбанковской конкуренции.
 2. Соблюдение интересов вкладчиков (депозиторов) путем обеспечения гарантий, надежности, качества обслуживания в интересах достижения максимальной устойчивости деловых связей.
 3. Гарантия получения банком намеченной планом прибыли.
 4. Управление рисками.
 5. Управление человеческими ресурсами.
- Успешная деятельность банков зависит прежде всего от решения этих основных задач.

Таким образом, анализ в деятельности коммерческих банков по привлечению депозитов позволит более лучше ознакомиться с существующими проблемами на данном этапе и выработать дальнейшую стратегическую программу развития.

С целью выявления проблем развития депозитного рынка автором был осуществлен SWOT-анализ – анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз казахстанским банкам при осуществлении депозитных операций.

В коммерческих банках существуют внутренняя, внешняя среда, в которых происходят те или иные изменения. Внутренняя среда (или

микроуровень) включает в себя финансовый менеджмент, кадровый менеджмент, банковский маркетинг. Внешняя среда (или макроуровень) состоит из внешней среды прямого воздействия и внешней среды косвенного воздействия. Внешняя среда прямого воздействия охватывает вкладчиков: физических и юридических лиц, конкурентов. Внешняя среда косвенного воздействия включает в себя следующие факторы: экономический фактор, демографический, социальный, географический.

На основе проведенного исследования были выявлены следующие результаты (таблица 1).

Согласно проведенному SWOT-анализу можно выявить проблемы развития депозитного рынка и разработать стратегию формирования депозитной политики в коммерческих банках.

Основными проблемами в деятельности банков являются недостаточная разработка и реализация эффективной депозитной политики и несоответствие уровню мировой экономики – международным стандартам банковской системы. Рассмотрим основные проблемы развития депозитного рынка и возможные пути их решения (таблица 2).

Исходя из выявленных проблем, предлагается следующая стратегия формирования депозитной политики. В целях усиления финансовой стабильности коммерческих банков необходимо формирование эффективной банковской политики, одной из составляющей которой является депозитная политика. Формирование депозитной политики должно осуществляться в три этапа:

1. Этап исследования.
2. Этап планирования.
3. Этап принятия и реализации решений (рисунок 1).

На этапе исследования банк изучает потребности клиентов, то есть какие виды депозитов наиболее привлекательны, какие процентные ставки устанавливать на тот или иной вид депозитов, вклада. Все это должно осуществляться с учетом возможностей банка по осуществлению тех или иных банковских операций. На данном этапе также банком осуществляется изучение и анализ рынка, который включает в себя: анализ окружающей среды, рынка, мес-

та и роли банка на этом рынке. То есть такие параметры, как географическое положение банка, близость к клиенту, достаточность филиальной сети, город или сельская местность, наличие конкурентов необходимо изучать и

принимать во внимание на начальной стадии выработки депозитной политики.

На этапе планирования банк осуществляет анализ и оценку прибыли по депозитным операциям, планирует возможные рис-

Таблица 1.

SWOT-анализ сильных и слабых сторон, возможностей и угроз в коммерческих банках при работе с депозитными операциями

сильные стороны	слабые стороны	возможности	угрозы
Внутренняя среда			
Депозитная политика			
дифференциация видов депозитов, увеличение количества видов вкладов физических и юридических лиц	тенденция роста денег на срочных депозитных счетах по сравнению с депозитами до востребования	возможность активизации работы по созданию системы гарантирования вкладов до востребования	снижение ставок по депозитам может впоследствии привести к оттоку сбережений со счетов в другие виды вложений (более доходные)
Кадровый менеджмент			
оперативная работа банковских работников с вкладами, депозитными счетами, благодаря современным банковским технологиям	недостаточно развитая система консультирования и разъяснительных работ сотрудниками банка непосредственно с населением по вопросам выгодности вложения сбережений	• обучение персонала • переквалификация, специализация • открытие отделов консультирования • проведение тренингов с потенциальными вкладчиками	из-за отсутствия информации и опыта у вкладчиков возможна недостаточная аккумуляция банками свободных денежных средств
Банковский маркетинг			
проведение активной рекламной кампании не только в СМИ, но и задействование других видов рекламы	недостаточная оценка риска в банковской деятельности по депозитным операциям	разработка комплексной маркетинговой программы по привлечению депозитов	несвоевременное выявление проблем может привести к неблагоприятным последствиям
Внешняя среда прямого воздействия			
Вкладчики – физические лица			
увеличение числа вкладчиков, готовых вкладывать свои деньги в депозиты	недостаточная осведомленность некоторых вкладчиков о видах и преимуществах тех или иных депозитов	постоянное повышение индивидуальными вкладчиками уровня своей компетенции в вопросах вложения средств	незнание и некомпетентность могут привести к тезаврации денег, то есть хранения на руках
Вкладчики – юридические лица			
благодаря качественному обслуживанию увеличение доверия со стороны юридических лиц к коммерческим банкам	недостаточное развитие производственного сектора	кредитование реального сектора экономики может вернуть кредитующие банком деньги обратно в виде депозитов	активное развитие фондового рынка может привести к утечке капитала с депозитных счетов в ценные бумаги

Конкуренты			
каждый банк имеет свою индивидуальность и тем самым имеет своих постоянных клиентов	достаточно агрессивная реклама крупных банков приводит к оттоку клиентов в менее крупные банки	отслеживание ситуации и возможностей конкурентов	концентрация банковских капиталов, укрупнение банков второго уровня (особенно крупных) могут привести к монопольному положению на депозитном рынке
Внешняя среда косвенного воздействия			
Экономический фактор			
оживление производства, увеличение объемов сырьевого экспорта, снижение безработицы	рост курса иностранной валюты по отношению к национальной	создание благоприятного инвестиционного климата и гарантия тенговых вкладов (в случае изменения курсовой разницы)	нестабильная экономическая ситуация может привести к изъятию вкладов со счетов
Демографический			
активная часть населения остается единственным инвестором на депозитном рынке	малая численность населения, низкие демографические показатели, эмиграция населения	государственная политика по стимулированию прироста населения	малое количество населения – малое количество вкладов
Социальный			
нормализация ситуации на рынке труда	недостаточная социальная защищенность некоторых слоев населения	государственная политика формирования доходов населения	недостаточные доходы населения приведут наряду с инфляцией к тенденции снижения спроса на депозиты
Географический			
для жителей г. Алматы концентрация банков в единой территории, для регионов – филиалы крупных банков	отдаленность регионов от банковских учреждений, недостаточная филиальная сеть, неудобное территориальное расположение	создание филиалов не только крупных банков, но и банков, специализирующихся на депозитах	вложение денег в другие сферы

Источник: таблица составлена автором на основе изучения факторов, влияющих на развитие депозитного рынка.

ки, расширяет ассортимент предоставляемых услуг и т.д.

Этап принятия и реализация решений, пожалуй, наиболее важный и ответственный, поскольку на данном этапе решается, какой объем депозитов будет привлечен на запланируемый период. Здесь играет роль такой фактор, как сама процедура привлечения средств в депозиты (успешная работа персонала банка с клиентами: разъяснитель-

ная работа по видам, срокам и преимуществам вкладов и т.д.). Немаловажную роль на данном этапе играет также реклама и производство рекламной кампании. И, наконец, от банка зависит правильное и эффективное управление активами и пассивами для более рационального использования финансовых средств и сокращение дисбаланса между привлекаемыми и вкладываемыми средствами.

Основные проблемы развития депозитного рынка
и возможные пути их решения

Таблица 2.

№	Проблемы	Возможные пути решения
1.	Начиная с 1998 г. недостаточный рост депозитов до востребования в иностранной валюте по сравнению со срочными.	1. Введение привлекательных процентных ставок для депозитов до востребования в иностранной валюте. 2. Введение в систему гарантирования вкладов – страхование депозитов до востребования.
2.	Недостаточная осведомленность некоторых вкладчиков о видах и преимуществах тех или иных депозитов.	Разработка программы развития депозитного по работе с вкладчиками в каждом банке. Данная программа должна включать методы разъяснительного характера, консультационного, информационного и обучающего. Проведение «круглых столов», семинаров и т.д.
3.	Отсутствие в организационной структуре банка специальной группы стратегического развития, занимающейся разработкой новых форм банковского бизнеса в области привлечения депозитов.	1. Создание в каждом банке отдела стратегического планирования. 2. Организация особого материального и морального стимулирования работников. 3. Привлечение к разработке стратегических проектов опытных экспертов.
4.	Недостаточная оценка риска в банковской деятельности по депозитным операциям.	Разработка методики оценки риска по депозитным операциям.
5.	Недостаточное развитие производственного сектора.	Разработка Государственной программы развития производственного сектора путем льготного кредитования и снижения налогового прессинга
6.	Недостаточная социальная защищенность некоторых слоев населения.	1. Разработка нормативных актов по поддержке наиболее уязвимых слоев населения. 2. Введение системы социальной защиты населения на государственном и региональном уровне.
7.	Отдаленность регионов от банковских учреждений, недостаточная филиальная сеть, неудобное территориальное расположение.	1. Создание филиальной сети. 2. Открытие пунктов приема вкладов в крупных магазинах, торговых точках.

* Источник: таблица составлена автором на основе изучения факторов, влияющих на развитие депозитного рынка.

Этапы формирования депозитной политики

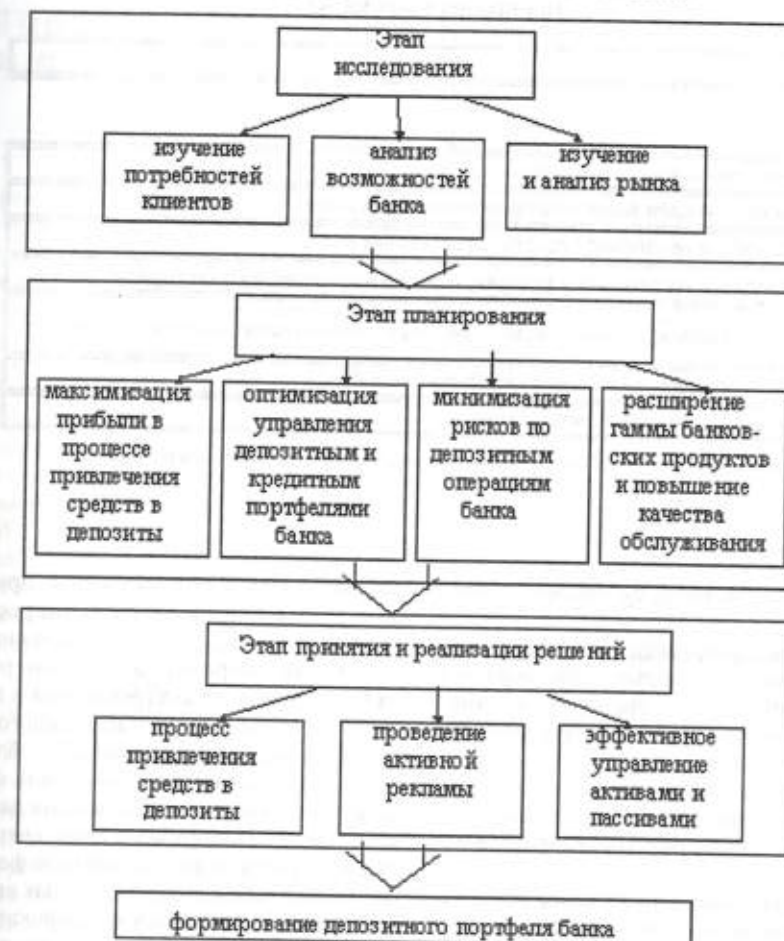


Рисунок 1.

На основе выделенных этапов формирования депозитной политики предлагается стратегия формирования депозитной политики в коммерческих банках.

Предлагаемая стратегия рассчитана для внедрения в коммерческих банках Республики Казахстан на основе изучения проблем депозитного рынка. Рассмотрим на примере Банка А, данная стратегия применима во всех банках. Данная стратегия базируется на трех основных этапах, приведенных выше, и включает в себя несколько блоков (рисунок 2).

1. Роль Банка на рынке депозитных услуг. Главной и наиболее важной проблемой является выявление роли банка на рынке банковских услуг. От определения того, какую нишу занимает банк в банковской системе, зависит и реализация дальнейших поставленных задач.

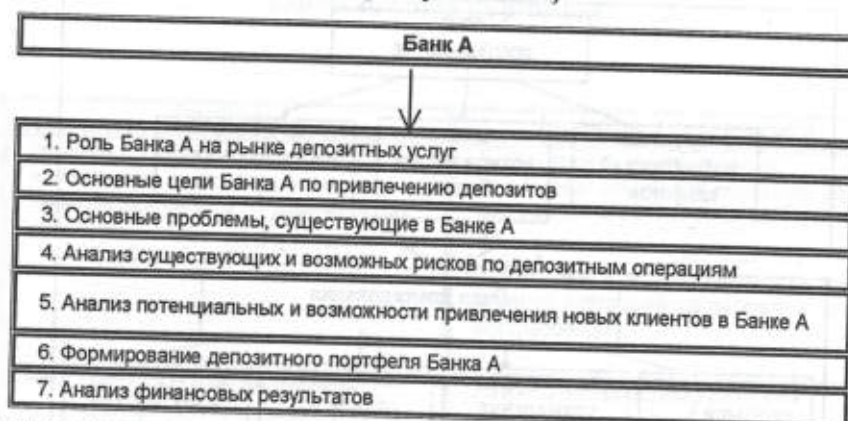
Банк на данном этапе отрабатывает прежде всего концепцию деятельности и должен заявить о себе. Конкуренты, вкладчики и сами служащие банка являются непосредственными участниками данного процесса. То есть их глазами, мнением необходимо руководствоваться для определения дальнейших целей.

2. Основные цели Банка по привлечению депозитов.

Основными целями банка являются:

- привлечение депозитов населения, предприятий;
- совершенствование системы обслуживания населения;
- совершенствование системы страхования депозитов;
- профессиональное обучение сотрудников по работе с депозитами;

Стратегия формирования депозитной политики (на примере Банка А)



Источник: составлен автором на основе изучения проблем развития депозитного рынка.

Рисунок 2.

- совершенствование банковских технологий и др.

3. Основные проблемы, существующие в Банке. Проблемы, с которыми сталкиваются банки по работе с депозитными операциями. Это могут быть внешние и внутренние. К внутренним относят:

- недостаточная оценка риска по депозитным операциям;
 - недостаточное развитие кадрового менеджмента;
 - недостаточно «агрессивная» реклама.
- К внешним проблемам можно отнести:
- усиливающаяся конкуренция на депозитном рынке;
 - изменение курсовой разницы иностранной валюты;
 - недостаточное развитие производственного сектора;
 - недостаточная социальная защищенность населения.

4. Анализ существующих и возможных рисков по депозитным операциям.

Банку необходимо использовать различные методы оценки рисков по депозитным операциям, которые позволят улавливать колебания общей суммы ресурсов в течение определенного банком периода, а также по группам клиентов.

5. Анализ потенциальных и возможности привлечения новых клиентов в Банке. Банк должен проанализировать, какие позиции занимает на рынке депозитов частных и юридических лиц. Вклады граждан неодно-

родны по своей экономической природе и роли в обеспечении кредитными ресурсами как самого банка, так и кредитной системы в целом. Так, например, вследствие развития на базе вкладов до востребования и на текущие счета безналичного платежного оборота населения необходимо их обособление от сберегательных вкладов, основной функцией которых является организация денежных сбережений. Последние в свою очередь могут выступать в двух основных формах: в форме собственно сберегательных вкладов и в форме сберегательных сертификатов.

6. Формирование депозитного портфеля Банка. Основным источником привлечения средств для банка являются депозиты клиентов, которые составляют большую часть от суммы всех обязательств. Помимо этого банк должен предпринимать шаги по увеличению источников финансирования и увеличению сроков погашения привлеченных средств.

7. Анализ финансовых результатов. Расчет финансовых показателей банка должен регулярно выполняться специалистами на основании данных финансовой отчетности банка, составленной в соответствии с действующими на момент составления отчетности требованиями в текущих ценах.

Таким образом, выбор и реализация стратегии формирования депозитной политики является прерогативой каждого банка. Каждый шаг данной стратегии имеет свои особенности, которые банки должны проанализировать при выходе на рынок.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА ЭФФЕКТИВНОСТИ КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕФТЕГАЗОВОГО СЫРЬЯ

Пахрутдинов Р.И.

Нефтегазовое сырье является уникальным и невозобновляемым природным ресурсом, что предопределяет необходимость его рационального использования. Эти его качества обуславливают целесообразность разработки практических мер, с помощью которых должна регулироваться скорость извлечения из недр соответствующих ресурсов. В связи с этим представляет несомненный интерес исчисление количественной характеристики скорости истощения запасов сырья, называемой индексом использования резервов (ИИР). В мировой практике ИИР выражает процент расходования нефтегазового сырья в год. Чем выше ИИР, тем больше скорость расходования нефтегазового сырья, что имеет следующее выражение:

$$T_{\text{исчерп.}} = \frac{100}{\text{ИИР}}, \quad (1)$$

где $T_{\text{исчерп.}}$ – время истощения запасов сырья в годах.

Количественная ограниченность содержания в недрах нефтегазовых ресурсов актуализирует проблему рационального и комплексного их использования. Осознавая тот факт, что нефтегазовое сырье является невозобновляемым ресурсом, страны, обладающие им, как правило, стремятся направить все возможные средства – финансовые, материальные, валютные для получения максимального эффекта при освоении принадлежащих им ресурсов. Время истощения запасов нефтегазового сырья у каждой из стран-обладательниц имеет широкий диапазон от нескольких лет до 50–100, в зависимости от объемов остаточных извлекаемых запасов, темпов отбора их из продуктивных горизонтов, от разработки новейших технологических решений, способствующих уменьшению доли неизвлекаемых, остающихся в недрах объемов ресурсов. Определим размер годовой добычи нефти, как

$$\text{ОДС} = \text{ОПС} + \text{ОСР}, \quad (2)$$

где ОДС – объем добычи в год нефтегазового сырья в республике;

ОПС – объем перерабатываемого в год нефтегазового сырья в республике;

ОСР – объем реализуемого (вывозимого) в год без переработки нефтегазового сырья.

Используя выражение (2), можно вычислить время истощения нефтегазового сырья республики из следующего выражения:

$$\frac{\text{ОЗС}}{\text{ОДС}}, \quad (3)$$

где ОЗС – объем запасов нефтегазового сырья в республике.

Технологические мощности по переработке нефтегазового сырья не всегда могут быть оптимально использованы в силу различных причин – устаревшее морально и физически оборудование, не позволяющее вырабатывать продукцию высоких потребительских свойств; хроническое отсутствие сырья; изменение физико-химических характеристик его и т.п. Все эти факторы оказывают влияние на количество и ассортимент продуктов, которые могут быть получены при переработке, и определяются технологически уровнем производств.

Расчетный алгоритм определения эффективности комплексного использования углеводородных ресурсов, сводящийся в единый количественный измеритель исходных данных всех подсистем отрасли – запасов, добычи, экспорта и переработки сырья, предлагается нами реализовать в следующей последовательности. Введем необходимые обозначения:

M – весь ассортимент конечных товарных продуктов, который может быть получен на отечественных перерабатывающих производствах из нефтегазового сырья; m – определенный конечный товарный продукт переработки ($m \in M$), к которому относится товарный ассортимент, полученный по углубленной схеме на нефтеперерабатывающих и нефтехимических заводах, S_m – рыночная стоимость 1-й тонны m -го продукта; V_m – количество m -го продукта, который может быть получен при переработке 1000 тонн нефтегазового сырья.

Используя эти показатели, максимальная сумма поступлений от переработки нефтега-

зового сырья в республике (МСП) может быть определена из выражения

$$\text{МСП} = \left(\frac{\text{ОДС}}{1000} \right) \cdot \sum (C_{\text{пнгс}}^m - K_{\text{пнгс}}^m), \quad (4)$$

$$C_{\text{пнгс}}^m = S_m \cdot \frac{V_m}{1000}, \quad (5)$$

где $C_{\text{пнгс}}^m$ – суммарная стоимость извлекенного ассортимента продукции, исчисленная в ценах мирового рынка;

$K_{\text{пнгс}}^m$ – удельные капитальные затраты при использовании 1000 условных тонн нефтегазового сырья для получения V_m количества m -го продукта.

Сумма реальных поступлений при переработке нефтегазового сырья (СРПП) может быть определена из выражения:

$$\text{СРПП} = \left(\frac{\text{ОПС}}{1000} \right) \cdot \sum (C_{\text{пнгс}}^i - K_{\text{пнгс}}^i), \quad (6)$$

$$C_{\text{пнгс}}^i = S_i \cdot \frac{V_i}{1000}, \quad (7)$$

где $C_{\text{пнгс}}^i$ – суммарная стоимость выпуска i -го продукта;

S_i – рыночная стоимость 1-й тонны i -го продукта;

V_i – количество i -го продукта, который может быть получен при реальной переработке 1000 тонн нефтегазового сырья;

$K_{\text{пнгс}}^i$ – удельные капитальные затраты при использовании 1000 условных тонн нефтегазового сырья для получения V_i количества i -го продукта;

I – реальное множество продуктов, полученных при переработке 1000 тонн нефтегазового сырья, причем $i \in I$ и соответственно $I \in M$.

Сумма поступлений от реализации нефтегазового сырья (СПС) без переработки может быть определена из следующего выражения:

$$\text{СПС} = \text{ОСР} \cdot (C_{\text{нгс}} - K_{\text{нгс}}), \quad (8)$$

где $C_{\text{нгс}}$ – рыночная стоимость 1-й условной тонны нефтегазового сырья;

$K_{\text{нгс}}$ – удельные капитальные затраты на добычу 1-й условной тонны нефтегазового сырья.

Тогда эффективность освоения отечественного нефтегазового сырья может быть оценена из следующего выражения:

$$\varepsilon_{\text{использ. нгс}} = \frac{\text{СРПП} + \text{СПС}}{\text{МСП}} \cdot 100\%, \quad (9)$$

где $\varepsilon_{\text{использ. нгс}}$ – показатель эффективности комплексного использования нефтегазового сырья.

Эффективность освоения нефтегазового сырья оценивается, прежде всего, налоговыми поступлениями в бюджет страны от нефтяных операций, осуществляемых компаниями-недропользователями.

Сумма отчислений в бюджет только от добычи и реализации сырья несоизмеримо меньше суммы отчислений в бюджет в сравнении с вариантом переработки нефтегазового сырья на отечественных перерабатывающих предприятиях.

Предприятия, перерабатывающие нефтегазовое сырье, в подавляющем большинстве своем находятся в структуре интегрированных нефтегазовых компаний. Об этом свидетельствуют, например, следующие факты: ШНОС входит в производственную структуру «Харрикейн Кумколь Мунай», АНПЗ входит в структуру ННГК «Казахойл», а Павлодарский нефтехимический завод находится под управлением АО «Мангистаумунайгаз».

Отечественные добывающие компании, реализующие углеводородное сырье на внешних рынках, имеют низкий показатель эффективности использования нефтегазового сырья, вследствие чего для экономики страны большую значимость представляют интегрированные нефтегазовые компании, имеющие в своей структуре весь цикл процессов, связанных с добычей и преобразованием углеводородов вплоть до перерабатывающих производств.

В то же время добывающие компании могут повышать свой показатель эффективности комплексного использования сырья за счет переработки на предприятиях, находящихся на территории республики. Естественно, что при таком ведении нефтяного бизнеса интегрированные нефтегазовые компании получают определенные преимущества по сравнению со специализированными, что обусловило, например в России, их бурное развитие в 1993–1996 гг.

Эффективность структурных преобразований в нефтегазовой отрасли России, создание и эффективное функционирование российских вертикально-интегрированных нефтегазовых компаний и комплексное использование ими нефтегазового сырья заметно ощущается на рынке Казахстана. К примеру, значительная доля внутреннего рынка Казахстана по некоторым товарным продуктам, получаемым на основе переработки нефтегазового сырья, приходится на импорт из России: около 50% светлых нефтепродуктов, 95% битумов, 90%

смазочных материалов, более 70% синтетических моющих средств (СМС) и пластмассы.

Следует отметить, что становление и развитие российских вертикально-интегрированных нефтегазовых компаний происходило в условиях хронических неплатежей за поставленные нефтепродукты и в условиях снижения мировых цен на нефть. Однако это не помешало их становлению и реанимации нефтегазовой отрасли России. Этот факт свидетельствует о верном пути развития этих структур, а именно реструктуризации отрасли и интеграции производственных структур для эффективного разрешения сложившихся проблем.

Важность структурного совершенствования деятельности подсистем отрасли путем формирования ряда национальных компаний, ориентированных на вертикальную интеграцию, имеет несомненную актуальность на текущем этапе и в ближайшей перспективе. Только такой путь развития позволяет резко повысить эффективность функционирования национального нефтегазового комплекса, увеличивает отдачу от инвестиций, вкладываемых в разведку, добычу и транспортировку углеводородного сырья, позволяет достичь такого состояния валютных поступлений в бюджет страны, при котором колебание мировых цен на сырые энергоносители не будет столь заметно сказываться на их размере.

Одним из возможных и реально достижимых вариантов получения значительного эко-

номического эффекта от комплексного использования нефти и газа в рамках деятельности национальной вертикально-интегрированной нефтегазовой компании «КАЗМУ-НАЙГАЗ» может послужить следующее сравнение результатов противоположного использования сырьевых ресурсов.

Для варианта, предусматривающего использование суммарно жидких и газообразных углеводородов в качестве экспортного ресурса (13 млн т у.т. нефти в год), размер эффекта, из которого исключены все издержки добывающего производства и налоги, составляет более 4,0 млрд долларов США за 15-летний отрезок времени или, примерно, 0,3 млрд долларов США в год.

Переработка такого же объема сырья за тот же 15-летний период, принятый за срок действия соответствующего предприятия нефтегазохимического профиля, позволяет достичь годового экономического эффекта в пределах 1,9–2,0 млрд долларов США.

Таким образом, комплексное использование нефтегазовых ресурсов республики реально влечет за собой получение высоких экономических результатов. В обобщающем виде они могут быть представлены следующим сопоставлением: суммарная оценка выхода продукции по вариантам глубокой переработки нефти и газа может быть в 6–8 раз выше, чем реализация неочищенного продукта.

ПЕНСИОННЫЕ ФОНДЫ УСИЛИВАЮТ СВОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ВЛИЯНИЕ

Тулепбаев К.М.

Пенсионная реформа зашла в своеобразный инвестиционный тупик. Роль инвестиционной деятельности пенсионных фондов растет с каждым годом. А финансовая система Казахстана с конца 2000 года и особенно на протяжении 2001 года столкнулась с проблемой избыточной ликвидности. С начала пенсионной реформы накопительные фонды дружно вкладывались в государственные ценные бумаги. Потом выяснилось, что у правительства дела пошли в гору и новые заимствования на внутреннем рынке его особо не интересуют, а доходность по ценным бумагам Минфина снизилась на столько, что давно не устраивает инвесторов.

Объем пенсионных накоплений на 1 января 2002 г. составил более 1182 млрд 383 млн, или чуть больше \$1,2 млрд [1]. Это говорит о том, что в Казахстане создан и функционирует новый и самостоятельный класс инвесторов в лице накопительных пенсионных фондов. Однако потенциал пенсионных фондов как внутренних институциональных инвесторов не используется в полной мере. В целом за 2001 год пенсионные активы выросли более чем на \$400 млн или на 38,2%. Доля ГНПФ в сумме общих накоплений составляет 32,3%. На начало 2001 года она была 37%. Так же в инвестиционном портфеле НПФ произошло существенное снижение доли государственных ценных бумаг.

Если на начало 2001 года ГЦБ в портфелях пенсионных фондов составляли 74,7%, то на конец года – 62,6%. Это порядка \$700 млн, которые государство, по идее, должно вкладывать в развитие экономики. За 4 года функционирования новой пенсионной системы на индивидуальных пенсионные счета вкладчиков начислен инвестиционный доход в размере более Т49 млрд 478 млн.

Проблемы, которые сегодня испытывает система пенсионного обеспечения: 70% вкладчиков НПФ делают взносы непостоянно или вообще не делают; задолженность предприятий по пенсионным взносам – Т25 млрд; некоторые накопительные пенсионные фонды держат на своих кастодиальных счетах «неработающие» деньги. Хотя в этом плане есть четкие ограничения – фонд не может держать пенсионные деньги свыше трех дней.

На протяжении восьми месяцев 2001 года отмечалась тенденция снижения уровня доходности по ГЦБ, наметившаяся с конца 1999 г. [1]. В августе эффективная доходность по 3-месячным тенговым обязательствам снизилась до 4,79%, по 4-летним тенговым обязательствам – до 8,0%, по 5-летним – до 8,16%. После длительного падения некоторое повышение общего уровня доходности бумаг Министерства финансов наметилось в сентябре 2001 года. Доходность по 3-месячным бумагам снизилась до 5,39%, по 12-месячным – до 7,64%, по 2-летним купонным бумагам – до 11,03%. Средневзвешенная за год эффективная доходность по нотам Национального Банка снизилась в течение года с 9,11% на конец 2000 года до 6,02% на конец 2001 года.

Таким образом, доходность по тенговым краткосрочным обязательствам сроком менее одного года на протяжении большей части 2001 года была ниже уровня инфляции (6,4%), сложившегося к концу года. Такая ситуация была обусловлена как низкой потребностью бюджета в заемных краткосрочных средствах, так и высокой ликвидностью в финансовом секторе экономики страны. Некоторое повышение уровня доходности по ГЦБ в конце 2001 года свидетельствует о стабилизации параметров рынка. Полагаю, уровень доходности по ГЦБ в 2002 году будет также определяться главным образом состоянием бюджета и ликвидностью финансового сектора. Если повышение спроса со стороны пенсионных фондов будет обусловлено обязательностью пенсионных взносов, то ликвидность банковского сектора будет определяться в основном динамикой изменения его ресурсной базы.

Безусловно, если доходность по ГЦБ будет снижаться и дальше, то инвесторы просто откажутся брать эти бумаги. А поскольку среди инвесторов ключевая роль принадлежит пенсионным фондам, то в итоге может получиться, что *правительство своими же руками поставит крест на реформе пенсионной системы и социальной защиты в целом*. Уже сейчас финансовый рынок испытывает острый недостаток в ликвидных инструментах и единственным спасением для средств будущих вкладчиков накопительных пенсионных фондов становится сейчас экспорт пенсионных активов за рубеж, поскольку отечественный бизнес не спешит раскрываться инвесторам. Отметим, что нет ничего хорошего в том, что рынок ГЦБ подошел к критическому рубежу доходности, за которым может последовать массовый отказ инвесторов от приобретения этих бумаг.

Между тем накопительные пенсионные фонды сконцентрировали более одного миллиарда долларов США и это не предел. Обязательно свою положительную роль сыграют тенденции, которые невозможно не учитывать: рост оплаты труда, появление новых рабочих мест, повышение легальности при начислении заработанных плат. Все они прямо или косвенно влияют на размер ежемесячных взносов. Кстати, в настоящее время к общей сумме накоплений пенсионных фондов ежемесячно прибавляется примерно на 4%, которым в нашей стране нет применения. Между тем цельто реформы была ведь не только в механическом накоплении вкладов, но и в их инвестировании, чтобы на долгие годы гарантировать будущим пенсионерам дивиденды. Суть накопительной пенсионной системы – это инвестиции в реальное производство, не в ценные бумаги Минфина или Нацбанка и даже не в банковские депозиты, а именно в те материальные объекты, которые сами не только не потеряют стоимость, но и могут создавать новую стоимость. Скажем, взяли сегодня отчисления от зарплаты вкладчиков пенсионных фондов и вложили их в газопровод или в нефтепромысел, которые и через 20 лет будут рентабельными. Чем солиднее суммы, которыми оперируют накопительные пенсионные фонды, тем очевиднее тезис: финансовый сектор должен развиваться адекватно росту пенсионных активов.

Однако последнее время финансовый рынок не радует появлением новых разновидностей ценных бумаг. На начало 2001 года структура суммарного инвестиционного портфеля пенсионных фондов была традицион-

ной: наибольшую долю составляли ГКО. Причем на краткосрочные ценные бумаги Минфина приходилось 6,25%; на средние и долгосрочные – 68,3%.

На первый взгляд, ничего плохого в этом нет, если считать, что государственные ЦБ в наименьшей степени подвержены коммерческим рискам. Но, во-первых, получается, что инвестиционные портфели фондов недостаточно диверсифицированы. Во-вторых, Минфин преследует прежде всего собственные интересы и поступательно снижает процентную ставку по ГКО, отчего страдает инвестиционная доходность, начисляемая на накопления вкладчиков накопительных пенсионных фондов. То есть вложены в государственный долг и по существу само государство препятствует инвестиционной доходности фондов, а именно выполнению пенсионных обязательств фонда. Такие «накопления» рано или поздно обрушатся.

Серьезные трудности пенсионным фондам создаются в инвестировании еврооблигаций. Если проанализировать суммарный инвестиционный портфель пенсионных фондов, то получается, что более 50% активов вложено в еврооблигации РК (в ГНПФ – более 70%). Однако в 2001 году правительство отказалось выпускать евробонды. И, скорее всего, оно будет и дальше придерживаться политики сокращения внешнего заимствования. Значит, новых предложений ценных бумаг Минфина, номинированных в долларах США и обещающих неплохой доход, ждать не приходится.

Так или иначе, но КУПА не оставляют поисков альтернативных долговых инструментов, и эти поиски пока их не удовлетворяют. Руководители компаний разводят руками: мол, отечественный финансовый рынок не развит, и выбор надежных и ликвидных бумаг на нем слишком ограничен. Очевидно, что облигационный бум, начавшийся в 2000 году, пошел на убыль. Новые эмитенты из числа предприятий практически не появляются. Что касается банков, то им выгоднее привлекать синдицированные займы на международном рынке капитала либо выпускать корпоративные облигации через дочерние компании, создаваемые за рубежом. Банки регистрируют в той же Европе предприятия – SPV (Special Purpose Vehicles), которые берут на себя роль официальных эмитентов. Пенсионным фондам разрешено приобретать облигации SPV в объеме, не превышающем 25% капитала эмитента. Поскольку капитализация SPV зачастую низка, бумаги таких компаний не представляют большого интереса для фондов.

Весьма примечательно, что у пенсионных фондов вскоре появится возможность вложить в акции Народного Банка. Министр финансов Казахстана уже объявил о подготовке продажи пакета, состоящего на 13%+1 акция, негосударственным пенсионным фондам. Однако акции – простые именные, а потому стабильных дивидендов не обещают. Да и объем не такой уж и большой для быстрой растущей НПС. Проглотит – не заметит.

Проблема инвестирования представляется наиважнейшей, ибо финансовый рынок Казахстана все больше развивается под диктовку нарастающих пенсионных активов. Доминирующее положение компаний по управлению пенсионными активами (КУПА) на фондовом рынке угрожает его стабильности. По данным официальной прессы, на начало 2001г. доля КУПА на фондовом рынке превышала 50%, тогда как на банки приходилась лишь 24%, а на остальных участников (в том числе страховые и брокерские компании) – 15%. То есть в случае, если КУПА начнут активно продавать ценные бумаги, остальные участники едва ли смогут уравновесить возросшее предложение за счет собственного спроса. Таким образом, на рынке сложился опасный дисбаланс – облигации, которые стали основным финансовым инструментом в 2000 году, эмитируются непосредственно «под» КУПА, прочие участники фондового рынка не только потеряли свою долю, но и столкнулись со снижением доходности.

Для того чтобы восстановить пошатнувшуюся систему «сдержек и противовесов», в течение 2001 года принимается ряд мер изменить нормативно-правовую базу деятельности инвестиционных фондов с целью создания более выгодных условий их функционирования. Весьма любопытно, если в 2000 году давали суровую отповедь рекомендациям КУПА и пенсионным фондам ускоренными темпами приступать к инвестированию за рубежом, то 31 января 2001 года постановлением Директора НКЦБ был утвержден новый нормативный документ Казахстанской фондовой биржи (KASE) «Правила допуска ценных бумаг международных финансовых организаций к обращению на бирже». Со второго февраля 2001г. правила вступили в силу. В список международных финансовых организаций, чьи бумаги допущены на казахстанскую биржу, вошли:

- Азиатский банк развития (ADB-Asian Development Bank),
- Африканский банк развития (ADB – African Development Bank),

- Банк международных расчетов (BIS – Bank for International Settlements),
- Европейский банк реконструкции и развития (EBRD – European Bank for Reconstruction and Development),
- Исламский банк развития (ISDB – Islamic Development Bank),
- (IADB – Inter-American Development Bank),
- Международная финансовая корпорация (IFC – International Finance Corporation),
- Международный банк реконструкции и развития (IBRD – International Bank for Reconstruction and Development).

К продаже на KASE в качестве починка с 3 февраля 2001г. допущены еврооты Международного банка реконструкции и развития, именного зачастую не совсем точно Всемирным Банком. Любопытно, что маркетмейкером по евроотам выступает ЗАО «Государственный накопительный пенсионный фонд».

Теперь накопительные пенсионные фонды могут с полным основанием считать себя глобальными инвесторами – ведь упомянутые организации ведут свои операции по всему миру. Казахстан отныне – экспортер не только сырья, но и капиталов, причем не теневых, а вполне легальных – пенсионных. Ежегодно будущим пенсионерам вполне по силам скупать иностранные ценные бумаги примерно на 250 млн долларов США, и это в то время, когда страна берет займ у зарубежных финансовых фирм.

Особо следует отметить, что с 10 июля 2001 года введено в действие постановление НКЦБ РК от 20 апреля 2001 года №107 «О внесении изменений и дополнений в постановление Национальной комиссии Республики Казахстан по ценным бумагам «О нормативных правовых актах по вопросам компаний по управлению пенсионными активами» от 13 августа 1998 года №11», которым изменены нормы, регулирующие инвестирование пенсионных активов. И нормативный акт устанавливает следующее:

1) разрешить компаниям по управлению пенсионными активами (КУПА) инвестировать пенсионные активы негосударственных накопительных пенсионных фондов (ННПФ) в ипотечные облигации, установив минимальный лимит такого инвестирования на уровне 5% и условие, что эти облигации должны быть включены в официальный список ЗАО «Казахстанская фондовая биржа» вне зависимости от категории листинга;

2) увеличить для компаний по управлению пенсионными активами максимальный лимит на приобретение негосударственных ценных бумаг организаций Республики Казахстан за счет пенсионных активов ННПФ с 40 до 45%;

3) увеличить для КУПА максимальный лимит на приобретение негосударственных ценных бумаг иностранных организаций за счет пенсионных активов ННПФ с 10 до 15%.

Полагаю, теперь доля государственных ценных бумаг в портфелях накопительных пенсионных фондов может составить менее 50%, что в принципе будет справедливо, учитывая их снижающуюся доходность, – доходность по государственным ценным бумагам уже не достигает уровня инфляции.

Долгоиграющим инструментом может стать ипотечная облигация. Созданная специально под этот рынок «Казахстанская ипотечная компания» обращает внимание на перспективность инвестирования в ипотечные ценные бумаги. Она планирует две формы выпуска облигаций: купонные и дисконтные. Купонные будут двух видов – с фиксированной и плавающей ставкой вознаграждения, сроком обращения до 7–10 лет. Дисконтные облигации будут выпускаться на более короткие сроки – до 12 месяцев. Насколько популярными будут эти бумаги среди пенсионных фондов, покажет будущее.

Несмотря на все эти принимаемые меры по решению проблемы дефицита финансовых инструментов, в своем Послании народу Казахстана на 2002 год Президент страны Н.Назарбаев сделал вполне обоснованное жесткое заявление, что «Пенсионные фонды, накопившие уже более одного миллиарда долларов, не имеют ни высокодоходных объектов для вложения средств, ни адекватного разнообразия финансовых инструментов. Почему? Потому, что работа по созданию фондового рынка, по существу, провалена. Внятных предложений по решению этих проблем от Правительства и Нацбанка мы не видим, хотя задача ставится из года в год» (Казахстанская правда, 4 сентября 2001г.).

Действительно, большинство предприятий страны не готово к активному выходу на фондовый рынок для привлечения финансовых ресурсов, а правительство не использовало потенциал национальных компаний как эмитентов ценных бумаг. Из общего объема пенсионных активов, составляющих более одного миллиарда долларов США, в казахстанские корпоративные ценные бумаги инвестировано

порядка 280 млн долларов, в то время как с учетом ограничений законодательства в данные инструменты можно было бы инвестировать еще около 140 млн долларов [2]. Таким образом, имеет место недостаток отечественных негосударственных акций и облигаций.

Причина сложившейся ситуации обусловлена несколькими факторами. Как известно, пенсионные активы могут быть размещены в негосударственные акции и облигации только при условии включения последних в официальный список ЗАО «Казахстанская фондовая биржа» (KASE) по категории «А». Листинговые требования KASE, прежде всего, включают условия прозрачности и раскрытия информации о хозяйственной деятельности эмитентов. Однако многие потенциальные эмитенты в целях снижения расходов по налогам используют «двойную бухгалтерию» и процедура листинга для них совершенно не привлекательна, то есть отечественный бизнес не желает раскрываться инвесторам и становится прозрачным. К тому же в финансовом отношении выполнение листинговых требований доступно только для наиболее крупных и стабильных эмитентов.

В отношении акций существует еще один негативный фактор: нежелание собственников крупных пакетов акций терять контроль над компанией и соблюдать принципы корпоративного управления. Учитывая данные факторы, можно утверждать, что перечень эмитентов, чьи акции и облигации включены или могут быть включены в категорию «А» официального списка KASE, почти исчерпан и не будет быстро увеличиваться.

Практически рынок данных ценных бумаг будет активизироваться в основном за счет повторных выпусков ценных бумаг эмитентами, уже освоившими данный способ привлечения инвестиций. Кроме того, при решении проблемы дефицита финансовых инструментов, в которые разрешено инвестировать пенсионные активы, не следует упускать из виду важнейшую задачу накопительной пенсионной системы: обеспечение сохранности и доходности пенсионных накоплений. Следовательно, риски при инвестировании пенсионных активов должны оставаться минимальными. Тем не менее примечательно, что перечень финансовых инструментов, разрешенных к приобретению за счет пенсионных накоплений, дополнился путем включения в него ипотечных облигаций.

Автор полностью разделяет мнение [2] и считает, что решение проблемы дефици-

та финансовых инструментов в Нацбанке может быть достигнуто по следующим направлениям:

1) срочно осуществить вывод на фондовый рынок государственных пакетов акций национальных компаний и «голубых фишек», а именно до 1/3 их голосующих акций для инвестирования пенсионных активов путем их включения в официальный список по категории «А» KASE. Впрочем, в прессе сообщалось о заинтересованности ряда министерств и ведомств в подобном решении;

2) снижение требования по рейтинговой оценке ценных бумаг и иностранных эмитентов, допущенных к приобретению за счет пенсионных активов, а именно: снизить рейтинговые ограничения до уровня не ниже «А» по классификации «Standard & Poor's» или «Moody's», с последующим установлением следующих лимитов инвестирования:

- до 10% - в ценные бумаги иностранных корпоративных эмитентов не ниже уровня «AA» по классификации «Standard & Poor's» или «Aa2» по классификации «Moody's»;

- до 10% - в ценные бумаги иностранных корпоративных эмитентов не ниже уровня «А» по классификации «Standard & Poor's» или «Moody's»;

3) возможность расширения перечня банков второго уровня, на депозиты (в депозитные сертификаты) которых разрешено размещать пенсионные активы, путем установления новых критериев определения финансовой устойчивости и надежности таких банков;

4) постепенное увеличение лимитов размещения пенсионных активов в негосударственные ценные бумаги казахстанских эмитентов, имеющих рейтинговую оценку от одного из ведущих международных рейтинговых агентств на уровне странового рейтинга Казахстана;

5) увеличение норм диверсификации на одного эмитента, чьи ценные бумаги входят в официальный список KASE по категории «А», при наличии у него более высокой рейтинговой оценки.

При сегодняшнем тяжелом социально-экономическом положении, когда страна нуждается в инвестиционных средствах, на мой взгляд, фондам как акционерным обществам необходимо разрешить заниматься предпринимательской деятельностью, скажем, на 10–15 процентов от пенсионного взноса и инвестиционного дохода. Такой фонд мог бы заниматься выпуском продукции и товаров первой необходимости и обес-

ОСОБЕННОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПОСЛЕДСТВИЙ
ТОТАЛИТАРНОЙ ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Касымова А.К.

В настоящее время исследования особенностей преодоления последствий тоталитарной этносоциальной политики в Республике Казахстан представляют собой большую актуальность. В нашей научной литературе данная проблема малоисследованна, хотя имеется достаточно работ, близких к данной теме, ряда авторов, как Абдулатипова Р.Г., Абсаттарова Р.Б., Абдильдина Ж.М., Байтеновой Н., Калмырзаева К.Б., Кусербаева К.Е., Нысанбаева А.Н., Романовой Н.В., Сарсенбаева Т.С., Сыроежкина К.Л., Татимова М.Б. и других.

В настоящей статье предпринята попытка раскрыть наиболее характерные черты ошибок и недостатков тоталитарной этносоциальной политики и меры по преодолению ее последствий за десятилетие независимости Республики Казахстан.

В тоталитарное советское время в этносоциальной политике был допущен ряд идеологических, теоретических, практических, социально-экономических и политических ошибок, хотя, конечно, нельзя отрицать то, что были определенные положительные моменты, связанные с попыткой решения национального вопроса, оставшегося в наследство от царской России [1].

Большевики, установив советскую власть, в 1917 году издали Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа России, где провозглашалось равенство и право на самоопределение народов. Однако Ленин решение национального вопроса связывал с федерацией. «Отношение к федерации, — писал Ленин, — дело не принципа, а конкретного факта» [2]. Это означало то, что федерация (и, следовательно, национальная государственность) принимается не ради самой себя, не в качестве абсолютного принципа, а как средство, как известная государственно-правовая мера, оказавшаяся при данных конкретных условиях.

Известно, что национальный вопрос понимается как отношение национального неравноправия, деление наций (рас, племен, религиозных групп и т.п.) на привилегированные и неполноправные, на великодержавные, угнетенные, колонизированные, это, наконец, атмосфера национальной розни, национальных распрей, вражды и подозрений на национальной почве, закономерно возникающих под воздействием первых двух факторов (неравноправия, т.е. режима национальных привилегий и национальной дискриминации, и фактического неравенства наций в доступе к экономическим и культурным ценностям и п.). Объявление федерации как решение национального вопроса изначально было ущербным, узким. Ленин указывал: «Автономия есть наш план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделение мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национально-го сожительства, что иногда больше связи получается после свободного отделения».

Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма» [3]. Таков был, во-первых, большевистский подход в организации национальных форм государственности в форме федерализма, где господствовала иерархия, что означает неравноправие и соподчиненность их друг другу, тогда, когда можно было бы объединиться в условиях конфедерализма. Во-вторых, господство обобществленной государственной собственности и чрезмерная централизация привели к пренебрежению экономических интересов республик (93% произведенной продукции в Казахстане порождался центр). В-третьих, руководство тоталитарного государства зажимало и запрещало всякое другое обсуждение проблем

печить ими многодетные семьи, инвалидов, находящихся в пансионатах или местах лишения свободы, и т.д. Можно было бы оживить производство в «Обществе слепых и глухонемых», местах лишения свободы, сельской местности, в школах, вузах и т.д.

Безусловно, производственная деятельность всегда сопряжена с финансовыми рисками, особенно в условиях сложной экономической ситуации. Поэтому при производственной деятельности накопительным пенсионным фондам строго руководствоваться главой 7 «Совершение крупных сделок» и главой 8 «Заинтересованность в совершении обществом сделки» Закона Республики Казахстан «Об акционерных обществах» от 10 июля 1998 года № 281 – ІЗРК.

Вложение денег пенсионных фондов в устойчивую группу явилось бы наименее рискованным и наиболее надежным, перспективным, социально важным делом. Сейчас в мировой иерархии цивилизационно-экономического развития лидируют развитые страны, являющиеся производителями наукоемкой продукции. Вторую ступень занимают страны, которые импортируют ноу-хау и выпускают дешевую продукцию массового потребления (Китай). И самую нижнюю аутсайдерскую ступень занимают импортеры готовой продукции, одновременно экспортирующие сырье (Казахстан, африканские и прочие бананово-кокаиновые страны).

Ясно одно, необходимо прорываться на высшую ступень – сделать ставку на инновационный наукоемкий производственный бизнес, с согласия учредителей. Пенсионные активы являются внутренним источником заимствования. И прежде чем искать зарубежных инвесторов, эти долгосрочные заемные средства государством должны быть направлены на поддержку отечественных товаропроизводителей. Для этого за счет заемных средств накопительных пенсионных фондов предусмотреть реализацию конкретных наукоемких инвестиционных проектов через бюджет, то есть, *правительство занимает деньги у пенсионных фондов и направляет их на реализацию отечественных проектов и программ. При этом возврат средств пенсионным фондам гарантируется бюджетом.* Кроме того, задействовать и банки

второго уровня, чтобы и они тоже выступали бы гарантами перед пенсионными фондами, финансирующими приоритетные, эффективные проекты и программы.

Но, к сожалению, в механизме функционирования финансовой системы в практическом аспекте имеет место непростительная досадность. Так, в настоящее время в республике через бюджет за счет займов Всемирного Банка, Азиатского Банка развития и других зарубежных финансовых институтов реализуется более 26 инвестиционных проектов [3]. При реализации этих инвестиционных проектов тендеры на осуществление строительно-монтажных работ и других видов услуг выигрывают зарубежные фирмы. Следовательно, заемные средства в основном используются для финансово-хозяйственной поддержки зарубежных фирм. А если мы для реализации проектов использовали бы активы накопительных пенсионных фондов, тогда реальные деньги использовались бы для поддержки отечественных товаропроизводителей. Это новые рабочие места, новая налоговая база и тем самым поступление дополнительных средств в бюджет.

Сказанное позволяет сделать вывод, что в целях повышения эффективности расходования пенсионных средств необходимо развитие системы государственных гарантий под высокоэффективные и быстроокупаемые проекты для привлечения пенсионных средств и с этой целью – принятие государством на себя части инвестиционных рисков, в том числе их диверсификации с частным капиталом.

В контексте рассматриваемой проблемы полезно будет процитировать характеризующие финансовый потенциал накопительных пенсионных фондов США «В свое время именно благодаря Пенсионному Фонду США выдержали гонку вооружения с СССР. Но не просто черпали из казны фонда, а брали под проценты и расплачивались по законам рыночной экономики» (газета «Рабочая трибуна» №101, 1996 г.).

В заключение к вышеизложенному следует добавить, что проблема неразвитости фондового рынка и отсутствия объектов реального накопительного инвестирования – это проблема правительства.

Литература:

1. За прошлый год пенсионные активы, вложенные в депозиты банков второго уровня, возросли в шесть раз // Панорама, № 3, 25 января 2002г.
2. Лучшие инвестировать, чем говорить // Республика, № 37, 27 сентября 2001г.
3. Финансовая система и реальная экономика // Деловая неделя, № 4, 9 февраля 2001г.

межнациональных отношений, формулируя это тем, что национальный вопрос решен окончательно и бесповоротно. «Единство многонационального советского народа, – говорил Л.И. Брежнев в докладе «50 лет великих побед социализма» – прочно, как алмаз. И как алмаз переливается многоцветьем граней, так и единство нашего народа сверкает многообразием составляющих его наций, каждая из которых живет богатой, полнокровной, свободной и счастливой жизнью» [4]. В-четвертых, идеологическая формулировка о том, что формировалась новая историческая форма общности людей – советский народ – была забеганием вперед, преждевременной. Такая категоричность, несомненно, привела к игнорированию этносоциальных ценностей – национальной культуры, обычаев, традиций и т.д. [5]. В-пятых, в последние годы советской власти было выдвинуто теоретическое положение о том, что в СССР национальный вопрос решен в той форме, в какой он достался в наследство от царской России. Это была корректировка прежней теории национальной политики об окончательном решении национального вопроса в СССР. Но о наличии противоречий в межнациональных отношениях не было никакого признания. О них было сказано лишь в горбачевское время. Однако уже было поздно, начался распад СССР. В-шестых, пропагандировалась неверная теория о том, что в будущем произойдет слияние наций и формирование единого всемирного языка. Русский язык был объявлен языком межнационального общения и игнорировались языки различных этнических общностей, проживающих в СССР.

В результате распада СССР и обретения независимости в Республике Казахстан была разработана новая концепция этносоциального регулирования и преодоления последствий тоталитарного режима, что закреплено в Конституции Республики Казахстан и в других законодательных документах. В них, прежде всего, предусматривались: отношения к русским и русскоязычным, к малочисленным этническим общностям; создание культурно-национальных центров в Республике Казахстан, Ассамблеи народов Казахстана; улучшение языковой ситуации и социального развития населения и другие.

Согласно переписи населения Казахстана 1999 года, казахи составили около 54% (8 млн), а русские – почти 30% (5 млн) населения республики. Это означает, что за десяти-

летие доля казахов увеличилась на 14%, а русских сократилась на 8%.

Одной из причин сокращения русских в общем количестве населения Казахстана является их массовый отъезд в Россию в течение всех 90-х гг. Выбывшие русские, немцы (в Германию) и других этнических групп из Казахстана привело к общему сокращению населения. Эмиграцию русских из Казахстана Россия рассматривала и рассматривает как ухудшение их положения в нашей стране, хотя в отношении русских не было дискриминации. Несмотря на это продолжались и продолжают требования о предоставлении двойного гражданства для русскоязычного населения, а также придания статуса государственного русскому языку.

Русские в Центральной Азии всегда были «старшими братьями». У многих еще сохраняется чувство культурного «превосходства», которое глубоко задевает достоинство соседей. А коренные жители часто испытывают такое отношение русских. А это сказывается на межгосударственных отношениях по проблемам границ, энергетических комплексов, технологической преемственности.

Как показывает наше исследование, положение некоторой части русских вызывает ряд сложностей, связанных с требованиями создания автономий или репатриации на историческую родину. Другая часть постепенно приспосабливается к казахстанскому обществу при сохранении национальной самобытности. Об ассимиляции русских пока говорить не приходится, потому что у них слишком сильные различия в культуре, традициях, религии, языках и прочие между коренными и некоренными. Среди них язык является главной причиной напряженности, который был символом старшинства русских в регионах. Теперь основная масса русскоязычных опасается установления этнократии, что пока не имеет никакого основания. Между Казахстаном и Россией достигнут ряд соглашений о защите прав русскоязычного населения. В 1997 году был подписан с Россией Договор о вечной дружбе. Тем не менее не были поддержаны требования о двойном гражданстве и придания русскому языку статуса государственного. Остаются еще некоторые другие нерешенные вопросы, которые требуют специального решения.

Большое значение имели принятые государством меры по регулированию взаимоотношений малочисленных этнических общностей, проживающих в Казахстане. Был при-

нят Закон «О реабилитации жертв массовых репрессий», в соответствии с которым реабилитированы репрессированные малочисленные группы в Казахстане в период тоталитарного режима. В октябре 1993 года Правительством Казахстана было принято постановление, которое предусматривало реализацию комплексной программы этнического возрождения немцев, проживающих в Казахстане. Вышло также постановление по реабилитации крымских татар, чеченцев, корейцев, поляков, курдов.

1 апреля 1995 года Указом Президента Республики Казахстан был образован Государственный комитет по национальностям. Его основные цели заключаются в следующем: выработка научных концептуальных основ национальной политики; разработка конкретных мер по сохранению и укреплению межнационального согласия; выработка предложений по духовному возрождению; развитие государственного языка – реализация конкретных мер по созданию благоприятных условий для употребления государственного языка в повседневной практике, совершенствование всех других языков различных этнических групп, проживающих в Казахстане [6].

Государственный комитет по национальностям был призван проводить дружественные вечера, поддерживать связь с исторической родиной, доводить до сведения правительства просьбы и пожелания малочисленных этнических групп суверенного Казахстана. В работу Госкомнац вошло налаживание контактов со всеми культурно-национальными центрами, а также с политическими партиями, общественными движениями, которые зарегистрированы в республике.

Благодаря политике культурно-национальных центров, малочисленные этнические группы, покинувшие пределы Казахстана, с теплотой и благодарностью вспоминают казахскую землю, неизменно подчеркивая свои казахстанские корни. Выступая за расширение экономических связей республики с другими государствами, культурно-национальные центры сами в то же время поддерживают тесные взаимоотношения со своей исторической родиной: ведут переписку, постоянное снабжение информацией, позволяющие распространить правду о нашей стране в ближнем и дальнем зарубежье; распространяются печатные материалы на разных языках, присылается техника из Германии, Польши, Израиля, Украины и Беларуси.

В Казахстане проживает около шестидесяти тысяч поляков. Во время культа личности Сталина с западных районов Украины и Белоруссии [7] насильственным путем были переселены сотни тысяч польских семей. Польский народ обвинялся в антисоветской деятельности, направленной на подрыв политического строя. Переселяясь в необжитые места Казахстана, многие люди гибли. И только благодаря добродушному казахскому народу, польские переселенцы сумели выжить на первых порах в экстремальных условиях. Польским культурно-национальным центром велась и ведется активная деятельность по возрождению польской малочисленной этнической группы в Казахстане. В одиннадцати школах Казахстана изучается польский язык. Из-за границы в Казахстан выехало тридцать преподавателей польского языка. На вечерах польского культурно-национального центра проводились встречи людей, желающих больше узнать о своей истории, традициях, обычаях. Значительную помощь оказывала Польша. Помимо финансирования культурно-национального центра, велось широкое снабжение оборудованием и техникой [8].

В 1992 году Постановлением Президента Н.А. Назарбаева было принято вполне справедливое решение реабилитировать чечено-ингушское население Республики Казахстан, создать благоприятные условия для культурного развития этих малочисленных этнических групп.

В начале девяностых годов в Казахстане проживало около 35 914 тысяч чеченцев и ингушей, объединившихся вокруг чечено-ингушского центра «Вайнах», цель которого – развитие языка, культуры, обычаев, традиций своего народа на территории Казахстана.

В 1944 году Казахстан принял несколько десятков тысяч людей турецкой национальности, подвергнувшегося жестокому гонению тоталитарным режимом. Сталинское тоталитарное руководство страны подозревало турецкий народ в шпионаже против советского государства. В 1993 году численность турецкой малочисленной этнической группы составляло около 49 567 тысяч человек [9], проживающих в основном в Алматинской области, язык, культура, обычаи которых чуть не вымерли. В связи с укреплением дружественных отношений между Казахстаном и Турцией улучшается положение

ние турецкой малочисленной этнической группы. Сейчас положение резко изменилось. Благодаря финансовой поддержке Турции, отсутствию национальной дискриминации в Казахстане и политике турецкого культурно-национального центра, турецкая малочисленная этническая группа постепенно приобретает все условия для саморазвития. В Казахстане содержится около десятка школ на турецком языке. Каждый год для учебы в Турцию отправляются казахстанские студенты, в том числе и дети турецкой национальности.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 года были отменены ограничения прав этнических немцев. В марте 1989 года, по инициативе казахстанских немцев, был создан филиал общественной организации этнических немцев «Возрождение». В целях дальнейшего развития казахстанских немцев были выдвинуты следующие предложения: учреждение школы немецкого языка по интенсивному курсу; открытие дополнительных отделений в вузах для преподавания литературы и истории этнических немцев; обеспечение лучших условий для сохранения немецкой самобытности; включения в программы казахского радио и передач на немецком языке; создание центров встреч и клубов для этнических немцев. Многие из этих требований Правительством Казахстана были выполнены.

В Казахстане регулярно выходит журнал «Феникс», развиваются туристические контакты, ведется обмен учащимися и педагогами. В местах компактного проживания этнических немцев учреждаются немецкие школы, вводится преподавание родного языка в детских садах. Впервые с конца восьмидесятых годов на радиовещании и телевидении Казахстана стали появляться программы на немецком языке. Активную работу по возрождению казахстанских немцев проводит немецкое культурное общество «Хаймат» [10].

В Казахстане есть еще белорусский, корейский, дунганский, украинский, уйгурский, татарский культурно-национальные центры. Они функционируют как республиканские, региональные, городские центры, занимающиеся культурными вопросами малочисленных этнических групп.

Правовые гарантии и уважительное отношение ко всем употребляемым в республике языкам защищает неотъемлемое право граждан любой национальности на развитие своего языка и культуры [11].

В настоящее время в Казахстане как родной изучается язык двенадцати национальностей и народностей, разработано пятнадцать учебных программ для школ и классов по изучению национальных языков. Постепенно снижается драматический характер языковых проблем прошлого. Однако пока налицо беспокойство казахов за состояние и судьбу своей культуры и, прежде всего, языка.

В настоящее время на достаточном уровне казахским языком владеют (могут свободно изъясняться и читать) порядка 50,4% от всего взрослого (старше 18 лет) населения республики. При этом могут свободно писать на государственном языке 36,4% респондентов. 34,0% опрошенных практически не владеют казахским языком [12].

Не владеют государственным языком 29,2% госслужащих, принявших участие в опросе. Из них большая часть (20,5%) понимает только отдельные фразы и 8,6% не владеет государственным языком совсем. 21,8% респондентов русской и 21,9% других национальностей абсолютно не знают государственного языка. В то же время государственные служащие данных категорий (55,1% русские и 41,0% другие) ответили, что, не владея государственным языком, они понимают отдельные фразы. Больше всего владеет государственным языком госслужащие на юге (60,5%) и меньше всех на севере (16,5%) [13].

Одним из источников определенного межнационального противоречия является доминирование одного типа двуязычия – национально-русского. Потому что длительное время существовало идеологическое и научное обоснование базальтернативного (одностороннего) двуязычия, в котором нерусскоязычный овладевал русским, а русский, как правило, не ощущал необходимости овладения другим языком.

1 марта 1995 года Указом Президента Республики Казахстан была образована Ассамблея народов Казахстана, призванная стать активной политической, консолидирующей силой общества [14]. Она создана для того, чтобы принять самое деятельное участие в решении всех задач по национальной политике на уровне государственного управления и регулирования.

Ассамблея вырабатывает на основе оценки событий и прогнозов политической ситуации в республике практические рекомендации, обеспечивающие консоли-

дацию общества. В целом деятельность Ассамблеи направлена на решение следующих задач: содействие сохранению межнационального согласия и стабильности в стране; выработка предложений по проведению государственной политики, способствующей развитию дружественных отношений между представителями национальностей, проживающих на территории Казахстана, содействие их духовно-культурному возрождению и развитию на основе соблюдения принципа равноправия; поиск компромиссов для разрешения возникающих в обществе социальных противоречий [15].

Литература

1. Казахстан в составе Союза обрела форму национальной государственности как Казахская ССР, хотя во многом она была формальной. Как правильно, на наш взгляд, подчеркивает Т.С. Сарсенбаев, «считать, что за этот отрезок времени у казахов не было ничего государственного, нельзя». (Сарсенбаев Т.С. Культура межнационального общения. – Алматы: Ана тілі, 1998. – С.72 (24). Общеизвестно, что в Советское время национальная государственность существовала (хотя урезана) в следующих 4-х формах: 15 союзных, 20 автономных, 8 национальных округов, 10 национальных областей, всего 53 национально-государственных образований.
2. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.48. С.45.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.48. С. 235.
4. Брежнев Л.И. Пятьдесят лет великих побед социализма. М., Политиздат. 1967. С. 24.
5. Однако мы далеки от сплошного охаивания прошлого, следует признать то, что за годы советской власти в национальных окраинах достигнуты большие успехи в области науки и образования. Это является предметом особого разговора.
6. Указ Президента РК об образовании Государственного комитета по национальностям. Советы Казахстана. 1 апреля 1995 г.
7. За мир и согласие в нашем общем доме. Материалы Первой сессии Ассамблеи народов Казахстана. Алматы: Казахстан, 1995. С. 51.
8. Там же. С. 119.
9. Демографический ежегодник Казахского Государственного комитета РК по статистике и анализу. Алматы 1996. С. 86.
10. См. За мир и согласие в нашем общем доме. Материалы Первой сессии Ассамблеи народов Казахстана. Алматы: Казахстан. 1995. С.109.
11. Закон Казахской ССР о языках в Казахской ССР. А. Казахстан. 1989. Закон о языках Республики Казахстан. Казахстанская правда. 11 июля, 1997.
12. Шаймерденов Е., Шаукунова З. Языковая ситуация в РК (по данным социологического исследования). Саясат. №1. 2001.
13. Шаймерденов Е., Шаукунова З. Языковая ситуация в сфере государственного управления в РК (по результатам социологического исследования).// Саясат. №5. 2001. С.43.
14. За мир и согласие в нашем общем доме. Материалы Первой сессии Ассамблеи народов Казахстана. Алматы:Казахстан, 1995. С.45.
15. Положение об Ассамблее народов Казахстана от 1 марта 1995. С.2.

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И ОСОБЕННОСТИ ЕГО РЕГЛАМЕНТАЦИИ В ПОСТТОТАЛИТАРНЫЙ ПЕРИОД

Машан Б.С.

Политический процесс как функциональная характеристика политической системы общества в различных исторических условиях, в различных регионах и странах имеет свою специфику протекания, особенности регламентации, инвариантность развертывания и направленность. В данной статье нам бы хотелось подробнее остановиться на особенностях регламентации и специфике политического процесса в посттоталитарный период, то есть на тех системных переменных, которые происходят на постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане, а также роли в этом государства.

Описывая политический процесс в посттоталитарный период, мы неизбежно должны затронуть вопрос оснований классификации рассматриваемого явления. В связи с этим стоит упомянуть, что выбор основания зависит от точки зрения исследователя и цели, которую преследует он на данный момент. Выше цель исследования обозначена, а, говоря об основаниях классификации, хотелось бы привести близкую нам точку зрения А.Шутова, утверждающего, что по характеру функционирования общества (стадии общесовременного прогресса, на которой находится рассматриваемое государство) политический процесс может протекать в традиционном либо вставшем на путь модернизации обществе, а по состоянию общества (способу и специфике функционирования политических институтов и механизмов, стилю политического поведения субъектов политического процесса) последний подразделяется на стационарный и переходный типы [1].

На современном этапе казахстанское общество, имея определенные черты традиционности, не является таковым в полном смысле этого слова, так как характерные для подобного общества некоторый предел роста выработки продукции на душу населения (по У.Росту), преобладание аграрного сектора в экономике, внеэкономическое принуждение, отсутствие развитых социальных коммуникаций, отсутствие у социума ярко выраженных политических интересов, фаворитизм,

значительная роль армии в реализации политических целей властвующих отсутствуют. Общество, не являющееся традиционным как таковым, но готовящееся вступить (вступающее) в индустриальную (а затем и в постиндустриальную) стадию своего развития, неизбежно должно пройти определенный переходный период. В то же время несомненным является тот факт, что внутри- и межсистемная трансформация казахстанского общества перешли границы, за пределами которых лежат изменения, фиксирующие то, что политическая система функционирует уже в режиме переходного политического процесса. Обобщая сказанное, можно утверждать, что посткоммунистическая трансформация политической системы Казахстана происходит в режиме модернизационного политического процесса переходного типа.

Необходимо, на наш взгляд, упомянуть, что развитие политической системы происходит в виде двух диалектически взаимосвязанных форм: линейной и циклической. Циклическое развитие можно рассматривать в виде повторяющегося круговорота (но каждый раз на более высоком уровне), когда линейное развитие предстает как один оборот цикла. В то же время данное линейное развитие представляется возможным рассматривать как имеющее прямолинейный, необратимый характер, основными компонентами которого являются формирование – расцвет – упадок политической системы. По мнению авторов книги «Политический процесс: вопросы теории», «...период формирования подразделяется на два этапа: возникновение и становление политической системы. Возникновение новой политической системы проходит в свою очередь две фазы: скрытую и явную. Скрытая фаза характеризуется тем, что в недрах старой политической системы появляются новые элементы и силы, происходит их количественный рост. Явная фаза отличается тем, что новые силы и элементы образуют новую или модернизированную структуру, через которую выражается новая социальная природа политической системы.

Возникновение новой политической системы включает в себя единство двух встречных процессов: а) разъединения, разобщения и оппозиции элементов старой политической системы, сил, ее поддерживающих, и сил, чье свободное движение она сковывает; б) соединение нарождающихся, новых и позитивных старых элементов, объединение более или менее широких социально-политических сил, прогрессивному движению которых препятствуют наличные структуры политической системы» [2]. На наш взгляд, исходный пункт возникновения новой политической системы и является началом переходного периода.

По мнению Ф.Шмиттера, «...начало процесса демократического перехода – тот исторический момент, когда участники (акторы) политического процесса осознают, что старый режим больше не может служить основой их действий. В свою очередь, завершение процесса перехода определяется невозможностью возвращения к исходному состоянию, а если точнее, то переход заканчивается, когда политические акторы отдадут себе отчет в необратимости произошедших перемен» [3].

Основной чертой этого периода является наличие в политической системе субъектов противоборства, олицетворяющих старые силы традиционализма, с одной стороны, и новых социально-политических агентов изменения, с другой стороны. Данные противоречия и являются своеобразным «двигателем» политического процесса. Подобная ситуация возникает в тот момент, когда старая система исчерпала свои потенции и ее перестройка ведет не к внутри-, а к межсистемным переменам, не к ее укреплению, а к ее преобразованию. Новая политическая система, возникнув, должна еще укрепиться и обрести устойчивость, так как старое в ней еще сильно, а новое только набирает силу, а до этого момента ее существование довольно проблематично. Это состояние и называют переходным периодом, который «есть не что иное, как процесс окончательного разложения, упадка старой политической системы, смены ее ведущих структур, поиска образа будущего и утверждения новых отношений, норм, ценностей. Он представляет собой особую динамическую систему, имеющую свое устройство, механизмы функционирования, методы регулирования и границы протяженности» [4]. Временной континуум периодов перехода сильно размыт и зависит от мно-

гих переменных, он может продолжаться от нескольких лет («шоковая терапия») до жизни нескольких поколений (эволюционное развитие). Интересно в данном случае подерживаемое Е.Мачкувым мнение Х.Линца, А.Степана и Р.Гантера о том, что самой важной переменной, объясняющей ход посткоммунистического развития, является природа свергаемого старого режима [5]. В данном случае, на наш взгляд, имеется в виду, что посткоммунистическое развитие является по сути своей посттоталитарным, из чего вытекает необходимость различать концептуально тоталитаризм и авторитаризм. Тоталитаризм с его претендующей на абсолютную истину идеологией всячески стремится к подавлению любого проявления плюрализма, личной свободы при видимой политической активности населения. Авторитаризму же свойственны лишь ограничение плюрализма, выраженная апатия населения в политической сфере, склонность к традиционализму. На основании вышесказанного можно заключить, что переход от авторитаризма к демократии, в отличие от посттоталитаризма, происходит более плавно, так как в авторитарном государстве, хоть и в усеченном виде, но все же присутствовали элементы гражданского общества и более или менее развитая рыночная экономика. Л.Бальцеревич по этому поводу отмечал, что масштаб необходимых изменений, затрагивающих сферы и политики, и экономики в поставторитарных государствах, был значительно меньше, чем в постсоциалистических странах, поскольку в Центральной и Восточной Европе (что применимо и к постсоветскому пространству – прим. Машан Б.С.) капитализм в свое время был разрушен, а не просто реформирован [6]. Об этом же говорит Е.Мачкув в своей работе «Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы концепции, периодизация», красной нитью в которой проходит идея о различии по сути демократизационных процессов в поставторитарных государствах Южной Европы, Латинской Америки и Восточной Азии и посттоталитарных странах Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Автор справедливо отмечает, что одной из главных задач посттоталитарной системной трансформации является создание как можно более благоприятных условий для формирования, быстрой институционализации и утверждения автономных политичес-

ких и социальных игроков. Должны возникнуть плюралистические партийные системы и структуры гражданского общества. При поставторитарном же переходе требуются лишь перестройка и консолидация уже существующих политических институтов и гражданского общества. Там же автор указывает на четыре особенности посттоталитарной системной трансформации, среди которых:

1. Так называемая «дилемма одновременности». В отличие от демократизационных процессов, происходивших в прошлом (автор имеет в виду поставторитарное развитие определенных стран – прим. Машан Б.С.), посткоммунистическая демократизация затрагивает не только сферу политики. Должны быть преобразованы все стороны функционирования общества, включая детерминированные культурой склад ума и образ жизни, экономические основы и – конечно – политику.

2. Требуется создание «класса» владельцев собственности в надежде, что возникшее в результате членение общества на богатых и бедных относительно быстро приведет к формированию мелких и средних коммерческих предприятий и среднего класса. Практика показывает, что демократия находится в относительно безопасной зоне только в том случае, если она встроена в свободное рыночное общество, состоящее из обширного среднего и сравнительно малочисленных высшего и низшего классов.

3. Третье очевидное отличие посткоммунистической системной трансформации от демократизации авторитарных режимов заключается в том, что в ходе такой трансформации военные играют важную, но не центральную роль.

4. Четвертую особенность посткоммунистической системной трансформации можно охарактеризовать как «посттоталитарный волюнтаризм». В период радикального преобразования направление намеченной системной трансформации (к демократии и рыночному хозяйству) определялось исключительно политической волей новых правительств и широкой публики. Государственные и общественные структуры оставались антидемократическими, централизованными и по-прежнему основывались на плановой экономике. Более того, никто не имел ни малейшего представления о том, что же ожидает людей в условиях демократии и рынка.

Эти четыре отличия посттоталитарной системной трансформации от демократизации авторитарных систем предполагают концептуальную дифференциацию данных процессов. Речь идет о различии перехода от авторитарных режимов (транзита) и трансформации посттоталитарных систем [7].

Однако, несмотря на данные различия, обширный эмпирический материал преобразований большинства стран Тропической Африки, Латинской Америки и Юго-Восточной Азии позволил ряду ученых выделить определенные общие тенденции и стадии в эволюции переходных обществ. Наиболее развернута и обоснована этапизация, предложенная Ф.Шмиттером, Г.О'Доннелом, А.Пшеворским и некоторыми другими исследователями, называющими следующие три этапа:

1. Этап либерализации, характеризующийся обострением противоречий в авторитарных и тоталитарных режимах и началом размытия их политических основ. Возникновение кризиса идентичности, падение авторитета теряющей эффективность власти, выявление изъянов институциональной системы способствуют разложению правящего режима. Как уже говорилось выше, разногласия между сторонниками нарождающейся демократии и правящими кругами провоцируют идейную и политическую борьбу в обществе, нарастание активности общественных движений и усиление оппозиции. В результате начальной стадии борьбы устанавливается «дозированная демократия», легализующая сторонников преобразований в политическом пространстве. Как указывает Ф.Шмиттер, критический момент в середине данной стадии переходного процесса – учредительные выборы, являющиеся, по нашему мнению, первым шагом демократии по посткоммунистическому политическому пространству.

На данном этапе в связи с кризисом целей и ценностей зарождается и выкристаллизовывается так называемая идейная доминанта (хотя теоретически последняя как альтернатива отмирающей идеологии может зарождаться и в недрах старой политической системы, и заимствоваться извне) – идеал политической системы и направление, в котором она в ближайшем будущем должна развиваться. Укрепляясь в сознании ведущих социальных групп и классов и становясь стержнем консолидации демократических сил общества, окончательно она утвержда-

ется, как правило, на исходе транзитного периода. По нашему мнению, в связи со сказанным существует одна опасность – рассматриваемая идейная доминанта не должна перейти допустимую грань, превратившись в непреклонную догму (речь идет о гибкости целей и способов их достижения), так как по истечении определенного периода полученные результаты могут сильно разниться от поставленных целей. А, как известно, чем больше амплитуда между результатами и целями, тем сильнее будет внутренний импульс к изменению политической системы.

2. Этап демократизации отличается институциональными изменениями в сфере власти. Идет вживание демократических институтов (выборов, партий) и соответствующих ценностей в политическую систему. Формируются основы гражданского общества.

Кардинальное значение на данном этапе играет вопрос о достижении трех основных консенсусов между правящей элитой и демократической контрэлитой: относительно прошлого развития общества (дабы избежать «охоты на ведьм»); по поводу установления первоочередных целей общественного развития; по определению правил «политической игры» правящего режима [8]. Пакт, являющийся наиболее распространенной и приемлемой формой согласия элитарных кругов, предполагает признание ими новых идеологических ценностей, заключение идеологического союза. Итоговым документом данного соглашения является новая – демократическая конституция.

3. В ходе третьего этапа преобразований данного периода – консолидации демократии – осуществляются мероприятия, обеспечивающие необратимость демократических преобразований в стране. Это находит выражение в обеспечении лояльности основных акторов (оппозиции, армии, предпринимателей, широких слоев населения) по отношению к демократическим целям и ценностям, в процессе децентрализации власти, осуществлении муниципальной реформы. Как считает английский ученый М.Гарретон, критериями необратимости демократии являются: превращение государства в гаранта демократического обновления и его демилитаризация; автономность общественных движений и трансформация партийной системы; быстрый экономический рост, повышение уровня жизни населения; рост политической ак-

тивности граждан, приверженных целям демократии [9].

Рассмотренные три стадии эволюции переходных обществ можно соотнести с упоминавшейся выше структурой «зарождение – становление – расцвет – упадок» политической системы, представляющей собой «одну из частей или подсистем совокупной общественной системы» [10]. Начальный этап характеризуется повышенной активностью и интересом значительной части населения к вопросам политики. Сужение политического участия означает вступление политической системы в стадию становления [11], однако, по нашему мнению, это – «палка о двух концах», так как подобная стабилизация в политическом процессе может являться не чем иным, как проявлением стагнации. Именно на этом этапе идет целеполагание и выбор средств и методов по их достижению, когда требуются решительные действия по реализации намеченных целей. Данный период характеризуется рядом закономерных тенденций формирования новой политической системы.

«Во-первых, резко возрастает тенденция к укреплению собственной структуры политического властвования и политического участия, к рациональной регламентированности политического процесса, четко ограничивающей поведение в интересах новой власти от всякого другого. Происходит... рост элементов становящейся политической системы, способствующей ее целостности. Движущие противоречия фазы возникновения политической системы – между разнородными и противоположными социально-политическими силами – сменяются противоречиями между новыми, ведущими однородными силами. Эти противоречия становятся одним из источников ее развития.

Во-вторых, происходит изменение – ассимиляция и модификация – социально-политических сил, ценностей, идей, которые складывающаяся политическая система застает в качестве исторического наследия...

В-третьих, дифференциация как необходимое условие развития политической системы все более усиливается и закрепляется в субординационных связях, которые содействуют преобладанию процессов интеграции. В силу интеграционных тенденций возрастает число и интенсивность взаимодействующих элементов политической системы, усиливается их взаимная связь и уменьшается их самостоятельность по отношению друг к другу» [12].

Границы установления новой формы политических отношений между акторами в ходе противоречивых и в то же время единых процессов дифференциации и интеграции являются границами периода становления.

Зрелую политическую систему характеризует то, что в ней перестают играть весомую роль остатки отмирающей системы и функционируют лишь свойственные новой системе элементы. Суть данного периода состоит в «совершенствовании элементов и структуры существующей политической системы» [13].

Транзит может осуществляться в различных формах, в связи с чем Ф.Шмиттер выделяет четыре варианта перехода к демократии. Один из вариантов, который был рассмотрен выше (заключение пактов, соглашений, в которые оказываются вовлечены правящие группы прежнего режима, а также те, кто был отстранен от власти или вообще не обладал никакой властью), он обозначает как «пактированный». При «навязанном» варианте подхода основные пути дальнейшего развития могут определяться ведущей правящей группировкой или какими-то внешними силами. Силы, олицетворяющие собой уходящий в прошлое режим и начавшие процесс либерализации, либо заставляют всех акторов признать свои правила политической игры и остаются способными контролировать процесс демократизации вплоть до консолидации (что встречается на практике довольно редко), либо в течение транзита они теряют контроль над этим процессом (что и произошло в бывшем СССР).

«Реформистский» тип связан с массовой мобилизацией снизу, когда реформы осуществляются благодаря существенному давлению низов на правящие группы (Корея, Перу, Чехословакия, а также Индонезия и Филиппины).

И последний, четвертый, тип связан с революционным переходом к демократии.

Наиболее органична и естественна связь между транзитом и консолидацией при «пактировании», когда совершается плавный переход к демократии, наиболее же нежелательна революция, когда, воспользовавшись крайне нестабильной обстановкой в обществе, захватывает и узурпирует власть определенная группировка, что опасно для самой сути транзита, предполагающего вовлечение широких слоев народа в управление делами государства и усиление гражданского общества [14].

Примечательно мнение В.Банс – исследовательницы переходного периода, которая, используя термин «неопределенность» или «непредопределенность», рассматривает три типа политико-экономических систем: 1) государственный социализм; 2) либерально-демократический капитализм; 3) переходный период. Она отмечает, что «в то время как при либерально-капиталистической демократии неопределенность результатов сопрягается с определенностью процедур, то, наоборот, для государственного социализма характерно иное сочетание – предопределенности результатов при неопределенности процедур» [15]. Переходный же период, по ее мнению, характеризуется неопределенностью и процедур, и результатов (что означает, в свою очередь, колоссальную нестабильность), причем «непредопределенность результатов перехода с его смелыми замыслами порождает общественное давление, а оно, в свою очередь, ведет к тому, что выработка четких процедур приносится в жертву желанию получить побыстрее ощутимые результаты. Это последнее крайне важно, ибо здесь и кроется ловушка. Процедурная определенность, пожалуй, добрая половина самой сути капитализма и либеральной демократии, о чем часто забывают. Между тем желание воспользоваться плодами первого и второй (конкуренцией с ее положительными последствиями, т.е. экономической эффективностью и политическими свободами) работает против процедурной определенности. Таким образом, переходные режимы проявляют поспешность и нетерпение в деле развития процедурной стороны либеральной политики и экономики, поэтому мы и получаем вполне предсказуемые результаты, например, коррупцию и концентрацию политических полномочий в руках главы исполнительной власти, причем во имя создания либерального строя» [16].

Анализируя возможные исходы дальнейшего развития посткоммунистического пространства, она приходит к выводу, что «существуют четыре возможных исхода для режимов в этих странах: они застынут в переходном состоянии; могут вернуться назад к государственному социализму (или его вариантам); способны двигаться к «обычной» диктатуре, которой свойственна определенность процедур и конечных результатов. Есть также основания считать вероятной и либеральную демократию. Думают иногда, что переходный период затянется надолго, по-

скольку неопределенность влечет за собой неопределенность, а цели велики и неподъемны. К тому же взгляды экс-коммунистов на экономику и политику, раскол оппозиции и трудности самого перехода могут толкнуть на возвращение к какому-то варианту государственного социализма. Наконец, неопределенность процедур и конечных результатов может заставить нынешние власти избрать иной, еще нигде не виданный, но теоретически возможный путь, т.е. диктатуру с определенными процедурами и результатами» [17].

Рассматриваемый нами переходный период преобразования коммунистической системы, главной целью которого является построение демократии и рыночной экономики, в различных социальных науках, как известно, принято называть «посткоммунистической системной трансформацией». «Отец» польской экономической реформы и последователь подобной трансформации различает две ее фазы: «чрезвычайной» и «нормальной» политики [18]. Чрезвычайность первого периода преобразований заключается в проведении в сфере экономики так называемой «шоковой терапии» (либерализации) и следующей за ней стабилизации, в сфере политики – легитимация лидеров и еще не существующего строя. В этот кратковременный период, связанный, по нашему мнению, с некоторой эйфорией победы над тоталитарным режимом и определенным подъемом активности населения, новое правительство должно успеть реализовать самые непопулярные реформистские программы, так как с ростом недовольства населения прямо пропорционально падает уровень легитимности пришедшего к власти на этой волне режима. Смысл кратковременности периода заключается в том, что «радикальная экономическая программа, принятая сразу после политического перелома, имеет значительно больше шансов быть одобренной, чем такая же программа, осуществляемая с опозданием, или нерадикальный вариант политики, постепенно дозирующей тяжелые меры (например, повышение цен). Горькое лекарство лучше выпить сразу, чем глотать каплю за каплей» [19]. Далее следует переход к периоду «нормальной» политики, когда правительство пытается устранить или смягчить социальные издержки предпринятых мер в экономике (реформа здравоохранения, социального обеспечения и др.), что может сыграть главенствующую роль для сохранения

власти и именно в этот период начинается «банальная» борьба политических партий и групп интересов за власть. В связи со сказанным хочется отметить, что недовольство широких масс населения никак не связано с неприятием какой-либо конкретной программы экономических реформ, так как при столь радикальных действиях любая экономическая политика вызовет неизбежно бурю недовольства, что и происходило в большинстве постсоветских республик. Более того, существует мнение, что «угроза политической стабильности может быть снижена, если наиболее сложная часть трансформации экономической системы приходится на период экстраординарной политики» [20]. Опыт посттоталитарного развития многих стран подсказывает, что ни в одной из них народное недовольство не стало причиной провала курса на либерализацию экономики, демократизацию политической жизни и отставки правительства, действительно стремившегося к демократическим преобразованиям. Кроме того, следует отметить, что «для успеха требовалось, чтобы у власти находились убежденные демократы. Как бы банально это ни звучало, но если демократия отнюдь не нуждается в том, чтобы все общество поголовно состояло из демократов, она не может обойтись вообще без демократов, особенно в правительстве и среди политических элит» [21]. В политических же институтах стран «провалившейся» демократизации из-за отсутствия автономии экономики по отношению к политике процветают коррупция, кумовство, землячество и другие негативные явления.

Касаемо посттоталитарного развития Казахстана хочется сказать о довольно коротком периоде либерализации и попытке резкого перехода к демократии, когда государственные институты и лица, их возглавляющие, получили угрожающе большие властные полномочия. Приплюсовав сюда тоталитарное наследие в виде традиционно сильных исполнительных структур, несложно сделать вывод о маячащей угрозе авторитаризма и возможности построения нами квазидемократического строя. По нашему мнению, нельзя приносить демократию в жертву политической стабильности. На современном этапе развития необходимо развивать партийную систему, профсоюзы и другие элементы гражданского общества. По этому поводу Ф.Шмиттер отмечал: «Отличие постсоциалистических России и стран Восточной

Европы от государств Южной Европы и Южной Америки или от ЮАР – в относительной слабости мобилизации структур гражданского общества» [22]. И в данном случае полемика о том, насколько далеко мы продвинулись по пути построения демократии, подобна спору, в котором речь идет о стакане с водой, являющемся то ли наполовину полным, то ли наполовину пустым.

Относительно периодизации современного политического процесса следует отметить, что отсчет может вестись с начала перестройки 1985 г. Данный этап, включающий 1985–1991 гг., можно охарактеризовать как доминантность национальной идеи. С 1992 г. начинается поиск оптимального государственно-политического устройства, что тотально определяет содержание происходящих в обществе процессов. Этот этап, по прогнозам, продлится примерно до 2002–2003 гг., когда государственно-политическая парадигма исчерпает свой потенциал и уступит место новой доминанте. Примерно на уровне 2003–2005 гг. начнется этап доминирования социально-экономической парадигмы, которая будет значительно детерминировать происходящие процессы, чем две предыдущие [23]. Принимая во внимание цикличность общественно-политических процессов – своеобразную повторяемость – и учитывая, что Казахстан долгие годы являлся неотъемлемой частью СССР, можно утверждать о наличии примерно 12-летних циклов в развитии государства, на грани которых происходили довольно значимые события для его жизни. Если проследить историю начиная с 1905 г., то получается следующая картина. 1905 – (1916) 1917 – 1929 – 1941 – 1953 – 1978 – 1990 – 2002. Также существуют и более короткие периоды, например, 1985 (1986) – 1990 (1991) – (1992) 1993 – 1995 – 1997 – 1999 – 2001 (2002). Данный анализ показывает, что нынешний 2002 г. должен принести значимое (может быть, даже знаковое) событие для политической жизни Казахстана (к чему можно смело отнести состоявшееся назначение нового Премьер-Министра республики). Практика показывает, что чем устойчивее данные малые ритмы, тем стабильнее жизнь государства.

Переходя к исследованию политического процесса и особенностям его регламентации в современном Казахстане, оговоримся, что нами будут рассмотрены лишь основные его акторы, такие, как Президент, Парламент, Правительство и другие, и их роль в нем.

Вышеуказанные участники политического процесса действуют на основе и во исполнение Конституции РК, Конституционных законов, законов и иных нормативно-правовых актов республики. В связи с этим необходимо отметить, что основополагающими документами в данном случае являются, кроме Конституции, Конституционные законы «О Президенте РК», «О первом Президенте РК», «О Парламенте РК и статусе его депутатов», «О Правительстве РК», которые можно обозначить как статусные, так как они определяют статус, т.е. правовое положение указанных акторов, их компетенцию, порядок организации и деятельности и др. Также существуют нормативные акты (законы, указы Президента, имеющие силу закона, различные подзаконные нормативные акты), более подробно регламентирующие отдельные стороны деятельности, степень участия и т.д., которые мы условно назовем функциональными. К таковым следует, на наш взгляд, отнести Конституционный закон «О выборах в РК», законы «О государственной службе», «О политических партиях», «Об общественных объединениях», «О порядке организации и проведения мирных собраний, митингов, шествий, пикетов и демонстраций в Республике Казахстан» и т.п.

Г.Алмонд и Г.Пауэлл разработали подробную модель, описывающую функции различных социально-политических институтов в политическом процессе [24]. Основываясь на этом, они выделяют 5 основных функциональных фаз развертывания политической динамики и соответствующих им носителей в виде вышеупомянутых социально-политических институтов, связанных в основном с реализацией той или иной роли (функции) в политическом процессе.

Особенность отечественной политической системы, а конкретно формы правления – Президент является главой государства и обеспечивает согласованное функционирование всех ветвей государственной власти, скажем так, в том, что институт президентства в той или иной степени включен во все стадии политического процесса, в отличие от иных акторов (Парламент, Правительство, политические партии и др.).

На первых двух фазах – соответственно артикуляции и агрегации индивидуальных и групповых интересов – степень участия минимальна. На этих стадиях политически значимыми могут стать лишь хорошо организованные в плане организации лоббирования

интересы. Основную роль здесь играют: при артикуляции (восприятии) интересов – групповые объединения, иначе называемые «группами интересов» (на политической арене Казахстана таковыми могут являться объединения работодателей, профсоюзы, выражающие порой прямо противоположные интересы по одним и тем же вопросам); агрегация (выражение) интересов производится в основном политическими партиями – они селекционируют различные взгляды и позиции и на основании этого вырабатывают единую идейную платформу (в Казахстане такую позицию занимает, например, Компартия (КПК), пытающаяся объединить интересы пенсионеров, городских рабочих, работников, занятых в сельскохозяйственном производстве и др.).

На этапе выработки политического курса (по классической модели Г.Алмонда – Г.Пауэлла) интегративным фактором выступают представительные (законодательные) институты (органы), формирующие коллективные решения (Парламент), но в связи с упоминавшейся особенностью формы правления в Республике Казахстан, зачастую выработка курса производится именно Президентом, его Администрацией, консультативно-совещательными органами при Президенте. Неоспорим тот факт, что выступления Президента на различных совещаниях, собраниях, его ежегодные послания народу Казахстана воспринимаются остальными как руководство к действию, что, в свою очередь, и является показателем того, что разработкой политического курса страны занимается именно институт президентства. По отечественному законодательству у Парламента полномочия, связанные непосредственно с выработкой политического курса, минимальны; все полномочия в основном сведены к законодательному процессу, что свидетельствует о слабости позиций Парламента на политической арене Казахстана.

Этап реализации принятых решений связан, главным образом, с деятельностью институтов исполнительной власти (Правительство), которые обязаны с этой целью организовать необходимые мероприятия и изыскать для этого ресурсы и средства. Институт президентства непосредственно не участвует в реализации принятых решений, но, исходя из мнения авторов учебного пособия «Основы политической науки» [25], можно сделать вывод, что он осуществляет регламентацию и регулирование политического

поведения населения, контроль за деятельностью элит, подведение итогов и корректировку политического курса. Исходя из Конституционного Закона «О Правительстве Республики Казахстан», данный институт обеспечивает и организует исполнение законов, актов Президента республики, осуществляет контроль за их исполнением министерствами и другими центральными и местными исполнительными органами. На практике зачастую случается так, что за недодуманные решения, принятые одними лицами, расплачиваются их непосредственные исполнители.

Этап контроля и арбитража связан с деятельностью институтов судебного и конституционного надзора (Суды, Конституционный Совет, Прокуратура) и другими органами (Президент и его Администрация, Правительство), которые выполняют «функции устранения расхождений между другими органами и группами на базе признанных всеми норм» [26]. Данный этап важен тем, что именно на этом этапе осуществляется функция недопущения политического кризиса, то есть возникновения непреодолимых разногласий между различными ветвями власти. Следует, на наш взгляд, отметить, что в ст. 40 Конституции РК и ст. 1 Конституционного Закона РК «О Президенте Республики Казахстан» провозглашается, что Президент Республики является Главой государства, его высшим должностным лицом, определяющим основные направления внутренней и внешней политики государства, представляющим Казахстан внутри страны и в международных отношениях и обеспечивающим согласованное функционирование всех ветвей государственной власти и ответственность органов власти перед народом. Это говорит о том, что Президент не включен ни в одну из существующих ветвей власти, а стоит как бы «над» ними, что в свою очередь означает, что в Казахстане установлена не классическая президентская республика, в которой Президент возглавляет лишь исполнительную ветвь власти, а судя по объему властных полномочий, суперпрезидентская республика.

Президент имеет также сильные кадровые полномочия, что позволяет контролировать ему ключевые посты в стране. Законодательная база в Казахстане создана таким образом, что Президенту, его статусу, полномочиям, свободе действий ничто не угрожает: судей он назначает лично, по собствен-

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ КИТАЯ
СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Галимова В.Ф.

«Ключ к возрождению Китая находится в руках Коммунистической партии» — заявляет Цзян Цзэминь.

1 июля 2001 года в Пекине состоялось торжественное совещание, посвященное 80-летию Коммунистической партии Китая. В свете масштабных перемен, происходящих в современном Китае, а также учитывая роль, которую Компартия Китая сыграла в истории страны и играет сегодня в деле развертывания известной политики реформ и открытости, отмечаемый юбилей — событие значительное и заслуживает самого пристального внимания.

На совещании с докладом выступил Генеральный Секретарь КПК и Председатель КНР — Цзян Цзэминь. В своем обширном докладе, опубликованном на страницах всех китайских газет (центральных и региональных), он дает ретроспективный обзор пройденных китайским народом основных исторических этапов, рассматривает важнейшие проблемы, стоящие перед обществом и партией на современном этапе и обрисовывает общее видение им роли и места партии в «новом Китае» (Китае эпохи реформ). Понятно, что все приведенные аспекты даются в выступлении Цзян Цзэминя, так сказать, с позиции партийной линии, поскольку положение Компартии как единственной и монополюющей политической силы в КНР сохраняется и по сей день уже в течение более чем 50-ти лет [1]. Однако этот факт не уменьшает ценность рассматриваемого доклада, даже наоборот, в свете нынешних изменений в Китае, когда общество претерпевает ускоренную модернизацию, это придает ему особую остроту.

Отражая взгляды и позицию нынешнего руководства КНР — так называемого «третьего поколения партийных руководителей», — данное выступление может продемонстрировать то новое, что возникло в партии за более чем 20-тилетний период реформ, новые принципы, которыми будет руководствоваться КПК в управлении страной на нынешнем

этапе, а главное, может спрогнозировать будущее китайского государства, обрисовать некоторые перспективы развития внутренней политической жизни в КНР. Как заявил Председатель Цзян в своем выступлении, главный вывод, сделанный китайским народом за весь длительный период борьбы, это то, что без КПК не было бы нового Китая. Справедливо ли это утверждение?

Конечно, ценность рассуждений, подобных юбилейной речи лидера КНР, определяется в первую очередь политическим весом их автора. В данном случае можно сказать, что автором является Компартия, а этот факт, учитывая особенности исторического пути Китая и специфику его политической системы, обуславливает колоссальную ценность слов председателя Цзян Цзэминя. Замечено, что государство в Китае построено и функционирует таким образом, что программные лозунги лидеров не являются просто лозунгами, но служат командой к действию и, как правило, получают широкий отклик в общественных массах и весь исторический опыт КНР подтверждает это. Причин такому явлению существует несколько, но, наверное, одна из важнейших заключается в следующем: власть в постколониальных обществах Востока зарождается при неестественно заниженной роли базисных факторов как гипертрофированная политическая воля некоторых социальных сил, что делает политику «командной силой» (по выражению Мао Цзэдуна) [2]. Кроме того, существующее сегодня в КНР сращивание экономической и политической систем ставит в центр отношений в китайском обществе не экономику, но политику. Характерная же для Китая традиционная бюрократическая система власти способствует еще большему закреплению данного положения: слово руководителя здесь имеет абсолютный политический вес, власть по видимости является идеократической (или «логократической», т.е. властью словесных формул). При этом, если в недавнем прошлом способ духовного существова-

ной инициативе вправе принять решение о прекращении полномочий Правительства, в случае необходимости может распустить Парламент. По нашему мнению, при роспуске Парламента следует ограничиться роспуском лишь нижней палаты (Мажилиса). Интересный момент: Президент не может быть отстранен от должности, когда он рассматривает вопрос о досрочном прекращении полномочий Парламента (ст. 26 п. 3 Конституционного Закона «О Президенте Республики Казахстан»), но Парламент фактически может быть распущен Президентом в тот момент, когда рассматривается вопрос об

импичменте Президента (ст. 36 п. 2 Конституционного Закона «О Парламенте Республики Казахстан и статусе его депутатов»). В последнем пункте при указании условий, когда Парламент не может быть распущен, не оговорен момент рассмотрения Парламентом вопроса об отрешении Президента Республики от должности.

Как мы говорили выше, для посттоталитарных обществ традиционно характерны сильные исполнительные структуры, с чем и связана особенность формирования законодательной базы в первые годы существования новых демократических структур.

Литература

1. См. подробнее: Шутов А.Ю. Политический процесс. — М.: Изд. Московского ун-та, 1994. — С.63–69.
2. Политический процесс: вопросы теории. Авторский коллектив: Бугаев А.Л., Зеленцов А.Б., Новиков Г.Г. и др. — М.: Изд-во «Луч», 1994. — С.49–50.
3. Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии. Материалы Круглого стола «Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов» // Полис. 1999. №3. С.30–31.
4. Политический процесс: вопросы теории. Авторский коллектив: Бугаев А.Л., Зеленцов А.Б., Новиков Г.Г. и др. — М.: Изд-во «Луч», 1994. — С.51.
5. См.: Мачкув Е. Преобразование коммунистического тоталитаризма и посткоммунистическая системная трансформация: проблемы концепции, периодизация // Полис. 2000. №4. С.38.
6. См.: Бальцерович Л. Социализм, капитализм, трансформация: Очерки на рубеже эпох / Пер. с польск. — М.: Наука, Изд-во УРАО, 1999. — С. 153–176.
7. См.: Мачкув Е. Указ. соч. // Полис. 2000. №4. С.45–47.
8. См.: «Три консенсуса» на пути к демократии // Полис. 1993. №3. С.189.
9. Цит. по: Соловьев А.И. Политическая теория, политические технологии. — М.: Аспект Пресс, 2000. — С.303–304. См. также: Шмиттер Ф. Процессы демократического транзита и консолидации демократии. Материалы Круглого стола «Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов» // Полис. 1999. №3. С.30–33; Политический процесс: вопросы теории. Авторский коллектив: Бугаев А.Л., Зеленцов А.Б., Новиков Г.Г. и др. — М.: Изд-во «Луч», 1994. — С.53.
10. Политология: энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Аверьянов Ю.И. — М.: Изд-во Моск. Коммерч. Ун-та, 1993. — С.273.
11. См.: Экономическая реформа и общество // Свободная мысль. — М., 1993. №8. — С.29–30.
12. Политический процесс: вопросы теории. Авторский коллектив: Бугаев А.Л., Зеленцов А.Б., Новиков Г.Г. и др. — М.: Изд-во «Луч», 1994. — С.54–55.
13. Там же. С.56.
14. См.: Шмиттер Ф. Указ. соч. // Полис. 1999. №3. С.31.
15. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. 1993. №1. С.46.
16. Банс В. Указ.соч. С.47–48.
17. Там же. С.49.
18. См.: Бальцерович Л. Указ. соч. С.167–172.
19. Бальцерович Л. Указ. соч. С.168.
20. Мачкув Е. Указ. соч. С.49.
21. Мачкув Е. Указ. соч. С.56.
22. Шмиттер Ф. Указ. соч. С.32.
23. См.: Арынов Е.М., Машанов М.С. Идеиные парадигмы в контексте развития общественно-политического процесса в Казахстане // Философия. Наука. Общество. (Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию члена-корреспондента АН РК А.Н.Нысанбаева). Алматы, 1997.
24. См.: Дегтярев А.А. Основы политической теории. — М., 1998. — С. 155.
25. Основы политической науки. Под ред. Пугачева В.П. В 2 ч. Ч. 2. — М., 1994. — С. 142.
26. Дегтярев А.А. Указ. соч. — С. 155.

ния подобной системы на деле был «превращением живой мысли в мертвую формулу для заклинания действительности», то следует констатировать факт, что ситуация в значительной мере изменилась [3]. Судя по всему, сегодня Компартия в КНР не просто «заклинает» действительность, но прекрасно в ней ориентируется, контролирует и направляет.

Как известно, вся политическая система КНР базируется на господствующей роли Компартии, вообще данная система формировалась и возникла как оптимальная партийная организация для общества Китая эпохи первой половины XX в. Но, начиная с 80-х годов прошлого века, в стране началась принципиально новая эпоха и, несмотря на столь короткий промежуток времени, период после смерти Мао Цзэдуна правильно будет определить как «новую эпоху». В выступлении Цзян Цзэминь заметил: «XI пленум ЦК КПК 3-го созыва в 1978 г. послужил показателем того, что наша страна в деле строительства социализма вступает в новую эпоху...» [4]. Так заявить ему позволили изменения, произошедшие за истекший период в КНР и в самой партии. За двадцать с небольшим лет в стране изменилось многое. Масштаб всех перемен сегодня трудно оценить в полном объеме: только хорошо знакомые со «старым» (дореформенным) Китаем могут отметить колоссальный прогресс не только в социально-экономическом развитии китайского общества, факт которого бросается в глаза, но также в его социально-политическом укладе, выделить то новое, что проявляется во внутрисполитической жизни страны. Однако можно отметить, что Компартия в Китае и сегодня играет первостепенную роль во всех сферах жизни общества, именно партия служит инициатором и исполнителем современного курса реформ [5].

Данный факт определяет отношение к КНР как к государству традиционному, сохранившему традиционные основы политической системы и односторонне развивающему свою экономику. Ясно при этом, что социально-экономическая модернизация, подобная имеющей место в нынешнем Китае, не может не оказывать воздействия на политическую сферу. Свободное частное предпринимательство в таких масштабах и с такими темпами развития никогда ранее не играло столь важной роли в общественной жизни Китая как сегодня. Одно это явление

кардинальным образом меняет строй китайского общества и позволяет сказать, что то государство, которое было знакомо нам по почти тридцатилетней истории правления Мао Цзэдуна в КНР по большому счету уже не существует, а есть *новый Китай*. Очевидно, Компартия Китая в этих условиях должна была претерпеть соответствующую перестройку, видоизменив всю политическую сферу общества.

Правящая Компартия накануне развертывания курса реформ была поставлена перед дилеммой: как сохранить свою власть и основные устои политической системы в стране в неизменном виде и в то же время произвести переворот в обществе, чтобы вывести его из глубокого кризиса и превратить Китай в процветающее государство. При этом важно отметить, что в действительности подобная формулировка проблемы не была чем-то новым для правителей Китая. Сегодня, как и сто лет назад, в корне проблемы лежит очевидная, но скрываемая китайцами истина: Китай хотел бы возродить былое величие своего государства и стереть воспоминания об унижении, нанесенном ему в свое время западной цивилизацией. (Неслучайно Председатель КНР в анализируемой здесь речи говорил следующее: «80 лет со времени опиумных войн до образования КПК — это позор нашего государства...» [6].) Для китайского правительства ясно, что для достижения этой цели необходимо иметь западную технологию и западный уровень жизни, но при этом нельзя «поступаться принципами», охраняющими основы власти, поскольку именно здесь — в сфере верховной власти — заключена суть Китайского государства. Заслуга Дэн Сяопина заключается как раз в том, что он вновь поднял эту проблему и взял на себя защиту «китайского» от «европеизации» [7].

Итак, архитектор реформ — Дэн Сяопин — прозорливо стремился сохранить политическое господство КПК. Зная роль Компартии, угадывая ее возможности в условиях современного Китая, он частично отверг путь на демократизацию — политические устои КНР тщательно оберегались. Важным подспорьем при этом для лидеров КПК служили примеры СССР и других восточноевропейских государств, с одной стороны, а также Южной Кореи и Тайваня — с другой. Первая группа стран своим печальным опытом продемонстрировала китайскому руководству тот деструктивный потенциал, который вносится в общество неограниченной спонтанной демократизацией и либерализацией, проводимой по западному образцу, что спо-

собно спровоцировать в обществе неконтролируемые процессы, в том числе, чрезвычайно опасные сепаратистские тенденции.

Используя опыт развития других стран, правительство КНР в проведении своего курса руководствовалось, прежде всего, традиционными установками. Практиковавшиеся на протяжении веков традиции «усмирения» народа, пресечения в корне любых дестабилизирующих общество тенденций и навязывание всеподавляющей роли государства способствовали сохранению чрезвычайно прочных традиционного уклада и своеобразной политической культуры. Партийно-государственное руководство Китая в своем курсе реформ и открытости исходило из необходимости укрепления существующего государственного строя, следуя тем же традиционным принципам общественно-политической жизни. Конечно, у руководителей страны существовал вполне определенный корыстный интерес — сохранить монополию партии — начало на долгие годы обеспечить статус-кво в политической системе КНР, а значит, удерживать власть в своих руках. Однако данный факт, по нашему мнению, не может оспорить прагматизм такой политики коммунистов. В условиях постаоцзэдуновского Китая отход Компартии от верховной власти в государстве означал бы по большому счету неудачу в деле экономической модернизации страны.

Несмотря на всю гипотетичность подобного предположения, крах КПК не мог бы не вызвать краха всего крупномасштабного проекта реформ и неизвестно, как это повлияло бы на ход модернизации. Так, китайские руководители утверждают, что найденный Компартией путь — единственный путь страны к модернизации. На наш взгляд, ценность данного «проекта» китайского правительства заключается в постепенном и продуманном ходе реформ, даже в его сдерживании, когда взвешивается каждый шаг и реформа «направляется» в нужное русло. Это в действительности решает многие трудности модернизационного процесса в восточном переходном обществе и, кроме того, одновременно обеспечивает колоссальный экономический рост. Очевидно, что без той решающей руководящей роли государства в КНР невозможно было бы достичь столь значительного повышения комплексной мощи страны и жизненного уровня населения, какое было достигнуто в Китае.

В целом в Китае реформы были начаты под угрозой возможных политических пертурбаций и весь их путь отмечен стараниями госу-

дарственной власти предотвратить сколь угодно серьезные модификации в политической системе, оградить политическую сферу от существенных изменений. Хотя на словах политические верхи, по крайней мере до событий 1989 г., высказывали решимость проводить реформу и в политической сфере, в действительности это было лишь декларацией, не подкрепленной реальной готовностью. Руководством страны категорически не признается необходимость коренной ломки старой системы власти. Считается, что в результате пройденного с 1949 г. пути в Китае утвердился социалистическая экономическая система, установился социалистический политический строй демократической диктатуры народа, а марксизм занял руководящее положение в области идеологии [8]. Словом, основы общества заложены, но для дальнейшего его прогресса стране необходимо преодолеть некоторые препятствия, главным образом, экономического плана. Важно при этом, что все основные задачи, стоящие перед обществом Китая, признаются не просто государственными, но также и в компетенции партии, что в данном случае равнозначно.

Очевидно, что курс на построение «социализма с китайской спецификой» означает отказ от прежней догматической концепции социализма. На новом этапе выработалось новое видение социализма как сочетания некоторых сущностных признаков социалистических производственных отношений с теми особыми чертами общественного развития, которые свойственны именно Китаю и обусловлены его спецификой. При этом к сущностным категориям были отнесены господство общественной собственности на средства производства, распределение по труду, ликвидация эксплуатации человека человеком, а также широкое развитие товарно-денежных отношений. Важно не только включение в число этих основных закономерностей социалистической формации рыночных отношений без прежних идеологических опасений применения термина «рынок», но и новое толкование тех констант, которые прежде интерпретировались в догматах марксизма-ленинизма. Был сделан вывод о неизбежности фазы «неразвитого социализма», о том, что, начав строительство социализма с низким уровнем развития производительных сил, Китай должен пройти длительный период совершенствования социалистической системы, преобразования ее из «неразвитой» или «сравнительно неразвитой» — в «сравнительно развитую». В теоретическом плане КПК

стала проводить различие между «установлением» и «построением» социалистического строя, причем завершить начальную стадию строительства социализма не ранее чем к середине XXI в.

Итак, появление лозунга «социализм с китайской спецификой» было обусловлено, во-первых, необходимостью проведения «сверху» глубоких социально-экономических изменений в обществе, а во-вторых, задачей соблюдения преемственности власти, то есть для сохранения власти партии было важно, чтобы в лозунге звучало слово «социализм», вот почему имя Мао Цзэдуна, никогда в принципе не дискриминированное до конца, на современном новом этапе зазвучало фактически с прежним пиеетом. И если накануне реформ политическое руководство страны в первую очередь было вынуждено пойти на признание ошибок власти в недавнем прошлом [9], то теперь, на рубеже нового века, власть как бы вновь возвращается к своим истокам. Таким образом, на совещании по случаю празднования юбилея партии стало возможным заявить: «Мы выполнили задачу новодемократической революции!» (другими словами, выполнили задачу согласно теории Мао Цзэдуна), «Мы начали дело строительства социализма с китайской спецификой, открыли верный путь, чтобы осуществить великое возрождение китайской нации» [10].

Вторая из приведенных здесь цитат отражает новый облик Компартии Китая XXI-го века и ее новые (и в то же время старые) задачи. В торжественной речи Цзян Цзэминя впервые открытым текстом прозвучало «*возрождение*» Китай, при этом достижение данной цели в контексте его слов неразрывно связано с руководящей ролью партии и, безусловно, с социализмом. «На протяжении длительной стадии возведения основ социализма мы, используя наш и международный исторический опыт, проходя через невзгоды, начали проводить новую политику реформ открытости и определили место партии в основах теории начальной стадии социализма, в основной линии и основной программе. Социализм в мире развивался зигзагообразно, но в стремительных изменениях внутренней и внешней ситуации наша партия, как крепкая скала, стояла непоколебимо, социализм в Китае проявил свою бурную силу и жизнеспособность» [11].

Цзян Цзэминь, придя к власти, столкнулся со многими сложными проблемами, которые уже глубоко укоренились в китайском обществе. До сих пор руководство страны до-

вольно успешно решало стоящие перед ним насущные вопросы, используя свою известную тактику разграничения экономики и политики. Общие успехи государства – в осуществлении дальнейшей экономической модернизации, в возвращении под флаг родины бывших колоний Сянган и Аомыня, в повышении международного статуса КНР и т.д., безусловно, способствуют поддержанию стабильной политики правительства. Однако, по всей видимости, к данному моменту назрела необходимость в очередной раз мобилизовать общество для осуществления партийных планов для того, чтобы руководители страны имели уверенность в лояльности общества по отношению к этим планам. Видимо, перед такой тактической целью правительству КНР пришлось реанимировать древний стереотип – Великий Китай, для чего в речи Цзян Цзэминя и прозвучало приведенное выше выражение. Именно в данном контексте следует воспринимать и такие слова Председателя Цзяна: «Оглядываясь на прошлый век борьбы, мы испытываем гордость, заглядывая в век грядущий – век величия, сердца наши наполняются надеждой и силой». Зная, что стратегической целью Правительства КНР выступает воссоединение Тайваня с «большой Родиной» и, очевидно, дальнейший международный рост КНР, появление такого стереотипа как «возрождение величия Китая», с точки зрения партии, представляется оправданным.

Здесь опять всплывает вопрос о роли идеологии в китайском обществе. После жестко заидеологизированной «культурной революции» в стране, когда массовые политические кампании охватывали большие группы населения, факт отхода идеологии как бы на второй план общественно-политической жизни был налицо. Но нельзя не признать также того факта, что даже в ходе «культурной революции» спустя определенные короткие промежутки времени своих сторонников с легкостью «отводили» от активных кампаний и в обществе не возникал идеологический вакуум. Это может означать только одно: в действительности подобная активная политическая жизнь общества была лишь навязана ему властью и как только власть переставала оказывать давление, преследуя свои узкие цели, государственная идеология вытеснялась за отведенные для нее естественные границы, а все остальное пространство вновь занимала так называемая традиционная идеология.

Вот почему сегодня в стремительно меняющемся китайском обществе людей волнуют не идеологические проблемы по поводу превращения «общественной» социалистической экономики в «частную» капиталистическую, наибольшие опасения и тревоги связываются ими с тем, будет ли новая реформированная экономика «аморальной» и «несправедливой». Вот почему столь пристальное внимание уделяется сегодня делу «строительства социалистической духовной культуры» и партийному строительству. Вот почему львиная доля официальной и общественно-политической прессы (и речь Цзян Цзэминя в том числе) посвящена вопросам морального облика гражданина и коммуниста и вопросам так называемого партийного строительства.

Поскольку конкретные политические мероприятия в Китае каждый раз освящаются и оправдываются марксизмом, то полемика вокруг методов и темпов проведения реформ неминуемо выливается в борьбу между «защитниками» марксизма и его «противниками». На самом деле речь, видимо, идет о разногласиях и расхождениях по вопросам содержания и направления реформ, о столкновении различных интересов в рамках социально неоднородной партии, ибо при дальнейшем углублении реформ одни группы могут проиграть, а другие выиграть, и марксизм здесь не причем, но такова традиция... [12]. Все же нельзя сказать, что марксизм в Китае умер и служит лишь отвлекающей яркой занавеской, в действительности он по-прежнему служит мощным оружием в руках руководства страны.

Хотя современный Китай в этом отношении разительно отличается от Китая 20-летней давности: изменилось общество, изменилась сама партия. Отличие особенно ярко прослеживается на примере поставленных социальных задач. Новая социальная политика базируется в первую очередь на сохранении социальной стабильности общества, что требует поддержания определенного прожиточного минимума, а также недопущения массовой безработицы. Еще одна важная составляющая современной социальной политики – новые требования к качеству рабочей силы, что сопряжено с расширением образования, повышением культурного уровня населения, изменением структуры потребления. Само потребление становится мощным стимулом экономического роста, в то время как традиционный подход отводил социаль-

ному фактору роль «потребителя» результатов экономического развития. Данные составляющие демонстрируют элементы принципиально нового характера внутренней политики и взаимоотношений между китайским государством и народом.

Несколько лет назад было очевидно, что конкретная линия коммунистического руководства КНР в политической сфере будет определяться состоянием экономики и соотношением сил между сторонниками и противниками форсирования реформ, а также глубиной тех социо-культурных изменений, которые происходят в китайском обществе в результате экономической модернизации. Основываясь на выводах, сделанных председателем Цзян Цзэминем в его юбилейной речи, можно констатировать, что на данный момент партия по-прежнему чувствует за собой монопольное право на распоряжение судьбами народа и страны. Следовательно, партией будет приложен максимум усилий для того, чтобы не допустить изменения политического строя в обществе.

Пронсходящие перемены в экономике КНР необходимо требуют также изменения роли и места партии в жизни страны. Экономический плюрализм, приоритет рыночных отношений, поставленная задача достижения зажиточного уровня жизни для каждого гражданина КНР – все это, казалось бы, объективные доводы в пользу политической перестройки китайского общества, в пользу демократизации его общественно-политической жизни. Демократизация, без всяких сомнений, является одной из важнейших тенденций развития переходного общества. Однако, как мы знаем, современные демократические переходы часто тормозятся, к тому же демократические транзиты не означают гарантированного перехода к демократии и ее консолидации. Так что в данном случае, не являясь исключением, китайское общество (так же, как в свое время южнокорейское, тайваньское и др.) пока не создало предпосылок для возникновения демократического движения. А довольно часто звучащие слова о том, что «реформа политической системы – это внутренняя потребность социализма... Можно сказать, что без демократии нет и социализма, а это значит – нет социалистической модернизации» [13], являются пока лишь декларацией, что подтверждает отсутствие подобных заявлений в рассматриваемой речи Цзян Цзэминя.

Впрочем, проблема демократизации – тема для отдельной статьи, в данном случае речь идет о другом.

Перед государством в КНР стоят сегодня вопросы, связанные с руководством партии в стране. При этом сама партия столкнулась с серьезными проблемами, которые вызваны необходимостью перестройки и адаптации к меняющимся социально-экономическим условиям в КНР. Несмотря на то, что перед КПК стоят проблемы системного плана – в частности, необходимость высвобождения экономики из-под своего контроля, бюрократизация партии, централизованное управление, особенности формирования административно-управленческого аппарата, а также общая политическая неразвитость общества (хотя в данном случае это расценивается руководством страны, скорее, как «плюс») – сегодня партия пытается акцентировать свое внимание лишь на проблемах структурного и этического характера.

Все современные успехи КНР не избавляют Компартию от ответственности за «общественный климат» внутри китайского общества – существующий климат создавался искусственно на протяжении всей истории партии. В этих условиях даже блестящие реформы, разработанные специально для подавленного тоталитарным режимом общества, не являются оправданием для руководства страны.

«В течение 80-ти лет под руководством КПК мы добились небывалого объединения народа... Китай преобразился от самого трагического своего состояния к процветающему – только благодаря руководству КПК», – сказал в своем выступлении Цзян Цзэминь. Действительно, все, что было сделано КНР за ее историю, было сделано благодаря КПК, но также и благодаря тем глубинным традиционным чертам, присущим китайскому обществу и государству, которые и получили отражение в самой Компартии.

Литература

1. В выступлении приводится приблизительное число членов Компартии Китая: от 50 человек в 1921 г. – до 64 млн человек коммунистов сегодня. См. Цзян Цзэминь. Выступление на торжественном заседании, посвященном 80-летию образования КПК. // *Wulumuqi wanbao*, 02.07.2001, с. 2–5. – С. 2.
2. Ли Вл.Ф. Социальная революция и власть в странах Востока (О проблемах и противоречиях не капиталистического переходного развития). Москва, «Наука», 1984, 288 с. – С. 14.
3. По выражению Борисова В.К. См. его «Демократизация общества и преодоление бюрократизма. Социально-политический аспект». Москва. «Московский университет», 1990. 119 с. – С. 58–59.
4. Цзян Цзэминь. Указ. соч. – С. 2.
5. Хотя в данном случае неизбежность партийного руководства реформой обуславливалась главным образом тем, что на всех уровнях произошло полное сращивание партийного и государственного аппаратов.
6. Цзян Цзэминь. Там же.
7. Традиции в общественно-политической жизни и политической культуре КНР. Москва, 1994. – С. 236–237.
8. Документы XIII Всекитайского съезда КПК. Пекин. Изд. л-ры на иностранных языках. 1988. 250 с. С. 11.
9. В июне 1981 г. состоялся VI пленум ЦК КПК 11-го созыва, на котором была дана оценка «культурной революции», осужден «культ личности», признаны многочисленные теоретические и практические ошибки Мао Цзэдуна и полностью отвержена его концепция о всем историческом периоде социализма: «После установления в нашей стране государственной власти демократической диктатуры народа, особенно после завершения в основном социалистических преобразований и ликвидации эксплуататоров как класса, в корне изменились содержание и методы социалистической революции, хотя ее задачи и не выполнены до конца... Так называемая великая политическая революция для «книспровержения одного класса другим» в условиях социализма не имеет под собой оснований. История уже доказала, что «великая культурная революция» была смутой, ошибочно вызванной руководителем». Цит. по В. Гельбрас. Роль КПК в решении проблем общественного развития // *Азия и Африка сегодня*. 1988, №4–5. С. 14.
10. Цзян Цзэминь. Указ. соч. – С. 2.
11. Там же.
12. Делосин Л.П. Реформа в Китае и марксизм. // *Восток*. 1992, № 5. 51–64 с. – С. 59–60.
13. Gong zhigang, Wei Xinwen, Gong Jie. Jianshe you zhongguo tese shehui zhu lilun yu shijian (Теория и практика строительства с китайской спецификой). Пекин, «Jingguan jiaoyu», 1998. 278 с. С. 158.

ДЕЛИМИТАЦИЯ КАЗАХСТАНСКО-УЗБЕКСКОЙ ГРАНИЦЫ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Сейдин Н.Б.

За десять лет независимости республики Центральной Азии прошли определенный этап становления государства. Как известно, главным атрибутом любого государства является его территория. Центральная Азия – это регион, где проживают представители разных национальностей, которые объединяют общие исторические корни. Но сегодня бывшим союзным республикам приходится решать общую проблему – делимитацию и демаркацию своих государственных границ. Как правило, территориальная целостность и неприкосновенность границ – святое дело для любого государства, иными словами, нет национальной безопасности и внутренней стабильности без прочных и надежных внешних границ.

Границы являются заслоном нелегальной миграции, незаконному обороту наркотических веществ и оружия. Последние представляют серьезную угрозу не только для одного государства, но и для всего мирового сообщества в наше время – в эпоху глобализации. Вопросы делимитации границ всегда являлись одним из самых непростых в общем комплексе межгосударственных отношений. Этот вопрос стоит на повестке дня с момента обретения ими политической независимости и признания их мировым сообществом как де-юре, так и де-факто отдельными государствами и полноправными участниками мирового политического процесса.

Общая протяженность границы Казахстана с сопредельными государствами составляет около 14 тысяч километров, в том числе: с Российской Федерацией – приблизительно 7 200 км, КНР – около 1 740 км, Узбекистаном – около 2 150 км, Кыргызстаном – примерно 1 050 км, Туркменистаном – около 400 км. Указанные цифры, по мнению первого вице-министра иностранных дел РК Е.Идрисова, приблизительные, поскольку точную протяженность можно будет определить только после демаркации [1]. Стартовавший процесс делимитации границы меж-

ду Казахстаном и Узбекистаном основывается на реальном административно-территориальном делении бывшего СССР, сложившемся к моменту его распада в 1991 году, в соответствии с принципом признания и уважения территориальной целостности государств и нерушимости существующих границ, зафиксированном в Алма-Атинской декларации 21 декабря 1991 года при образовании СНГ. Эта проблема берет свое начало со времен казахского ханства, когда земли переходили из владения Узбекских ханств во владение Казахского и наоборот.

Национальное размежевание во времена Советского Союза, когда границы братских республик перекраивались несколько раз из экономических соображений, еще более усложнили ситуацию. В период своего правления Никита Хрущев начал перекраивать границы союзных республик по своему усмотрению, невзирая на сопротивление со стороны казахстанского руководства и благодаря дружеским отношениям между Н.Хрущевым и узбекским лидером Н.Мухиддиновым три района в южном регионе Казахстана были переданы узбекской стороне. Затем некоторые южные районы в 60-х годах по воле пришедших к власти в Москве Леонида Брежнева и в Алматы Динмухамеда Кунаева были все же возвращены, за исключением двух совхозов и 500 тысяч овец, а также части земель, переданных ранее [2].

По словам акима ЮКО Б.Сапарбаева, из 539 тыс. га общей площади Бостандыкского района Узбекистану в 1956 году было передано 418 тыс. га. Казахстану осталось 121 тыс. га. В настоящее время земли находятся на территории Талдыкорганского и Казыгуртского районов ЮКО [3]. Эти территории и стали сегодня предметом спора между республиками. Тот факт, что в архивах можно найти несколько документов, по-разному определяющих линии прохождения государственных границ, и то, что на приграничных территориях проживают представители как пер-

вого, так и второго (соседнего) государства, усложняет проблему. И это, конечно же, явилось результатом жесткой централизации советской системы, при которой важные решения, касающиеся административного деления между республиками, принимались без учета мнений и исторических оснований.

Безусловно, трудно приходится тем государствам, которые являются транзитными, к числу которых можно отнести и Казахстан. Казахстан, имея линии государственной границы с несколькими странами, прилагает все усилия для недопущения конфликтов в регионе Центральной Азии вокруг территориальных проблем.

Среди причин напряженности в последнее время в регионе называют пограничные споры из-за земельных и водных ресурсов. В процессе делимитации и демаркации государственной границы между Казахстаном и Узбекистаном произошло имевшее широкий общественный резонанс реальное столкновение интересов двух государств. Но, по мнению многих экспертов, эту ситуацию стоит рассматривать не как жесткое геополитическое соперничество между этими двумя странами за влияние в регионе, а, скорее всего, как столкновение интересов, носящее случайный характер, поскольку экономическое положение обеих стран объективно не позволяет им тратить силы и ресурсы на конфронтацию друг с другом. Об этом свидетельствует и продолжающийся непрерывно переговорный процесс по разрешению многих вопросов, в том числе по делимитации и демаркации казахстанско-узбекской границы, совместного использования водных ресурсов, региональной безопасности и отношений между странами в рамках международных организаций.

В начале 2000 года, после инцидента с узбекскими пограничниками на казахстанско-узбекской границе, была создана правительственная комиссия Казахстана по делимитации и демаркации государственной границы между Казахстаном и Узбекистаном. В феврале 2000 года в Ташкенте состоялся первый раунд переговоров представителей двух стран по делимитации казахстанско-узбекской границы, в ходе которого был определен набор картографического и топографического материала, согласована методика проведения работ по делимитации.

В течение двух лет несколько раз проходили пленарные заседания межправитель-

ственных делегаций, встречи топографических групп. В ходе первого раунда переговоров было достигнуто взаимопонимание относительно правовых основ юридического оформления границы. Таковыми документами являются официальные акты органов высшей законодательной власти бывшего СССР, Казахской ССР и Узбекской ССР, в которых содержится описание линии прохождения административной границы между двумя республиками. При согласовании указанной правовой документальной базы стороны придерживались своих обязательств, зафиксированных в Алма-Атинской декларации от 21 декабря 1991 года и в Договоре о вечной дружбе между Республикой Казахстан и Республикой Узбекистан от 31 октября 1998 года, провозгласивших признание и уважение территориальной целостности друг друга и нерушимости существующих границ, а также признание существующей административно-территориальной границы как основы государственной границы и создание совместной комиссии с целью формализации всех вопросов режима совместной границы [4].

На казахстанско-узбекской границе есть участки различной степени сложности. Часть из них не подвергалась каким-либо изменениям после официального закрепления законодательными актами бывшего Советского Союза, другая же тем или иным образом изменялась, но опять-таки на основании законодательных актов. С этими участками картина более или менее ясна. Но есть и другие участки границы, изменения на которых проходили по договоренности между руководителями местных органов власти (обмены земельными участками под сельскохозяйству, возведение хозяйственных построек, расширение районов санаторно-курортного лечения и т.д.) или в силу каких-либо географических процессов (изменение рельефа местности, русел рек и др.). Общее у таких участков то, что решения по ним не были законодательно санкционированы и закреплены высшими органами законодательной власти в установленном порядке и они, следовательно, не имеют законной силы. Все это решается на законной основе в ходе делимитационного процесса. Есть и еще один блок проблем: речь идет об объектах совместного пользования, которые пересекают границу (железнодорожные магистрали, автомобильные дороги и т.п.). По их новому статусу и режиму сторонам также необходимо прини-

мать взаимосогласованные решения и закреплять их на законной основе.

Ситуация с указанными проблемными участками непростая, так как с момента последнего официального фиксирования сложившейся административно-территориальной границы (1963, 1971 гг.) прошло уже достаточно много времени [5]. Но надо абсолютно четко себе представлять, что это не спорные пограничные участки и не предмет классической делимитации, а предмет возможной взаимосогласованной корректировки отдельных участков границы с учетом всех аспектов, в том числе сложившейся хозяйственной деятельности, структуры населения и т.д. Иными словами, государственная граница не должна «резать по живому» населенные пункты, объекты хозяйственной деятельности и т.д., ее прохождение должно согласовываться с имеющейся правовой базой, существующими реалиями и естественными формами рельефа и гидрографии. В этом заключается суть непростой задачи, стоящей перед обеими сторонами.

Благодаря усилиям дипломатов и специалистов в этой области удалось достичь взаимопонимания и провести демаркацию государственной границы на большей части границ. 16 ноября 2001 года подписан Договор о делимитации и демаркации казахстанско-узбекской государственной границы [6]. Остались лишь некоторые «спорные» участки, вокруг которых разворачиваются дискуссии. Оставшиеся 4% спорной приграничной полосы, куда входит территория сел Багыс и Туркестанец, должны решиться в течение 6 месяцев.

В статье 4 вышеупомянутого Договора стороны договорились о необходимости продолжения переговоров для разрешения вопросов о прохождении линии государственной границы на трех ее участках, требующих дополнительного рассмотрения. Данный шаг свидетельствует о том, что стороны подходят к решению вопроса границы с учетом интересов населения, живущего в приграничных районах. Это касается и населения поселков Багыс и Туркестанец. Стороны намерены разрешить этот вопрос на взаимоприемлемой основе.

Кроме того, достигнута договоренность не предпринимать каких-либо действий в этих районах границы до полного завершения ее делимитации. Акимат Южно-Казахстанской области готов способствовать переселению граждан Казахстана, прожива-

ющих в поселке Туркестанец, в случае если жители поселка захотят поменять место жительства. Об этом сообщил аким ЮКО Б.Сапарбаев на встрече политических партий и движений, посвященной обсуждению ситуации, сложившейся в поселках Багыс и Туркестанец 8 февраля 2002 года в Шымкенте [7].

По словам Б.Сапарбаева, в настоящее время около 20% жителей поселка Туркестанец являются казахстанцами [8]. При этом он отметил, что территория поселка остается спорной. В то же время, пояснил аким, принадлежность поселка Багыс к Казахстану не вызывает сомнений ни у казахстанской, ни у узбекской сторон, так как 90% жителей села являются гражданами Казахстана [9]. Вопрос идет только о 2 400 га пастбищных угодьях. Однако, с другой стороны, местные власти уже выделили багысцам около 12 000 га пастбищ, кроме того, каждый житель Багыса может получить индивидуальный земельный участок, для этого надо только подать заявление в районный акимат [10]. Но, по словам акима, до сих пор никаких заявлений не поступало.

Хотелось бы подчеркнуть, что переговоры по делимитации и демаркации государственной границы требуют тщательного учета многих факторов, поскольку затрагивают политические и экономические интересы, национально-культурные особенности. Надо сказать и о том, что ажиотаж, создаваемый разными СМИ вокруг делимитации и демаркации казахстанско-узбекской государственной границы, негативно сказывается на ходе и темпах ее завершения. В своем интервью на телеканале КТК от 24 января 2002 года, будучи Премьер-Министром Казахстана, К.Токаев заявил, что делимитация оставшихся спорных территорий села Багыс и Туркестанец решены в пользу Казахстана и что в настоящее время межгосударственные комиссии двух стран оформляют юридическую часть документов для подписания сторон.

21 февраля 2002 года состоялся телефонный разговор Президента страны Нурсултана Назарбаева с Президентом Узбекистана Исламом Каримовым [11]. Между президентами был обсужден вопрос о необходимости ускорения подготовки и подписания Соглашения по делимитации оставшейся части границ между нашими государствами, которое намечается рассмотреть на предстоящей встрече премьер-министров двух стран. Помимо этого, недавно в Астане завершила ра-

боту казахстанско-узбекская межправительственная комиссия, в ходе которой подписано новое соглашение по сотрудничеству на 2002 год.

Разрешены энергетические проблемы, в перспективе может возникнуть взаимозависимость между двумя странами в использовании территории для транзита узбекского хлопка или казахстанской нефти. Достаточно сказать, что на настоящий момент сняты проблемы для транзита грузов автотранспортом из Узбекистана через территорию Казахстана. В настоящий момент между странами не стоит вопрос о введении визового режима, хотя подписано инициированное узбекской стороной Соглашение о введении механизма миграционных карточек для улучшения контроля за передвижениями граждан. Необходимость такого шага обусловлена угрозами, исходящими от международного терроризма и транснациональной преступности и проникновения нелегальных мигрантов и террористических группировок на территорию республик в связи с антитеррористическими операциями США в Афганистане. Между Казахстаном и Узбекистаном заключено более 70 соглашений по самым разным аспектам двухсторонних отношений.

И одним из моментов, требующих внимания, являются трансграничные реки. По территории центральноазиатских государств

протекают трансграничные реки, которые используются для различных хозяйственных целей всеми республиками. Проблема рационального использования водных ресурсов трансграничных рек и водоемов стремительно обостряется во всем мире и становится причиной роста социально-экономической напряженности и межгосударственных противоречий. Наблюдаются отдельные попытки раздела водного стока этих рек, что не всегда позитивно отражается на экономике соседних республик. Однако постепенно решается и проблема использования вод трансграничных рек. Найден общий язык между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном по распределению вод из Сырдарьи и водохранилищ на Нарыне, именно Казахстан имеет возможность регулировать сток Сырдарьи на территорию Узбекистана.

В сегодняшнем мире, когда расклад сил меняется очень быстро и непредсказуемы события и действия любого участника мирового сообщества, в фокусе внимания мы должны держать стабильность и спокойствие в регионе в целом. Следовательно, границы центральноазиатских республик должны стать границами дружбы. Эти границы не должны разделять народы и изолировать их друг от друга, а наоборот, способствовать их сплочению в борьбе против беззакония, насилия и других явлений, расшатывающих стабильность в регионе.

Литература

1. Идрисов Е. Устойчивые границы – залог стабильности государства // Дипломатический курьер. Издание МИД РК – №1. – 2000. – С.101.
2. Кунаев Д.А. О моем времени. А., РГЖИ «Дауір», МП «Ынтымак», 1992. – С.152.
3. Мәлім жөне бей мәлім //Қазақ әдебиеті. –15 ақпан. 2002. 3 –Б.
4. Мухамбетдырова А. Поселок Бағыс – горячая точка в казахско-узбекском приграничье // www.saprk.kz.
5. Идрисов Е.А. Казахстан – Узбекистан: пограничные проблемы будут решены цивилизованно // Казахстанская правда. – 20 апреля. –2000.
6. Казахстанская правда. 17 ноября 2001.
7. Акимат ЮКО готов способствовать переселению граждан РК, проживающих в поселке Туркестанец // www.gazeta.kz – 9 февраля.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же.
11. О предстоящих встречах // Казахстанская правда. – №036 (23685) – 21 февраля 2002.

К КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ АВТОМОБИЛЬНЫХ ПАССАЖИРСКИХ ПЕРЕВОЗОК В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Эсеналиева В.Е.

Возрастание роли и значения автомобильных пассажирских перевозок при переходе на рыночные отношения определяется усилением процессов урбанизации, формирования новых промышленных центров, необходимостью обеспечения комплексного развития инфраструктуры городов, массовой доступности общественного транспорта для населения.

В единой транспортной системе республики в 2000 году из общего объема пассажирских перевозок 462,9 млн человек перевезено автомобильным транспортом 395,6 млн человек, что составляет 85,5%, т.е. автомобильные пассажирские перевозки являются основным видом перевозок населения.

Концепция развития автомобильных пассажирских перевозок должна быть направлена на решение следующих **основных задач**:

- поэтапное формирование системы пассажирского транспорта страны, соответствующей современным международным требованиям;
- развитие рыночных отношений в сфере пассажирских перевозок, негосударственных форм собственности на транспортные средства;
- формирование конкурентной среды на рынке транспортных услуг;
- совершенствование организационной структуры и внедрение современных технологий управления пассажирскими перевозками;
- обеспечение финансовой устойчивости предприятий пассажирского транспорта, внедрение финансовых механизмов, обеспечивающих снижение эксплуатационных издержек;
- создание благоприятных условий для привлечения инвестиций, в том числе иностранных, в сферу пассажирского транспорта;
- обновление и модернизация подвижного состава пассажирского общественного автотранспорта;
- повышение уровня развития инфраструктуры пассажирского транспорта, прежде всего ремонтной базы, оснащение ее новыми техническими средствами, технологи-

ями обслуживания и ремонта подвижного состава;

- обеспечение системы пассажирского автотранспорта квалифицированными кадрами;
- совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей взаимоотношения хозяйствующих субъектов в сфере автомобильных пассажирских перевозок и обеспечивающей его устойчивое функционирование и развитие.

Концепция основывается на положениях Конституции Кыргызской Республики, законов Кыргызской Республики, решениях Правительства, других актах законодательства страны, а также на результатах анализа современного состояния автомобильных пассажирских перевозок.

Приоритетное значение на ближайшую перспективу должно придаваться дальнейшему совершенствованию отношений собственности, структуры управления и механизма регулирования деятельности различных видов пассажирского транспорта, создание конкурентной среды на рынке транспортных услуг. Для этого необходимо разработать соответствующий пакет нормативно-правовых актов.

Законодательно-правовая база как основа государственного регулирования деятельности должна отражать появление различных организационно-правовых форм и форм собственности, обеспечивать эффективное взаимодействие предприятий отрасли, государственную защиту прав потребителей услуг, безопасность и охрану окружающей среды.

Законодательные и нормативные акты, регламентирующие деятельность хозяйствующих субъектов, должны разрабатываться с учетом сближения их правовой базы с требованиями международного права, а также международных организаций, участником которых является Кыргызская Республика.

Формирование и функционирование рынка пассажирских перевозок предусматривается осуществлять на основе развития конкуренции между перевозчиками различных форм собственности.

Основными задачами по формированию и расширению рынка автомобильных пассажирских перевозок являются:

- создание здоровой конкуренции, усиление контроля за деятельностью монополистов;
 - защита интересов потребителей транспортных услуг и предпринимателей, оказывающих транспортные услуги;
 - установление порядка и условий допуска и функционирования на маршрутах общего пользования автобусов, принадлежащих физическим и юридическим лицам всех форм собственности;
 - привлечение к работе предприятий всех форм собственности на конкурсной основе;
 - создание условий для успешного взаимодействия и сотрудничества частных перевозчиков с акционерными предприятиями общественного городского транспорта;
 - формирование маркетинговых структур, изучение современного состояния и прогнозирования развития рынка транспортных услуг;
 - инвестиционная политика с внедрением лизинга;
 - создание и усиление работы структур лицензирования и сертификации;
 - информационное обеспечение развития рыночных отношений и содействие углублению экономических реформ путем формирования современной информационной инфраструктуры;
 - ужесточение требований к перевозчикам по состоянию технических средств транспорта и по охране окружающей среды;
 - контроль за профессиональным уровнем работников транспорта;
 - поэтапное приведение национальных требований к техническим средствам транспорта и системе транспортного предпринимательства в соответствии с требованиями, принятыми в развитых зарубежных странах.
- Одним из основных путей создания таких условий станут тендеры на размещение пассажирских маршрутов с закреплением в тендерных документах единых требований к перевозчикам различных форм собственности.
- Для развития и стимулирования услуг индивидуальных владельцев автотранспортных средств в каждом городе развивать создание ассоциаций частных перевозчиков.
- В целях совершенствования системы управления пассажирскими перевозками вопросами организации и регулирования международных и внутриреспубликанских ме-

жобластных маршрутов должны заниматься органы Министерства транспорта и коммуникаций Кыргызской Республики, городских и внутрирайонных маршрутов, территориальные органы управления пассажирским транспортом местных госадминистраций, которые призваны:

- проводить обследования пассажиропотоков и на их основе разрабатывать оптимальную маршрутную сеть для различных видов транспорта;
- разрабатывать маршрутную документацию и ее согласование с органами госавтоинспекции;
- устанавливать расписание движения на каждом маршруте и обеспечивать контроль за его соблюдением перевозчиками;
- на тендерной основе распределять маршруты между перевозчиками независимо от формы собственности;
- проводить единую техническую политику и контролировать соблюдение единых требований к подвижному составу, занятому выполнением городских перевозок;
- обеспечивать введение единой билетной системы для субъектов городского пассажирского транспорта.

Взаимоотношения между органами управления пассажирским транспортом и перевозчиками должны осуществляться на договорной основе. Госадминистрации городов должны заключать с органом управления городским пассажирским транспортом договор (контракт) на транспортное обслуживание населения, устанавливать предельные тарифы, а также осуществлять контроль за качеством выполнения пассажирских перевозок и соблюдением перевозчиками утвержденных тарифов.

Органы управления пассажирским транспортом должны заключать договоры с перевозчиками на выполнение определенного вида перевозок, координировать их деятельность.

Государственное регулирование деятельности городского пассажирского транспорта предусматривается осуществлять путем формирования и регулирования допуска к автомобильным пассажирским перевозкам, лицензирования, разработки нормативных документов, формирования тарифной политики, налогообложения, централизованного финансирования, проведения единой научно-технической политики, обеспечения безопасности перевозок и др.

Государственное регулирование пассажирского транспорта в Кыргызской Рес-

публике осуществляется Правительством через Министерство транспорта и коммуникаций и органами государственной власти на местах.

Необходимо регулировать тарифную политику, являющуюся важнейшим инструментом воздействия на ход экономических и социальных процессов в республике.

Как составная часть государственной ценовой политики, она должна реализовывать общезкономическую тенденцию перехода к системе свободного ценообразования, учитывая вместе с тем влияние свободных тарифов на уровень инфляции и платежеспособный спрос, а также необходимость государственной финансовой поддержки малоимущих слоев населения и предприятий, работающих по фиксированному тарифу.

В области тарифной политики необходимо предусматривать:

- обеспечение свободных тарифов с высоким уровнем конкуренции;
- обеспечение совершенствования тарифной политики и сохранения единого тарифного пространства в соответствии с межправительственными соглашениями о проведении согласованной политики в области определения тарифов;
- совершенствовать налоговое законодательство с учетом необходимости снижения издержек и тарифов для решения социальных проблем и развития экономических связей.

Научно-техническая политика в области развития системы автотранспорта должна основываться на обеспечении потребителей качественными услугами и выход на мировой уровень по техническим параметрам и качеству предлагаемых услуг.

Основными составляющими научно-технической политики должны являться:

- повышение результативности научно-технического прогресса на основе конкурсной системы отбора направлений его реализации и наиболее эффективных проектов и программ;
- создание механизма, координирующего экономические интересы инвесторов, работодателей, производителей и потребителей;
- создание научно-технического совета и проведение ежегодной научно-практических конференций по имеющимся проблемам;
- сохранение и развитие отраслевых научных учреждений, создание специального фонда для финансирования научных исследований и разработок;

- обновление технического парка, модернизация инфраструктуры, применение прогрессивных технологий.

Для обеспечения интеграции автотранспортной отрасли, осуществляющей пассажирские перевозки, в мировую систему необходимо:

- расширение и углубление сотрудничества с международными организациями и реализация межгосударственных соглашений в области автомобильных пассажирских перевозок;
- создание эффективной государственной системы по контролю за деятельностью иностранных автотранспортных перевозчиков на территории республики;
- осуществление необходимых мер по защите и поддержке деятельности автотранспортных перевозчиков на внешнем рынке;
- вхождение в мировое информационное пространство и международный информационный рынок, путем обеспечения доступа к международным информационным сетям и системам;
- расширение участия Кыргызской Республики в международном и межгосударственном обмене информацией;
- соответствие нормативно-правовой базы деятельности отрасли с соответствующими международными правовыми нормами.

Приоритетным направлением интеграционных процессов является создание условий для свободного перемещения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, упрочение и развитие хозяйственных связей.

Инвестиционная политика имеет первостепенное значение для развития отрасли и улучшения ее работы и должно стимулировать привлечение собственных ресурсов предприятия и предпринимателей, банковских кредитов и других внебюджетных средств.

Государственные инвестиции должны носить избирательный характер и направляться в первую очередь на решение приоритетных проблем.

Наиболее важным является расширение привлечения прямых иностранных инвестиций как международных финансовых структур, так и частного капитала.

Реализация инвестиционных проектов должна осуществляться на конкурсной основе, которая позволит обеспечить также максимально эффективное использование инвестиций.

Учитывая, что автомобильные пассажирские перевозки имеют социальное значение, к ее дальнейшему развитию необходимо подходить системно, с позиций активного госу-

дарственного регулирования, учитывая экономические интересы регионов и автотранспортных перевозчиков.

Экономическое развитие Кыргызской Республики позволяет сделать вывод, что общими приоритетными направлениями развития автомобильных пассажирских перевозок будут:

- развитие межгосударственных автомобильных пассажирских перевозок;
- внедрение новой техники и современных автотранспортных связей;
- интеграция автотранспорта республики, осуществляющего пассажирские перевозки, в международную автотранспортную систему перевозок на основе создания национальной нормативной базы отрасли в соответствии с международными требованиями;
- повышение конкурентоспособности автомобильных пассажирских перевозчиков;
- совершенствование стратегии и политики управления автомобильными пассажирскими перевозками в условиях экономических реформ;
- развитие правовой базы управления автомобильными пассажирскими перевозками;
- содействие в создании и обеспечении деятельности предприятий различных форм

собственности на пассажирском автотранспорте с привлечением как отечественных, так и иностранных инвесторов;

- создание условий для развития конкуренции на рынке автотранспортных перевозок и услуг;
- развитие научно-технического прогресса, равноправное, взаимовыгодное сотрудничество с иностранными научно-техническими учреждениями;
- развитие материально-технической, производственной базы пассажирских автотранспортных предприятий;
- создание информационных автоматизированных систем управления;
- развитие, расширение и эффективное использование сети автостанций и автовокзалов;
- обеспечение безопасности автомобильных пассажирских перевозок;
- совершенствование и развитие природоохранных мероприятий;
- развитие туристических услуг, обеспечение сервиса на уровне развитых европейских стран;
- развитие социальной защиты работников пассажирского автотранспорта.

Hoffmann L., Bofinger P., Flassbeck H., Steinherr A. Kazakhstan 1993–2000. Independent Advisors and the IMF. – Heidelberg, New York: Physica-Verlag, 2001. – 278 p.

Основной целью исследования, проведенного независимыми немецкими консультантами Л.Хоффманном, П.Бюфингером, Х.Фласбеком и А.Штайнгером в их книге «Казakhstan: 1993–2000», является не только анализ экономического и финансового состояния Казахстана с момента введения национальной валюты, но и изучение последствий политики МВФ в отношении предмета исследования. Проект, положенный в основу этой книги, начинался по инициативе Президента Н.Назарбаева, который пригласил Л.Хоффманна, директора Германского института экономических исследований в качестве независимого консультанта в мае 1993 г. Казахстанский лидер поставил перед группой немецких экспертов задачу сделать анализ политических рекомендаций, предложенных МВФ Казахстану. В ходе выполнения проекта консультативная группа нередко выступала в качестве модератора политических дискуссий между казахстанским правительством и МВФ. В результате дискуссий экспертной группе удавалось даже повлиять на политику Фонда и добиваться, как это имело место в 1995 г., смещения акцентов в финансово-экономической политике РК.

В книге содержится беспристрастный анализ экономического состояния республики накануне денежной реформы. Авторы считают, что введение тенге было мерой крайней необходимости, т.к. речь шла буквально о выживании страны. Авторы точно указывают на провалы и успехи стабилизационной политики казахстанского правительства в 1993–95 гг. Композиционно книга построена в виде глав, освещающих в хронологическом порядке встававшие перед Казахстаном финансово-экономические проблемы, методы и способы их решения. Так, в 1993–94 гг. основной задачей было обуздать гиперинфляцию. К 1995 г. назревший экономический кризис привел к разногласиям с МВФ. К середине 1995 г. возникла необходимость преодоления тупика между макро- и микроэкономической политикой. К началу 1997 г. Казахстану удалось добиться стабилизации

динамики роста цен, что авторы считают важным рубежом его финансово-экономической политики. Во второй половине 90-х гг. на повестку дня выходят такие проблемы, как бюджетная политика и использование сырьевых ресурсов.

В этой связи большой интерес представляет раздел, посвященный анализу роли нефтегазового сектора казахстанской экономики. Немецким экспертам удалось вполне объективно осветить все основные проблемы экономического, транспортного, политического и юридического характера, связанные с чрезмерными надеждами на каспийскую нефть. В основе своей эти выводы и рекомендации сохраняют и дальше свою актуальность. Однако авторы не учли резкого роста цен на нефть, которые наблюдаются с 1999 г. Таким образом, за пределами книги остались новые факторы, активно влияющие на экономическую политику Казахстана в 2000–01 гг.

Большой интерес представляет глава, посвященная внутриэкономической политике Казахстана. Она охватывает широкий спектр вопросов в период с 1996 по 1999 гг., связанных с решением проблем взаимной задолженности предприятий, выработкой механизма клиринга неплатежей, финансирования пенсионного обеспечения по принципу персональных сбережений и т.д. Авторы констатировали, что система пенсионного обеспечения, существовавшая в РК на основе принципа солидарности поколений, находилась в глубочайшем кризисе. Впрочем, как замечают авторы, такое состояние характерно не только для Казахстана. Придя к выводу о целесообразности пенсионной реформы в РК, немецкие эксперты в то же время обратили внимание на ряд рисков и условий, связанных с ее успешной реализацией. К ним они относят наличие некоррумпированных институтов, пользующихся доверием населения, обеспечение независимости от государства выплаты пенсий по возрасту, что невозможно в силу специфики развития экономики Казахстана. Тем самым вмешательство государства в пенсионную политику неизбежно.

Решающим фактором успеха новой пенсионной системы является обеспечение быстрого и постоянного роста экономики. В этих условиях немецкие эксперты предложили (в июне 1997 г.) пересмотреть принципы перехода к новой пенсионной системе или отложить ее введение на два года, что фактически и произошло. В 1999 г. эта группа консультантов высказалась за сохранение в Казахстане смешанной, накопительно-солидарной системы.

Отдельным сюжетом в книге идет раздел о причинах решений о переходе к демонетизированной экономике. Этот сюжет напрямую связан с миссией экспертной группы и их оценкой влияния МВФ. К причинам авторы относят низкий уровень трансфертов в банковской системе, слабость платежной морали, коррупцию в государственном секторе, несовершенство налоговой системы и недостатки законодательного регулирования. Самым важным условием для изменений сложившегося в 90-е гг. порядка вещей в банковской системе авторы называют сильную политическую волю, повышение платежной дисциплины, борьбу с денежными суррогатами и обеспечение прозрачности финансовых операций.

Последняя глава книги возвращает читателя к внешним факторам, влияющим на экономическое состояние Казахстана. Главным из них в конце 90-х гг. стал Азиатский кризис. Немецкие консультанты забили тревогу уже в марте 1998 г., настаивая на принятии защитных мер, которые обеспечили бы противодействие последствиям девальвации азиатских валют. В конечном счете дискуссии экспертов с правительством свелись к главной проблеме – необходимости девальвации тенге. Однако Правительство РК признало эту необходимость только весной 1999 г. При этом в МВФ абсолютно не понимали реальных проблем Казахстана и настаивали на продолжении прежней стратегии, основанной на высоких процентных ставках и агрессивных операциях на открытых рынках. В результате позиции некоторых казахстанских финансистов и представителей МВФ вынужденная девальвация тенге столкнулась с рядом сложнейших проблем в сфере денежной и бюджетной политики. Главный парадокс ситуации состоял в том, что до середины 1998 г. реальный обменный курс тенге продолжал повышаться, при этом Азиатский кризис был не причиной его повышения, а лишь толчком для его удорожания. В апреле

1999 г. в Казахстане был введен новый валютный режим, который в большей степени произошел под давлением рынка, а не из соображений валютной политики.

Безусловно, рецензируемая книга представляет собой большой интерес, прежде всего как уникальный документ, отражающий опыт оказания консультативной помощи стране, переживающей переходный период со стороны представителей высокоразвитого в экономическом плане государства. При этом следует иметь в виду, что рекомендации немецких экспертов зачастую входили в противоречие с позицией ряда высоких казахстанских чиновников и руководителей, а также с политикой и рекомендациями МВФ, пытавшимся оказывать широкое политическое и финансовое давление на Казахстан. Этой причиной, а также неспособностью в некоторых случаях государственных чиновников, которые еще не располагали достаточным опытом работы в рыночных условиях, адаптировать или понимать предлагавшиеся рекомендации, объясняют авторы то, что их советы не всегда претворялись в жизнь.

Однако они высоко оценивают готовность казахстанского руководства сотрудничать с ними на протяжении длительного периода времени, что является прямым и косвенным подтверждением правоты дававшихся ими рекомендаций. Большое значение имел опыт перехода к рыночной экономике бывшей ГДР. Исходя из него, немецкие эксперты пытались предостеречь от некоторых ошибок, но по настоянию советников, представляющих различные международные финансовые организации, эти ошибки повторялись вновь и вновь в бывших соцстранах, в том числе и в Казахстане. Главным изъяном стратегии МВФ немецкие экономисты считают его стремление делать далеко идущие выводы на основе упрощенных моделей. Такая стратегия приводит к тому, что рекомендации МВФ в некоторых случаях ставят на колени даже страны с развитыми рыночными отношениями, не говоря о транзитных государствах, к которым относится Казахстан. К таким невыполнимым советам относится постоянное требование Фонда о снижении уровня бюджетного дефицита.

МВФ и другие международные организации игнорировали постоянные напоминания немецких экспертов о необходимости развития перерабатывающих отраслей в Казахстане с тем, чтобы избежать зависимости от сырья. К

негативным последствиям мышления западных советников авторы относят также их замкнутость на структурных причинах, абсолютизации факторов недостаточного уровня приватизации или слишком, на их взгляд, высокой степени государственного вмешательства в экономику. В основе такого мышления лежит порочное убеждение, что во всех транзитных странах существует страх перед затяжным трансформационным процессом, порождающим скрытое политическое сопротивление. Преодолеть этот страх, как считают представители МВФ, можно только с помощью шоковой терапии, стопроцентного перехода к рыночной экономике.

Как вполне справедливо отмечают авторы, «во многих странах «трансформация», совершенная по советам международных финансовых организаций, была доведена до

такого состояния, при котором функционирующее государство переставало существовать и было заменено господством нескольких лиц, использовавших трансформацию для усиления своей власти». С этим выводом, достаточно нелицеприятным для МВФ, можно было бы вполне согласиться, если не принимать во внимание, что губительные рекомендации являются не «ошибками», как считают независимые немецкие эксперты, а элементами рассчитанной стратегии и частью большой геополитической игры. В этом случае все становится на свои места. В целом данная книга представляет собой не только весьма любопытную интерпретацию экономической истории Казахстана в 1990-е годы, но и полезным экономическим учебником и руководством для проведения дальнейшей экономической политики.

Лаумулин М.Т.

ТРЕБОВАНИЯ К РУКОПИСЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Рукописи статей должны быть отпечатаны на принтере в двух экземплярах, кегль 14, шрифт «Таймс» одинарный интервал, поля 2 см. со всех сторон, заверены личной подписью автора (авторов). Объем рукописи не должен превышать 14 страниц. К рукописи должна прилагаться дискета с текстом статьи и графическими материалами в формате Windows 95-97 (Word, Excel).

Список используемых источников указывается на языке оригинала в конце статьи в следующем виде.

Номер по порядку. Автор (ФИО.), название работы (статьи), название источника (книги, журнала), месяц и/или год издания.

Ссылка в тексте по порядковому номеру в списке источников указывается в квадратных скобках.

Графики, диаграммы и другие графические материалы распечатываются на отдельных листах. В тексте указывается желаемая позиция для размещения графического материала.

В сопроводительном письме должны содержаться следующие сведения об авторе (авторах):

Фамилия, имя, отчество; место работы и должность; служебный и домашний адреса; номера служебного и домашнего телефонов.

Рукописи статей не возвращаются, не рецензируются и не восстанавливаются.

Ответственность за содержание статей несет автор (авторы).

Редакция оставляет за собой право публикации или отклонения рукописи.

SUMMARY

Article: «DEMOCRACY THEORIES».

Author: *Ashimbayev M.S., Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.*

The article analyzes established concepts of democracy. The use of notion of democracy is often idealized. One of the important tasks for political sciences scholars of CIS is to analyze phenomenon of democracy ideas realization in post soviet area and further development of democracy concepts.

Article: «DEMOCRATIZATION AND POLITICAL CULTURE IN POLITICAL MODERNIZATION CONDITIONS: THEORETICAL ASPECT».

Author: *Kasymbekov M.B., manager at the Office of the President RK, Candidate in Political Sciences.*

The author considers the problem of transitional political systems democratization in modernization period. According to author, modernization projects, which are under way in majority transitional states, are based on changing nature of structural and functional political institutes. The need for rapid economic growth is identified with radical transition to democratic norms and procedures.

Article: «LANGUAGE OF POLITICS AS A SOCIO-LINGUISTIC PHENOMENON».

Author: *Kulzhanova G.K., Post-graduate student at Philosophy and Political Science Institute of the Ministry of Education and Science RK.*

The article analyzes specific character of politics language, which consists in functional language variety and being as a mean of policy making and political purposes achievement.

Article: «ISLAMIC RADICALISM: SOURCES AND THREAT».

Author: *Smirnov S.L., senior research fellow at the geoglobalistics and economic security department.*

The article reviews the problems of radicalism and extremism in Islam. The author considers the reasons of their activization, current trends in Islam, sources of political theory and practice of contemporary Islam. The emphasis is given to islamic extremism in Central Asia and Northern Caucasus. The author concludes that characteristic feature of modern process of islamization is social-political direction.

Article: «SOME APPROACHES IN DEFINING «DECENTRALIZATION» AND «LOCAL GOVERNANCE» NOTIONS».

Author: *Alzhani Zh. K. Research Fellow, Department of Social and Political Studies, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan.*

This article is devoted to the theoretical base of decentralization and local governance problem, elaboration of form of interaction between different social subjects and institutes which is most acceptable for Kazakhstan political system, defining adequacy of western model of political power decentralization to transitional state of Kazakhstan.

Article: «POWER DECENTRALIZATION PROBLEMS IN THE CONTEXT OF POLITICAL DEVELOPMENT OF KAZAKHSTAN».

Author: *Kazkenov K.M., political science specialist, Kandidat in History, Nukenov A.N., Post-graduate student at Political Science Department of the Kazakh State National University named after Al-Faraby.*

Power division improvement is an actual issue in political system building. Not only government can contribute to this process but also public organizations should play an important role. First of all, political parties should increase their activity in society and be involved in political system reforms.

Article: «CONCEPTS OF 'ETHNOPOLITICS' AND 'NATIONAL POLICIES'».

Author: *Serazhiyeva S., research fellow at the social-political studies department.*

The author considers 'ethnos' and 'nation' notions in order to present detailed analysis of 'ethnopolitics' and 'national policies' concepts.

Article: «THE CONCEPTION OF TECHNOLOGICAL MEANS OF PRODUCTION AND THE PRIORITY OF SOCIAL AND ECONOMIC REFORMING IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN».

Author: *Abishev A. A. Pro-rector of studies at the State University of Almaty named after Abay, PhD in Economics.*

The actuality of the considered problem is defined by the necessity and the significance of theoretical research of the main tendencies, directions and the principles of evolution of the modern society, necessary to work-out deep and scientifically based conception of the social and economic reforming of the Republic of Kazakhstan.

The detailed analysis of dominating tendencies, regularities and perspectives of technological development of the society, as within the boundary of separate Commonwealth of Independent States, so as in the global plan, allows to conclude, that the integration is the strategic direction of the developing Commonwealth of Independent States, which also assists their entrance to the global means of production as the organic technological link.

Article: «EXPORT POTENTIAL STIMULATION AND CHANGES IN BRANCH STRUCTURE OF WORLD ECONOMY».

Author: *Kazhmuratova A. K., senior research fellow at the geoglobalistics and economic security department.*

Globalization and internationalization processes are covering more and more states in a global commercial network. World economy does influence national economies. Today the development of interstate economic relations determines not only the pattern of world trade but also social and economic development of state.

The article is devoted to one of the actual problems of modern world economy – formation and development of export potential of national economy. Strong export potential is an important factor in providing favorable conditions for national economy growth and international economic relations development. Therefore it is necessary to support export goods, i.e. to prepare basic measures of the consolidated external economic policy.

Article: «DEPOSIT POLICY MAKING STRATEGY IN COMMERCIAL BANKS».

Author: *Kuanova G.A., senior research fellow at the geoglobalistics and economic security department.*

The marketing analysis of the deposit market in Kazakhstan is presented in the article. The author examines the stages of deposit policy making on the basis of the SWOT-analysis and suggests deposit policy in commercial banks. The policy can be introduced in commercial banks of Kazakhstan and it is also suitable for all banks.

Article: «DEFINITION OF OIL AND GAS RAW MATERIAL COMPLEX UTILIZATION EFFICIENCY COEFFICIENT».

Author: *Pakhrutdinov R.I., General Director of KazFEC company.*

Oil and gas raw material exploration efficiency is estimated by tax returns from raw material operations to the budget. Revenue returns from selling raw material is less than selling them after processing in local refineries. The author suggests estimating raw material utilization efficiency through coefficient of complex utilization of raw material.

Article: «PENSION FUNDS INTENSIFY THEIR INVESTMENT RESOURCES».

Author: *Tulepbayev K.M.*, head of the credit administration department at open joint-stock company "NSBK".

Pension funds in Kazakhstan have concentrated more than one milliard US dollars at present. Investment portfolio of pension funds should be strengthened by placing assets in the production sector of national economy.

Article: «THE MAIN FEATURES IN OVERCOMING TOTALITARIAN ETHNOSOCIAL POLICY CONSEQUENCES IN KAZAKHSTAN».

Author: *Kasymova A.K.*, Post-graduate student at the State University of Almaty named after Abay.

The article is devoted to ethnosocial policy features analysis. Economic factors do influence interethnic relationship. A low living standards, unemployment, government's legitimacy decline considerably increase social tension. The author concludes that social policy of state needs to be changed.

Article: «SPECIFIC FEATURES OF POLITICAL PROCESS AND ITS REGULATION IN POST TOTALITARIAN PERIOD».

Author: *Mashan B.S.*, research fellow at the Analytical center "Strategy".

The article examines the specific features of political process in post totalitarian societies. The author analyses the legislative base of political process in Kazakhstan.

Article: «COMMUNIST PARTY OF CHINA: TODAY AND TOMORROW».

Author: *Galyamova V.F.*, research fellow of the Institute of Oriental Studies named by R.B. Suleymenov.

The article analyses both traditional and new aspects in political course of Communist party of China. The analysis is based on Jiang Zeming's report, made on July 7, 2001 in Beijing.

Article: «DELIMITATION OF KAZAKHSTAN – UZBEKISTAN STATE BORDER: PROBLEMS AND SALVATION».

Author: *Seidin N.B.*, research officer of Socio-Political Studies Department of Kazakhstan Institute for strategic Research under the President of the Republic of Kazakhstan.

This article deals with the process of state border delimitation between Kazakhstan and Uzbekistan after gaining independence. The article highlights the work of inter governmental commission on border delimitation. The author also gives information concerning the two settlements Baghis and Turkestan on the border with Uzbekistan about which there are a lot of publications in mass media. The author concludes his article with the statement that the process of border delimitation is close to the end.

Article: «THE CONCEPT OF AUTOMOBILE PASSENGER TRANSPORT DEVELOPMENT IN KYRGYZSTAN».

Author: *Yesenaliyeva V.E.*, senior expert at the Transport Ministry of the Republic of Kyrgyzstan.

The article examines automobile passenger transport problems and the ways of its improvement.

1. **Абишев Али Ажимович** – проректор по учебной работе Алматинского государственного университета им. Абая, доктор экономических наук

2. **Альжани Жасулан Куанышулы** – научный сотрудник отдела социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК

3. **Ашимбаев Маулен Сагатханович** – директор КИСИ при Президенте РК

4. **Галямова Венера Фаридовна** – аспирант Института Востоковедения им. Р.Б. Сулейменова МОН РК, эксперт Центра внешней политики и анализа

5. **Казкенов Казбек Майлыбаевич** – политолог, кандидат исторических наук

6. **Касымбеков Махмуд Базаркулович** – заведующий Канцелярией Президента РК, кандидат политических наук

7. **Кажмуратова Айгерим Кенесовна** – ведущий научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук

8. **Касымова Алма Кабдыровна** – соискатель АГУ им. Абая

9. **Куанова Гульмира Асылбековна** – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК

10. **Кульжанова Гульмира Куановна** – соискатель института философии и политологии МОН РК

11. **Лаумулин Мурат Турарович** – заместитель директора КИСИ при Президенте РК

12. **Машан Бауыржан Серикулы** – соискатель Аналитического центра «Стратегия»

13. **Нукунов Абзал Нукунович** – соискатель кафедры политологии КазНУ им. Аль-Фараби

14. **Пахрутдинов Руслан Ибадуллаевич** – генеральный директор компании «КАЗТЭК»

15. **Сейдин Нурлан Бахытжанулы** – научный сотрудник отдела социально-политических исследований

16. **Смирнов Сергей Леонидович** – старший научный сотрудник отдела геоглобалистики и экономической безопасности КИСИ при Президенте РК

17. **Серажиева Саня Хамидовна** – научный сотрудник отдела социально-политических исследований КИСИ при Президенте РК

18. **Тулупбаев Куат Муратович** – начальник отдела кредитного администрирования ОАО «Народного Банка Казахстана», кандидат экономических наук

19. **Эсеналиева Венера Есенгельдиевна** – главный специалист Министерства транспорта Кыргызской Республики